

Предисловие. О тёмных и рыцарских Средних веках и мифологии великих предков

Писатель Эрих Кестнер в одной из своих книг как-то сказал, что каждый роман должен начинаться с предисловия – как домик начинается с цветника возле крылечка. Вот так же начну я, и предложу поговорить о Средневековье.

Каждый народ стремится иметь корни и потому непременно творит мифы о великих предках. О своём происхождении от богов (или от героев), о великих деяниях пращуров. Даже Соединённые Штаты, которым всего-то от силы два с половиной столетия – и те успели обзавестись мифом про отцов-основателей. Что уж говорить про народы куда более почтенного возраста. Римляне воспевали Ромула и Рема, которые будто бы вели свой род от Геракла, Карфаген возводил своё происхождение к Трое. Ну а жители европейской части Евразийского континента любят вспоминать Средневековье.

Немцы в XIX веке, создавая единое государство из раздробленных княжеств, воспылали тягой к Нибелунгам. Испанцы – «Песнь о Роланде»... список можно продолжить. Не избежали этого и мы, русские. Для нас «доисторическим героическим периодом» стала эпоха Киевской Руси. (Здесь необходимо дать небольшое пояснение. Тогдашние славяне называли государство просто Русью: объединение племён общего языка. Сам же корень «рус» лингвисты возводят праиранскому «белый», и сохранилось слово с эпохи миграции праславян. Термин Киевская Русь появился в истории лишь в XIX веке, чтобы не возникало путаницы между Московской Русью и государством древних славян).

Всплеск интереса к древним героям очень часто совпадает с трудными периодами в жизни народа, ведь из своей исторической памяти и деяний предков мы черпаем силы для борьбы с невзгодами настоящего. Правда, есть в такой мифологии, даже если она создаётся с благими целями, опасность: мы легко можем подменить реальные исторические события выдумкой, особенно если плохо знакомы с настоящей историей. Самый простой пример – былинный князь Владимир Красное Солнышко, который стал собирательным образом двух князей: Владимира Крестителя и Владимира Мономаха. А между этими людьми полтора столетия и два разных мировоззрения недавно крестившегося язычника и христианина в пятом колене. То же самое можно сказать и о том, какими представляют себе многие наши современники живших в XI веке горожан, дружинников и крестьян-смердов. Для сравнения: в сегодняшнем языке «смерд» слово уничижительное, а в XI-XII веках смерд – это крестьянин, зависящий только от князя или воеводы, но, в отличие от холопа или

закупа, лично свободный. И поэтому по социальному статусу находившийся лишь на самую малость ниже купца или воина. У многих россиян XXI столетия образ идеализированного предка-славянина в лучшем случае рисуется с Волкодава из одноимённой книги Марии Семёновой. Но ведь она-то, хоть и профессионально занималась дохристианской и раннехристианской эпохой, писала художественный фантастический роман! И вынуждена была многое изменять в угоду канонам именно фантастического романа.

Так каким же оно было? Когда мы говорим «Средневековье», каждому на ум приходит что-то своё. Кому-то любимые школьными учителями Крестовые походы и блестящие рыцарские романы – «Айвенго» Вальтера Скотта и «Крестоносцы» Генрика Сенкевича. Благородные герои, турниры, сражения и почитание прекрасных дам... Другие тут же возразят: ах, забудьте, это была ужасная эпоха. Грязь, зловоние на улицах, голод, засилье Церкви, право сильного. Но что удивительно – обе точки зрения верны, хотя они, казалось бы, полностью противоположны друг другу. И дело даже не в том, что крестьянин и рыцарь находились на разных ступенях социальной лестницы и поэтому жили по-разному. Если быть строгим и если не брать для сравнения нищего подёнщика из бедных кварталов Сент-Оноре и живущего в том же Париже, но почти в другой Вселенной, приближенного короля – не так уж сильно различалась жизнь разных сословий. В обычные дни ели они примерно одинаково (зажиточный крестьянин в отдельные столетия питался даже лучше, чем горожанин или небогатый рыцарь). Оборотистый купец мог иметь поместье побольше иного рыцарского домена, а если богатого горожанина обижал благородный господин, то следивший за порядком прево легко мог встать на сторону простолюдина. Но тогда в чём же дело? Почему мы смело можем утверждать, что правы и писатель Вальтер Скотт со своим благородным Айвенго, и режиссёр Алексей Герман-старший, когда в экранизации повести «Трудно быть богом» за основу брал именно мрачное европейское Средневековье во всех неаппетитных подробностях?

Ответ прост. Принято считать, что Средневековье начало свой отсчёт с падения Западной Римской Империи, когда германский вождь Одоакр в 476 году низложил последнего западно-римского императора Ромула Августула и провозгласил себя «владыкой Италии». А закончилось всё путешествиями Христофора Колумба в 1492 году. Но ведь между этими двумя датами – целая тысяча лет, бездна времени! И хотя мир и мышление жителей той эпохи менялись достаточно медленно – всё же менялись. Средневековые города отнюдь не всегда были загаженными лабиринтами с тесными зловонными улочками, где царил полумрак от нависавших верхних этажей. Впрочем, не

стоит себе вообразить и идиллическую картину с чистенькими и красочными улицами, как в Голливудских фильмах шестидесятых годов прошлого века. И то, и другое сосуществовало вместе, сменяло друг друга или смешивалось в причудливой картине в зависимости от того, насколько богатой была та или иная страна, и насколько долго длился период сытого мира. Но меняли облик не только города, менялись и люди. Поэтому, например, нельзя сравнивать правление Карла Великого в VIII веке и французского короля Филиппа IV Красивого в XIII веке – это были очень разные эпохи. А вот Жанна Д'Арк – это опять совсем другой образ мышления. И если король франков Дагобер, севший на престол в 605 году, открыто содержал целый гарем любовниц, а приезжая в Рим мог громко заявить, что ванна ему не нужна, так как он мылся перед отъездом – то в XIII веке к вопросам брака строго относились даже славившиеся своим беспутством французские короли. Да и купальни стояли во всех крупных городах. А обязательной принадлежностью любого богатого дома была не только бадья для мытья, но иногда самые настоящие бани – сохранилась смета постройки дворца герцога Бургундского в Париже, где указаны расходы на подведение отдельного водопровода к бане. (Рассказы про вонючих от грязи рыцарей – это вообще наиболее известный и живучий миф про Средневековье. Возник он в эпоху Возрождения, когда из-за исчезновения лесов и нехватки дров греть воду для мытья перестали, а из-за частых эпидемий и поверья о «защитном слое кожи», европейцы о чистоте тела забыли на несколько столетий.)

Итак, охватить всю эту огромную эпоху очень и очень сложно. Как сложно и выбрать какое-то одно время – все столетия одинаково интересны. Я остановился на первой четверти нового тысячелетия. На мой взгляд, самой это волнующий период всего Средневековья, определивший облик Европы, да и соседних частей света на много веков вперёд. Давно закончился мучительный период разрушения, когда вместе с великой Римской империей под ударами варваров пала так называемая классическая цивилизация – цивилизация, построенная на достижениях античных Греции, Рима и Египта. Варвары не сумели создать из обломков ничего своего: слишком велика оказалась разница в культуре и мышлении, чтобы слить воедино столько чуждых элементов. Да и социальная организация германских племён – где каждый мужчина одновременно и воин, и пахарь – не очень способствовала интеграции с галльским обществом, давно принявшим идею разделения труда. Прошёл период цивилизационного «провала» между закатом классической культуры и становления нового этноса, который мы сегодня называем Западно-Европейским. Он, как и поздняя Римская империя, тоже был христианским, но очень сильно отличался от

христианского общества Византии. Если в Восточной империи объединение шло по принципу «не важно, какого ты племени, главное ты – христианин», то в Европе территориальный элемент имел в сознании человека не меньшую силу, чем вопрос религиозной принадлежности и исповедуемой догмы. Фактически до XV века деление шло не по национальностям, а по принадлежности к той или иной феодальной агломерации – сеньории. Поэтому даже межгосударственные войны воспринимались как войны знатнейших из сеньоров – королей, а в переходе вельмож от французского короля к германскому императору и обратно во время войны не видели ничего преступного. А вот национальное деление впервые скажется лишь в эпоху Столетней войны, в позднем Средневековье.

К X-XII векам формирование европейского суперэтноса было завершено. Закончилась Реконкиста – отвоевание Пиренейского полуострова у мусульман, опаснейших конкурентов-мавров отбросили за Гибралтар. Выросло количество населения. Земля вступила в эпоху климатического максимума, почти на четыре столетия смягчился климат, и выросла урожайность. Одновременно с этим не только оживились ремёсла и торговля, но и стало больше людей, готовых воевать и способных воевать (так как профессиональный воин сам землю не пашет и доспех не куёт, на его содержание нужны немалые средства). Поэтому к началу второго тысячелетия викинги всё чаще не совершают набеги ради добычи и выкупа, а предпочитают мирно селиться на свободных землях или наниматься в баронские дружины – меньше риска больно получить в ответ. Европа научилась защищаться. Последовавший расцвет оказался настолько бурным, что его даже заметили две супердержавы того времени – Византия и Киевская Русь. (Наглядный пример – замужество княжны Анны Ярославны, которую отец соизволил выдать за короля Генриха I. Ведь годовой бюджет Франции при этом короле стал равен бюджету города Киева). Успешно Европа решила и вторую проблему: куда девать все горячие и склонные к риску и авантюрам головы, которые после завершения войны с маврами были уже не нужны. Их попросту отправили в Крестовые походы, где четыре пятых гибло, а из оставшихся в живых на родину возвращался лишь один из ста.

Именно в начале второго тысячелетия Европа приступила к обустройству своего дома. Нужно было создавать законы – наполовину пропитанные родовыми обычаями судебники морально устарели. Правящему классу была необходима чёткая система старшинства и обязанностей, зависящая не от личности вождя, а от социального статуса. Ремесленники объединялись для защиты своих прав в цеха и корпорации – и требовали эти

права зафиксировать, обязательно на пергаменте и с печатью. Поэтому постепенно начала оформляться система законов и указов по аналогии с римской, которой заведовали профессиональные законники – в университетах появляются юридические факультеты. Широкое распространение получили Хартии, в которых чётко прописывалось, что платит и что обязана делать та или иная община и коммуна, а что – не обязана. Нередко общины были готовы залезть в долги, лишь бы купить у королевского прево или графа такую Хартию. Вторым важным шагом к феодализму и рыцарям, которых мы привыкли видеть в романах и фильмах, стала земельная реформа. В римском праве, а также у унаследовавших его Византии и Руси, поместье (бенефиция) и служба чётко разделялись: земля и доход могли стать наградой, но привязывала к господину клятва верности. В Европе же нашли некую среднюю форму между римской моделью и организацией общин германских племён. Земля была разделена на две группы: аллод – свободно отчуждаемая и делимая индивидуально-семейная собственность (земля, замок, поместье, предприятие), и фьеф (феод) – земля (неделимый домен), закрепляемый за владельцем и дарующий ему определённые права и статус фактом обладания. Вассал приносил клятву верности – оммаж, чтобы получить от сеньора право защиту и помощь. Но оммаж мог быть и расторгнут без потери домена.

Следствием создания классического, хорошо знакомого нам по школе феодализма, стала очередная реформа экономики. Осев на одном месте, ставший бароном дружинник хотел вкусно есть, одеваться в шёлковые одежды и покупать дорогое оружие. А для этого нужны были товары (значит, приходилось сквозь пальцы смотреть на растущую независимость производивших ремесленные товары городов) и... деньги. Много денег. Барщина – принудительная работа на землях господина, на урожай с которых владелец и жил, замещается шампаром (полевой податью), цензом за пользование землёй и талью (произвольной податью). То же самое начинают делать и короли: теперь не только вассалы отдают сюзерену долю с дохода, но и остальное податное сословие платит непосредственно в казну королевскую талью и подымную подать (королевский налог, взимаемый с каждой семьи (очага) королевства). Но чтобы отдать деньги за все эти поборы, крестьянин должен свой урожай продать, а для этого нужно дать ему какую-то свободу. Иначе он просто свезёт всё в баронский амбар, и дальше пусть зерно гниёт там. А свобода – это возможность сменить свой статус, перебраться в город, открыть ремесленную мастерскую или торговую лавку. В некоторых случаях даже стать дворянином, границы сословий ещё не замкнулись.

В таком мире и живёт мальчик Жиль, на берегу притока Луары – реки Ньевр. Франция, конец XII века, Средневековье... Вот только наше ли там царит Средневековье? Один человек не может повернуть ход реки, имя которой – Время, но он может создать в её течении рябь и волны, которые столетия спустя отзовутся совершенно непредсказуемо. Таким человеком был Юстиниан I Великий (полное имя Юстиниан Флавий Петр Саббатий – византийский император, правивший с 527 по 565 года). Блестящий государственный деятель, знаток права и богословия. При нём, хотя и после долгой кровопролитной войны, в состав Восточной империи вернулись земли Северной Африки и Западной Европы. Его правление было ознаменовано всего одним бунтом Ника... охватившим всю столицу и ставшим самым крупным бунтом простонародья против басилевсов за всю историю Византии. В нашей истории успели подойти войска федератов-наёмников, а сподвижник басилевса Нарсес заручился поддержкой всех влиятельнейших сенаторов Константинополя. После продолжительных уличных боёв восстание подавили в крови. А если бы не получилось? Если бы Юстиниан по какой-то причине погиб?

Мятеж всё равно бы подавили, диадему басилевса надел бы новый правитель. Во внутреннем государственном управлении изменилось бы немного. Но вот внешняя политика Восточной Римской империи претерпит в этом случае существенные изменения. Одним из главнейших соперников Византии того времени был Иран, который контролировал Великий шёлковый путь. А шёлк был жизненно необходим, за него басилевсы вербовали наёмников. Поэтому войны с Ираном шли постоянно, пока внимание Константинополя усилиями Юстиниана почти на столетие не переключилось на Европу. Мечтавший о воссоздании Римской империи в прежних границах басилевс даже дал персидскому шаху взятку в триста килограммов золота ради заключения мира. Но если после Ники сядет другой владыка? Ведь договор с персами был подписан накануне мятежа. Новый правитель откажется платить, его поддержат жаждущие реванша за последнее поражение от персов влиятельные армейские генералы – Велизарий и Мунд. Партия примирения с Ираном, скорее всего, окажется не в фаворе, ведь новый басилевс постарается приблизить к себе новых людей, не связанных с предшественником. Сражения разгорятся с новой силой. С другой стороны по Ирану ударит Тюркютский каганат, который тоже заинтересован в расширении торговли, так как получает от Китая дань шёлком больше, чем позволяет продавать Иран. Наверняка война будет долгой, но сражаясь одновременно на два фронта, Иран победы не одержит.

Больше всех от этого выиграет Тюркютский каганат (Каспий, Средняя Азия, Алтай), который не растратит свой воинственный пыл в бесплодных стычках с Ираном. И тут придётся слегка отойти в сторону и от Европы, и от основного повествования.

В начале – середине IV века нашей эры в Великой степи, разделявшей Европу и Китай, закончились длившиеся почти два века лихолетье и засуха. Муссоны понесли тихоокеанскую влагу в пустыню Гоби, а циклоны – атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тянь-Шаня и Тарбагатай. Наполнилась водой впадина Балхаша, а Сырдарья подняла уровень «болота оксийского» и превратила его в Аральское море. Лесостепь поползла на юг, за ней туда же двинулась тайга, оттесняя сухие каменистые полупустыни. В степи начались переселения и столкновения племён, рождались и гибли государства и империи.

Одним из таких кочевых народов стали тюркюты (множественное число от тюрк). Тюркюты вышли на политическую арену относительно поздно, и хотя к VI веку существовали уже давно, соседи заметили их примерно в 545 году, когда Бумын-каган покорил сначала ближние племена телеутов, а потом остальную степь. И появилось новое могучее государство – Тюркютский каганат. Чтобы держать в покорности огромную страну, тюркюты создали жёсткую военизированную социальную организацию общества и назвали её «эль». А чуть позже, когда стало казаться, что государство незыблемо и вечно, стали говорить «Вечный эль» (как тут не вспомнить Римскую империю с её Вечным городом).

В центре этой социально-политической системы была «орда» – ставка хана с воинами-нукерами, их жёнами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду, с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли «кара-будун» или «тюрк-беглер-будун» – тюркские беги и народ (на ум опять приходит Рим с девизом «Senatus Populus que Romanus» – Сенат и граждане Рима). А кормили народ-войско огузы – покорённые племена, служившие орде и хану из страха, а отнюдь не из искренней любви. То и дело возникали восстания, но жестоко подавлялись. Итог такого государства вполне закономерен. Могучая колониальная империя ввязалась в войну с Ираном: тюркюты получали из Китая шёлк, но торговали с покупателями через Иран – и захотели устранить посредника, забиравшего себе изрядную долю прибылей. Война оказалась долгой и кровопролитной, силы были подорваны, к тому же вмешалась природа, начиная с конца VII века маятник погоды качнулся в обратную сторону. Степной климат постепенно становился всё засушливее. Тяжёлые военные поражения унесли жизни воинов, разорённая долгими сражениями страна стремительно нищала. Погиб последний законный хан и

началась первая гражданская война, осложнённая массовым восстанием покорённых народов. В 757 году войска династии Тан легко завоевали остатки каганата и стёрли о нём память подчистую. Так что следующие обитатели Великой степи, а вместе с ними и соседи, смело говорили: до нас люди в этих краях особо и не жили. Впрочем, стоит оговориться, что для мировой культуры наследие тюркютов потеряно не было. Китай эпохи Тан впитал очень много «бесхозных» достижений каганата. Немало выходцев из Степи, не желавших погибать в бессмысленных гражданских войнах, и пусть через несколько веков династия Тан пала, после долгого периода смутного времени к власти пришла династия Мин, возродившая идеи эпохи Хань – замкнутость, идеология превосходства над соседями, отказ от всего некитайского – искусство и литература эпохи Тан остаются непревзойдёнными. Они до сих пор являются духовным стержнем современного Китая.

Но что если война с Ираном окажется не очень тяжёлой, да к тому же победоносной? Законы природы всё равно не обмануть, а тюркюты стали как и Киевская Русь завершением эволюции своего этнокультурного витка. Там, где основа государства в том, что каждый мужчина в первую очередь – воин, уменьшение в правящей нации числа деятельных, готовых воевать и рисковать жизнью ради славы и Родины людей особенно заметно. В какой-то момент очередной каган захочет поправить дела маленькой победоносной войной. Мягкобрюхая Европа и жирные византийские и кавказские земли под боком, добычи бери – не хочу. Вторжение закончится катастрофическим провалом. Ведь начнётся война примерно в конце девятого века, и к этому времени тюркюты будут уже в конце завершающей фазы развития, когда слишком многие думают в первую очередь о своём личном куске, а интересы государства где-то в самом низу списка приоритетов. Зато у византийцев это период подъёма, когда основная масса населения – трудолюбивые граждане, которые хоть и предпочитают плуг, но всегда готовы при нужде перековать его в меч ради защиты общего дома (хороший пример для сравнения – Римская империя времён Октавиана Августа). Да и Европа ещё полна тех, кто готов умереть за идею: ради поиска Грааля провести жизнь в скитаниях, погибнуть как Роланд за славу и величие короля.

Остатки тюркютов будут изгнаны обратно в Степь. Но, в отличие от нашей истории, даже расколовшись на два или три государства, заметная часть народа уцелеет, сохранит культуру – ведь европейцев и степняков не разделяла многовековая вражда, как в случае с китайцами, и выжигать кочевья до последнего человека никто не станет. А дальше – новый виток этнической истории, который закономерно будет считать себя продолжателем тюркютов (как русские, белорусы и многие другие числят в прашурах Киевскую Русь).

Как тогда изменится политическая карта региона к XIII веку? Восточная часть, скорее всего, повторит наш вариант истории. Кыргызы уничтожат восточные обломки империи тюркютов – Уйгурский каганат, но столетняя засуха X века войну и экспансию кыргызов остановит. На западе тюркюты пойдут дорогой византийцев: когда народы пусть разные, но живущие в одном государстве примут некую объединяющую идею и культурную надстройку, и с гордостью примутся говорить, что мои деды были печенегами, клобуками или половцами, но я – тюрк. Сохранятся и караванные дороги Великого Шёлкового пути, пусть и не в таком объёме, как в период расцвета. Целостное государство, в отличие от мелких и нищих разрозненных племён, сумеет найти ресурсы для поддержания оазисов даже во времена засухи X века.

К тому же стоит учитывать, что степняки начала второго тысячелетия были весьма открытым этносом, терпимым и восприимчивым к чужеземным идеям. В качестве иллюстрации можно привести монголов: сам Чигиз-хан был приверженцем одной из местных ветвей митраизма, но при этом многие соратники исповедовали христианство несторианского толка, были буддистами-ламаистами, а то и вовсе язычниками. Поэтому культурные связи с восточными степняками сохранятся. Да и племена кераитов, ойратов, меркитов, тайджиутов, монголов и остальных, вероятно, будут помнить о величии каганата, мечтать о возрождении державы... Когда в XI веке климатический маятник качнётся в сторону улучшения погоды, во вчерашней пустыне опять пойдут дожди и зазеленеет трава, а помолодевший Тюркютский каганат начнёт продвижение на восток, степные племена охотно вольются в его состав. Немалую роль сыграет, хотя и против своей воли Китай, при каждом новом Сыне Неба пытавшийся продвинуть свои границы на север: те же монголы предпочтут стать воинами при дворе кагана, чем рабами китайских вельмож. (Поднятой целины Хрущёву в этом варианте истории точно не видать. Нынешний Казахстан будет экономически и культурно связан уже совсем с другим государством. Хотя, если заглянуть чуть дальше, земли нынешней Новосибирской области в состав обновлённой Степи не войдут. Местные лесные племена исконно не ладили с кочевниками, а тратить силы на удержание враждебной территории, с которой нет никаких прибылей, прагматичные ханы не станут. До Транссибирской магистрали и горно-обогатительных комбинатов ещё немало столетий).

Впрочем, для Европы эпохи мальчика Жилия с этой стороны ничего не изменится. Каганат далеко. Главные перемены придут совсем с другой стороны.

Двадцатилетняя война в Западной Европе не только на короткое время привела эти земли под власть Второго Рима, но и превратила цветущие города и пашни в развалины, в поросшую бурьяном пустыню. Главной ударной силой армии Юстиниана были наёмники лангобарды и герулы, исповедовавшие арианскую ветвь христианства. Ради побед, во всех остальных случаях ревностный приверженец Кафолической христианской Церкви (от которой и отделилось арианство) и ярый гонитель еретиков, басилевс делал вид, что не замечает, как ариане жгут кафолические церкви, убивают священников и насаждают арианство. Сама же Кафолическая церковь была встроена Юстинианом в государственную машину, и вновь обрести независимость от басилевса смогла только через несколько столетий. Поэтому, когда внутри Церкви возникли разногласия, епископ Рима легко нашёл поддержку среди европейской паствы, давно оторвавшейся от Константинопольского патриархата. А из смеси арианства и кафоличества родилась новая ветвь христианства – католики. Но если войны не будет – весь конфликт между патриархом и Римом так и останется чисто внутрицерковным. Даже больше, со временем патриархи неизбежно переберутся обратно в Рим, подальше от властолюбивых византийских басилевсов. И примутся наращивать свою светскую власть, как это делали в нашем варианте Папы Римские – тут уже за них будет говорить неумолимая логика хода истории.

Впрочем, Европа от единого религиозного поля только выиграет. Второе тысячелетие ознаменовалось переломом в мировоззрении, европейцы вдруг заглянули за границы своих стран и познакомились с высочайшими культурными и техническими достижениями арабского Востока, Византии, Киевской Руси. Начались многочисленные переводы на латынь арабских и греческих философов, из Византии приглашали учёных... Остановивали религиозные разногласия. Но если их не будет, то развитие пойдёт куда быстрее. Кстати, Крестовые походы хоть и будут – на это толкала экономика, но куда менее масштабными и кровопролитными. Потому что изрядная часть деятельных людей вместо сомнительных прибылей от войны с мусульманами предпочтёт уехать на службу к ромеям (как называли жителей Византийской империи) или к славянам: риска для жизни меньше, а выгода очевидна.

Русь тогда изменится очень сильно. Если поначалу перемены могут быть лишь в мелочах (Например, объединителями станут не новгородские варяги во главе с Олегом Рюриком, а князья древлянские. И называться страна станет не просто Русь, а Великое княжество Древлянских русов или Древлянье; Впрочем, столицей общей державы неизбежно станет тот же Киев – от экономики и торговли «из варяг в греки» никуда не

даться. Равно как и от Великого Шёлкового пути, одной из веток которого проходила через Киев). Но в остальном эволюция завершающих стадий культурного витка predetermined за многие столетия до их наступления. Христианство всё равно вытеснит язычество, так как старая вера с множеством богов не соответствовала фазе единой государственности с одним властителем. Да и не очень подходил культ, лишь недавно отказавшийся от человеческих жертвоприношений, как основа стабильности.

Заметными изменения станут в начале XII века. Единство религиозного поля в эпоху Средневековья значило больше, чем принадлежность к тому или иному роду. А это позволило бы привлекать из Европы деятельных, активных людей. Они охотно поедут туда, где меньше конкуренции и можно сделать карьеру, недоступную на родине. Схожие примеры были и в нашей истории: в Византии династия Комнинов активно пыталась «освежить» дряхлеющую систему управления, привлекая болгар и прочих славян. Конечно, одной только государственной службы как стимула к переезду мало, в нашей истории это лишь отсрочило падение Константинополя, но переломить цепочку событий не смогло... На помощь восточным славянам неожиданно придёт Великий шёлковый путь.

Война с Тюркютским каганатом Киевскую Русь почти не заденет, скорее, принесёт сплошные выгоды. Заинтересованные в контроле над самой короткой дорогой Шёлкового пути, тюркюты в первую очередь ударят через Волжский Булгар по Византии, Южной Европе и Карантанской марке (сегодня часть Австрии). А после разгрома тюркютов Великий Итиль (теперь мы называем эту реку Волгой) войдёт в состав Киевской державы. И даже в спокойные годы северная половина Великого шёлкового пути станет достойным конкурентом южной половине, идущей через владения арабов-мусульман. Ведь если в нашей истории тюркютов просто вырезали под корень, и за время между исчезновением каганата и появлением в Степи новых народов оазисы засохли, а караванные тропы заросли бурьяном, то в новой ветви событий агония каганата растянется на достаточно долгий период, чтобы торговую эстафету успели подхватить следующие поколения степняков.

Начиная с конца XI века распределение потока идущих с востока на запад и с запада на восток товаров (а в год через Великий шёлковый путь перемещалось по разным оценкам от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов тонн разных грузов) начнёт стремительно меняться. В 1055 году пала династия Аббасидов, единый халифат стал распадаться на отдельные государства. Началось вторжение сельджуков, которые халифат хоть и завоевали, но удержать не сумели. Единое мусульманское государство стремительно распадалось на отдельные эмираты. Война шла все против всех... В новом варианте

событий поток купцов быстро облюбует не корабельные пути через Индийский океан, а караванные тропы через Степь и славян: дольше, зато безопаснее. И в XII–XIII веках в Киев хлынет огромное количество предприимчивых и деятельных людей, купцов, разного рода авантюристов. И пусть это не сумеет повернуть процесс старения вспять – но позволит задержать распад на пару столетий.

Финансового кризиса, связанного с упадком торговли по Великому шёлковому пути, не будет. Русь дождётся рождения русской нации, которая и начнёт новый культурный виток развития восточных славян. Китай в итоге окажется меньше знакомого нам, так как с одной стороны от него откромсают кусок энергичные степные ханы, а с другой – Корейский полуостров (княжество Корё) так и не станет вассалом и по факту провинцией Сыновей Неба. И даже когда Корё развалится от внутренних причин на несколько государств, тюркюты завоевать Корейский полуостров не дадут... А сами не смогут, им помешают китайцы и чжурчжени. Зато сам Китай так и не узнает вторжения чжурчженей, ненадолго основавших династию Цзинь – национальная династия Мин придёт к власти намного раньше. Сохранится к XIII веку и островное торговое государство Шривиджайя, которая будет жестоко конкурировать с Паганским царством (сегодняшняя Бирма)... И с Японией. Активная морская торговля и достаточные финансовые вливания приведут к тому, что Острова солнца не окажутся отрезаны от остального мира. Жаждающие славы и богатства смогут не резать друг друга в схватке за обладание страной, легко отыскать их на море в сражениях с флотилиями Шривиджайя, в набегах на континент... И как Европа трепетала при виде кораблей викингов, так и Азия будет трепетать при виде галер самураев.

Впрочем, нашего мальчика Жилия столь сложные проблемы не волнуют. Как не задумывается он о том, что древний город Лютеция сохранил своё название, так и не став Парижем. Его куда больше волнуют мечты добиться высокого положения в обществе, жить не в обычной крестьянской избе-полуземлянке с земляным полом и стенами из жердей или дубовых плах – а в богатой избе-срубе, или даже переехать в город. Не обращает он внимания и на то, что ходит босиком, похожие на русские лапти плетёные из лыка башмаки получает только на зиму, а сапоги видел лишь на дружинниках барона. Да и одежду носит совершенно неудобную с точки зрения нашего современника: нижнюю рубаху камизу (напоминающую тунику до середины бедра) с длинными рукавами и надевавшуюся поверх неё котту, похожую на тунику без рукавов или с короткими рукавами. А ещё Жиль мечтает о разрешённой богачам и дворянам приталенной сверху котте до середины икры – а не как

нынешняя котта обязательно выше колена и напоминает просторный мешок. Да ещё чтобы нашлись деньги не на грубые домотканые, а сшитые портным удобные и тёплые штаны. Или что вместо них он сможет носить модные и дорогие кожаные чулки, среди крестьян считавшиеся роскошью и излишеством.

Не волнует Жилья и календарь, а уж про привычку суматошного двадцать первого века считать не только часы, но минуты и даже секунды в его времена никто не задумывается. День у всех начинается с рассветом и заканчивается с закатом, примерный час определяют по солнцу. Знание точного часа нужно только монахам, чтобы отбивать в колокола и строго по времени проводить службы. Остальным достаточно было «после обеда» или «к закату». Также вольно относятся и к дням, выделяя лишь воскресенье, по которым все обязаны ходить в церковь. А уж если нужно было назвать определённую дату, то её привязывали к какому-нибудь религиозному празднику: Пасхе, Рождеству, Троице и так далее. С годами поступали ещё проще: «в такой-то год правления нашего короля (нашего графа)», «наш граф, правящий уже столько лет» и так далее.

В завершение столь длинного рассказа-предисловия добавлю несколько оговорок. Во первых, Средневековье, в котором живет Жилья и остальные герои, я постарался воспроизвести настолько точно, насколько смог. При этом я сознательно избегал некоторых деталей, которые могут вызвать недоумение современного читателя, но совершенно привычны и незаметны для своей эпохи. (Для сравнения: никого из нас не удивляют тянущиеся от столба к столбу электрические провода и ремонтирующий их электрик, мы их просто «не видим». А всего лишь сто лет назад подобное зрелище собирало толпу зевак). Во вторых, автор позволил себе немного смешать некоторых исторических лиц (пользуясь тем, что менталитет и мировосприятие в Средневековье менялись медленно). То есть, конечно, делать современниками Карла Великого и Дмитрия Донского не стоит, между этими людьми не просто несколько веков – а целая эпоха. Но вот сделать современниками Аббона де Флёри, умершего в 1004 году, князя Игоря Рюрика (Великий князь Киевский с 912 по 945 гг.), а также графа Раймонда Тулузского, при котором начался первый Крестовый поход в Лангедок (1209 год), я посчитал возможным. Пусть эти люди не встречались – они могли это сделать. Ну и последнее. В 1992 году вышла книжка писательницы Лоис Макмастер Буджолд «Кольца духов», где в Италии эпохи Ренессанса жили Одарённые. Не маги, а люди с некоторыми способностями – телекинез (умение двигать предметы мыслью), пирокинез (умение вызывать мыслью огонь)

и так далее. О телекинезе говорят не одно десятилетие, может что-то в этом и есть? Вот я и подумал, а почему бы и нет, почему бы таким людям не жить и тысячу лет назад?

На этом, пожалуй, всё. Здравствуй, Франция и далёкий тринадцатый век!

Часть I. Ваганты

Глава 1

Ну, здравствуй, дорогое лето!

Ты пышной зеленью одето.

Пестреют на поле цветы

необычной красоты,

и целый день в лесу тенистом

я внемлю птичьим пересвистам.

Лето выдалось жаркое и душное. С самого дня Вознесения Господня день-деньской горело пронзительной голубизной, лишь редкие облака нарушали торжество небесного купола. Старики вовсю твердили о засухе, кое-кто даже полез в заветный угол за припасённой на чёрный день монетой – прикупить зерна, пока ещё продают. Но к Троице¹ небо затянуло облаками, сначала заморосило, потом хлынуло как из ведра. И хотя облака убежали дальше на восток, деревни вдоль берегов реки Ньевр вздохнули спокойно: Господь не оставил, только-только взошедший урожай не засохнет на корню. Да и все приметы твердили, что лето хоть и будет горячим, но без драгоценной влаги хлеба не останутся. И пусть старики всё ещё ворчали – мол, они-то знают, всё ещё запросто может перемениться в худшую сторону, остальные со спокойной душой вернулись к своим повседневным занятиям. Мужья уходили работать в поле или садились в мастерской за ремесло, жёны занимались огородами, домашним хозяйством, помогали мужьям. И гоняли ребятишек – а те в ответ старались скрыться от грозного ока родителей, так и жаждущих пристроить очередное непутёвое чадо к какому-нибудь делу.

– Жиль! Жиль, где ты, негодник! – надрывалась жена мастера Гобера. В ответ со стороны кустов, густой полосой отделявших луг и огороды от леса только засвистела и защебетала какая-то птаха. А сын, который, закончив работу на огородах, должен был вернуться к матушке за новым поручением, так и не отозвался. – Ну только покажись у меня! Выдеру так, что неделю потом на спину не ляжешь, – бессильно ругнулась женщина,

¹ День Вознесения Господне приходится примерно на конец мая по новому стилю. Пятидесятница (Праздник Святой Троицы) приходится на 50-ю неделю после Пасхи, примерно июнь по новому стилю

после чего развернулась и пошла в деревню. Дел по хозяйству много, и времени ругаться с безответным лесом – нет.

Едва мать отошла подальше, из кустов тут же высунулась черноволосая мальчишеская голова. Убедившись, что на огородах больше никого нет, Жиль выбрался совсем и принялся стряхивать налипшие на штаны и камизу веточки и листочки.

– Урсюль, вылезай. Только быстрее.

Девочка вываливаться из кустов подобно приятелю не стала. Всё-таки ей уже целых восемь, она почти взрослая – вон, недавно вместо детской рубахи до колен мама стала одевать её в настоящее взрослое платье, даже со шнуровкой². И не важно, что перешито всё из одежды старшей сестры – зато это принадлежит только девочке. Урсюль, как ей казалось, степенно выбралась на свободную землю, смахнула с рукавов листочки... И вдруг испуганно взвизгнула и отскочила: пока прятались, в волосах запутался жук – а теперь радостно вырвался из светлых прядей на волю.

– Тише ты, услышат! – шикнул на неё Жиль. После чего одной рукой подхватил из кустов мешок с вещами, другой ухватил подружку за запястье и кинулся бежать, увлекая девочку за собой. Мальчик мысленно ругался на ходу: ну почему все приятели оказались заняты! Но из всех только отец Урсюль уехал вместе мастером Гобером, а одному купаться неинтересно совсем. Потому и пришлось брать с собой малявку, да ещё и девчонку. Вот только если их сейчас поймают... Жиль не понимал, почему стоит девочке получить платье – и взрослые сразу запрещают купаться вместе. Хотя прошлым летом они плескались так кучу раз. Зато теперь... Две недели назад нескольких приятелей застигли на реке, и родители избили так, что и вспоминать страшно, а приходской священник отец Аббон на всех такую епитимью³ наложил, что и подумать боязно. Но Жиль умнее: они пойдут не как всегда в ближние затоны, а ниже по течению. Недалеко от церкви как раз есть подходящая заводь. И места там совсем безлюдные, с окрестных деревень в церковь только на воскресную службу ходят – сегодня же ещё среда.

² Женщины как и мужчины носили камизу и котту (только с длинными зауженными рукавами), а поверх одевалось напоминавшее тунику платье-сюрко с широкими и короткими рукавами или без рукавов. Линию талии завывшали, иногда для красоты сюрко драпировали на животе на манер беременного животика. Шнуровали и утягивали платье на спине или сбоку. Детей неблагородного сословия, не различая пола, одевали в одну только рубаху

³ Епитимья́ (др.-греч. ἐπιτιμία, «наказание») – разновидность нравственно-исправительной меры (наказания) по назначению священника за совершённый грех. Состоит в исполнении христианином определённых требований в виде молитв, ограничения в еде на какой-то срок и так далее

Накупавшись, дети сели сушить волосы. Жиль помог девочке зашнуровать платье: её мама специально завязывала хитрым узлом, самой развязать можно, а вот сделать такой же потом – нет.

– Всё равно догадаются, где мы были, – вздохнула Урсюль. – Только раз не поймали – бить не будут, но горячих отец точно всыплет.

– Не трусь, – гордо ответил мальчик. – Я всё продумал. Видишь? – он показал на мешок. – Мне отцу Аббону надо отнести, а сколько мы у него сидели, спрашивать не станут.

Жиль встал, взял мешок и пошёл через лес, даже не обращая внимания, двигается ли за ним Урсюль. Девочка на это обиженно поджала губы, но оставаться одной не хотелось, к тому же без Жили священник запросто её мог выгнать. И тогда нагоняя точно не избежать. Первое время пришлось идти напролом, перебираясь через старые поваленные деревья и кусты. Затем трава в одном месте чуть поменяла цвет, поначалу еле заметная тропка вобрала в себя ещё несколько таких же дорожек. Ещё сотня шагов и вот уже самая настоящая тропинка змейкой побежала среди густого дубового леса, слева и справа густым ковром встал лесной хвощ. Местами он словно специально смыкался над тропкой, так что дорога опять становилась еле заметной, но Жиль ровным шагом шёл вперёд. Лишь изредка украдкой проверяя, не отстала ли Урсюль: показывать беспокойство за какую-то девчонку у мальчишек считалось зазорным. Но вот среди дубов начали попадаться грабы, вдалеке показалась прогалина тракта, по которому до церкви уже и рукой подать... Жиль вдруг остановился так резко, что не ожидавшая Урсюль больно уткнулась ему в спину.

– Ты чего?! – обиженно начала она.

– Ш-ш-ш! – резко обернувшись, Жиль уронил мешок и зажал девочке рот. – Тихо. Чужие возле церкви. С оружием.

– Где? Где? Я ничего не вижу.

– На тракте лошадь ржала, а ещё маслом несёт, железом и кожей. От стражников графа также пахнет.

– Давай посмотрим. Ну, давай! Мы же тихонько, а там кусты. Если что – убежим.

Мальчик на несколько мгновений задумался, но любопытство всё же пересилило. Кивнув, Жиль начал медленно, не обращая внимания ни на сыпавшиеся за шиворот веточки, засохшие листья и труху, ни на пробирающуюся следом девочку, ползти в сторону церкви. Удобно, что церковь стоит на перекрёстке дорог из графского замка и соседних деревень, а не на королевском тракте – кусты вдоль обочин по своей воле крестьяне

вырубать ленились, и можно было надёжно спрятаться. Подкрадываться пришлось всего ничего, шагов полтора, и дети выбрались к вырубке, на которой и стояла церковь вместе с домом священника. Рядом с крыльцом пара лошадей ели из кормушки сено... А вот дальше Жиль в первый раз пожалел, что отцу Аббону прихожане дом строили не как обычно, наполовину в землю и стены из дубовых плах, а по-господски: сруб с чистым дощатым полом, на венцах из брёвен. И потому сейчас, хоть ставни и распахнуты настезь, как ни старайся – лёжа на пузе внутрь не заглянешь.

Внезапно поблизости хрустнул сучок, Жиль пронзило острое чувство опасности, не разбирая дороги мальчик кинулся в глубину леса... и задёргался в железной хватке смуглого медно-рыжего мужчины. Жиль в безумной панике попытался вырваться, на ум разом пришли все страшные рассказы старика Юмбера о чужаках – а ни в дружине графа, ни в страже прево рыжих не было. Рядом завизжала Урсюль, которую незнакомец ухватил второй рукой. Рыжий поволок обоих «подглядчиков» в дом, не обращая внимания на крики, почти сразу превратившиеся в плач – под плащом оказалась кольчуга, больно ударявшая по телу каждый раз, когда воин грубо дёргал к себе брыкающихся детей.

– Ратьян, что у тебя там?

На шум из избы вышел ещё один чужак, со светлой кожей и пшеничной бородой. Дети тут же замолкли от страха – северный человек! Заметно старше своего рыжего спутника, у которого только-только начала пробиваться на щеках борода. И судя по перстню с белым камнем-печаткой в виде крылатой змеи, благородный. Урсюль беззвучно заплакала, а мальчик принялся шептать горячую молитву Богородице, прося её спасти и сохранить: последний набег драккаров на здешние места случился во времена деда Жилья, но на месте спалённой тогда деревеньки люди боялись селиться до нынешних дней.

– Дэноэль, представляешь? Вот этот сопляк почти прошёл мимо меня. Если бы не девушка...

– Тебя? И правда, способный малец. Я бы такого кнехтом кому-то из наших взял. Жаль, подвернулся малец не вовремя...

– Даже не думай, – на пороге показался отец Аббон, и казался сегодня пожилой священник словно выше ростом, в нём появилась непривычные, странные для настоятеля захудалого сельского прихода величественность и отточенные годами манеры. – Вон, ребёнка напугал.

– Я привык, – усмехнулся старший из гостей. – А затыкать рты – так оно даже полезнее.

– Все привыкли. Рыцари ордена Дракона к тому, что нет человека – нет проблемы, – ворчливо ответил отец Аббон, – ты, Дэноэль, к тому, что выходцев из Ютландских дюн и северных фиордов боятся до судорог. Местным же крестьянам проще детей запугать до дрожи рассказами о набегах драккаров, чем говорить о чуме, которая наущением врага рода человеческого при дедах выкосила пол округи. А своей головой думать никто не хочет.

– Приказ графа Раймунда был «без лишних ушей», – покачал головой рыжий и швырнул Жилья и Урсюль к подножию крыльца.

– Уйми своего щенка, – резко бросил священник, в голосе прозвучала такая давящая властность, что дети замерли ни живы, ни мертвы, а Ратьян слегка пригнулся. Только северянин остался стоять, как ни в чём не бывало. – Дэноэль, только благодаря тому, что я когда-то наставлял вместе с графом Раймундом и тебя, вы не покинете этот дом немедленно. Но запомни. Судьбу своих учеников на моей земле решаю только я.

Отец Аббон развернулся и скрылся в доме, за ним последовал северянин. Когда Ратьян затащил детей внутрь, священник как раз достал из большого сундука у стены полированный серебряный диск на цепочке воронёного металла. Повинуясь жесту, рыжий почти бросил своих пленников на лавку и отошёл в сторону. После чего место перед лавкой занял отец Аббон, принялся неторопливо покачивать диском перед детьми и декламировать какой-то ритмичный мотив на незнакомом языке. Жиль почувствовал, что веки смыкаются, резко затряс головой, пытаясь отогнать дремоту, но перед глазами плыло... Мальчик так и не понял, сколько он боролся с мороком, но когда зрение восстановилось, тень от дерева на полу вроде бы не сдвинулась... Повернув голову, Жиль вздрогнул и замер: Урсюль по-прежнему сидела рядом, вот только глаза расширено и неподвижно смотрели в одну точку, казалось жизнь её покинула.

– Вот и всё, – довольно кивнул головой отец Аббон. – Не зря я сопровождал графа Раймунда-отца в поездке к неверным. И держал уши и глаза открытыми для любого знания. Очнётся к вечеру и ничего не вспомнит.

– Сопляк не поддался, – бросил Дэноэль.

– А Жиль у нас мальчик умный, тоже будет молчать. Правда, Жиль? – голос священника, по-прежнему мягкий, вдруг наполнился холодным ядом. – А иначе я вдруг подумаю, почему это отрок оказался один, возле реки, с девицей. Уж не придавались ли они греховному занятию, созерцая друг друга нагими?

Жиль в ответ судорожно сглотнул, сумел заставить себя кивнуть и выдал невразумительный звук, означавший согласие.

– Как скажете, святой отец. Но перед тем, как мы вас покинем. Мне хотелось бы ещё раз передать просьбу его светлости.

– Нет, – устало покачал головой отец Аббон. – Дэноэль, ты спрашиваешь меня в четвёртый раз... И должен понимать, что если я отказал в первый, моя воля останется непреклонной. Не для того я распространял слух о своей кончине во время разногласий с цистерцианцами в аббатстве Фонтене.

Едва топот коней затих, старик снова превратился в привычного сельского священника, грустно улыбнулся и посмотрел на мальчика.

– Вылезай, вылезай из угла. Уехали. Эх... Думаешь, почему я отказался?

Жилу, который ещё не пришёл в себя от страха, было всё равно. Но священнику явно хотелось выговориться, и он продолжил.

– Вернуться к славе, богатству... К моим любимым соснам Лангедока. Знаешь, я ведь до сих пор по ним скучаю, среди ваших-то дубов и грабов. Вот только для этого придётся вернуться к человеку, чей отец один раз предал тех, кто приносил ему оммаж. И знать, что сын, если понадобится, поступит так же. Ладно, – старик сел на лавку, потёр поясницу, которая последнее время начала постреливать, и призывно махнул рукой. – Давай, показывай, что ты нацарапал.

Жиль робко поднял с пола свой мешок и выложил на стол большие глиняные черепки и куски коры, на которых корявым почерком было выведено: «*Galia est omnis divisa in partes tres quorum unam incolunt Belgae aliam Aquitani. Tertiam qui ipsorum lingua Celtae nostra Gali apelantur*⁴...»

Обратно дети возвращались молча: девочка всё ещё вела себя, будто не до конца проснулась и никак не может понять, почему это алая полоса на западе – если вот недавно было утро. А мальчик всю дорогу думал о странных гостях. Он вспомнил, что означала крылатая змея – старый дровосек Юмбер любил рассказывать не только истории и байки, но и про то, как по молодости и глупости ездил аж к Закатному морю, думал переселенцем уехать на распашку целины в Нормандии. Такой символ носили рыцари-Драконы, лучшие воины во всём христианском мире... Вот только ценился их найм столько, что на жалованье можно, наверное, купить не одну деревню. Да и рыжий явно тоже не кнехт из

⁴ «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами» (пер. с латыни М. М. Покровского). Начальная фраза «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря. По этой книге, написанной простым языком, нередко учили латинскому языку

простых. Так кто же такой отец Аббон, если к нему посылают сразу двух Драконов, а он не боится указывать им за порог?

Мать встретила Жилия и Урсюль на краю деревни, схватила за руку обоих и потащила к отцу – тот уже вернулся и что-то обсуждал возле своего дома со старостой.

– Гобер, ты только посмотри! Явился негодник! А ну признавайся, где вы шлялись? Да ещё вдвоём?!

Мальчик коротко объяснил, что ходил к священнику отнести урок и взять новый, а Урсюль увязалась за ним. На мать его слова подействовали, словно масло на огонь. Брань полилась густым потоком, перемежаясь с призывами к мужу выпороть бездельника: дома работы непочатый край, а он непонятно где шляется и чем занимается.

– Заткнись, – вдруг неожиданно резко бросил глава семейства. Женщина замолчала и только хватала ртом воздух, словно рыба. – Вот им, – Гобер показал рукой на ещё носивших рубашки двух младших сестёр Жилия, сейчас с любопытством выглянувших из дома на шум скандала, – будешь указывать. А мужчину учить не твоего куцега ума дело. Правильно Жиль к отцу Аббону ходит, если тот учит и денег за это не берёт.

– Во-во, – поддержал староста. – Грамотный завсегда нужен. Так, парень. Ты ведь енту, на которой молитву читают, разумеешь? Молодец. Значит, так. На, читай и объясняй громко и понятно. Понял?

Староста благоговейно достал из-за пазухи свиток с печатью, дал в руки мальчику и тот, с трудом разбирая заковыристые юридические слова, принялся вслух читать Хартию, по которой их деревне подтверждались права вольного аллода и что граф не смеет требовать с них талью сам, а уплачивают её только напрямую прево.

– Не обманул, – довольно покачал головой староста, как только мальчик дочитал последнюю строку. Не зря мы ему столько отвалили. Ладно, иди малец. А нам ещё покумекать надо.

Староста бережно убрал пергамент за пазуху и ушёл вместе с отцом. Почти сразу мать дала по подзатыльнику подвернувшимся под руку младшим детям и, не обращая внимания на рёв, молча ушла в дом. А Жиль так и остался стоять во дворе, гадая: к лучшему ли, что гроза не просто обошла его стороной, и отец разрешил ходить к священнику, а не помогать по хозяйству. Даже если мать опять будет против.

Глава 2

*Преуснев в учении,
я, посредством книг,*

*в беспрестанном чтении
 мудрости достиг.
 Но, сие учение
 в муках одолев,
 я познал влечение
 к ласкам жарких дев.
 И, забросив чтение,
 тешу плоть свою:
 нынче предпочтение
 девам отдаю.*

Жиль бежал через лес не разбирая дороги, его душили слёзы. Урсюль отдают в аббатство Шампвер! Вот только ещё не бывало, чтобы оттуда хоть кто-то возвращался в мир, а не принимал постриг. Парень случайно услышал, как отец объяснял соседу, зачем едет в аббатство... И мир рухнул. Самая красивая девушка деревни. Не зря староста весь год отказывал сватам, придирчиво выбирая дочери жениха. Жилу отец не раз заявлял, что разрешит сыну жениться не как остальным парням на пятнадцатый год, а только после шестнадцати⁵ – мол, пусть отче Аббон доучит и благословение даст. А дальше... дальше недалеко и до Пятидесятницы, после которой принято засылать сватов. Парень полагал, что ему-то, самому завидному жениху – единственный грамоте учён, да и мастер Гобер человек в деревне не из последних – староста уж не откажет. И Урсюль вроде была довольна, что в девках ещё на год засиделась, потому может сватов от Жилия дожидаться. Вон даже сама в прошлом месяце, как из церкви в день службы на Вознесение Господне обратно шли, шепнула, что Жиль парень хоть куда, поэтому... И так на него взглянула тогда, что кровь бросилась в голову, в животе потянуло сладкой истомой. А теперь всё кончено. Они никогда не увидятся, Жиль никогда не взойдёт с ней к алтарю...

Сев на корень большого дуба, Жиль, наконец, дал волю слезам. Здесь можно, здесь никто не увидит. А когда слёзы кончились, просто лёг на траву и бездумно принялся смотреть на небо в облаках и зелёные кроны деревьев. Именно так и нашёл парня отец Аббон.

– Рыдаешь, – усмехнулся священник. – Ну, ну. Вставай и пошли со мной.

– Оставьте меня, отче...

⁵ Здесь стоит оговориться. Срок жизни в ту эпоху был куда меньше, и люди развивались и физически взрослели куда быстрее. Урсюль в этой главе в переводе на сегодняшний возраст лет восемнадцать, Жилу соответственно примерно двадцать два

– Встань. Я сказал.

За последний год старик высох, ходил, опираясь на палку, и обычно говорил тихо. Но сейчас в громовом голосе прозвучала такая сталь, что повиновался бы, наверное, даже латник. А уж тем более парень, привыкший во всём слушаться наставника. Жиль понуро встал и, стиснув зубы, посмотрел на отца Аббона: повинуюсь, но против воли. Священник тут же заковылял прочь, уверенный, что парень не осмелится стоять и пойдёт следом.

– Запомни, сын мой. Сказано было Иоанном Богословом: грех – это всякое нарушение закона, данного Господом нашим. И чем тяжелее проступок совершённый, тем сильнее отмеряет Вседержитель наказание, чтобы задумался грешник и в следующий раз не сотворил подобное. А за смертный грех наказание положено вдвое.

– Да при чём тут грех, отче? – буркнул Жиль, подобрал с земли ветку и начал бездумно обрывать с неё листочки.

– А то, что гордыня есть тягчайший из грехов, так как суть её презрение ближнего и омрачение ума и сердца, которое ведёт к отрицанию законов Божьих и потере любви к Нему и к ближнему своему.

– Гордыня? О чём... Отче, да вы это про Урсюль? Да она!..

Ветка в руках с громким хрустом переломилась, а парень замер в негодовании, пытаясь справиться с собой и найти слова в ответ.

Отец Аббон тоже остановился, присел на корень и посмотрел на Жилья как на неразумного ребёнка, попытавшегося сунуть в рот какую-то гадость.

– Да, да, чиста аки ангел, – священник усмехнулся краешком рта. – Сын мой. Я понимаю твою молодость и страсть, особенно когда красивая девушка одаривает вниманием. Но не зря искуститель совратил Адама через Еву, а первым из грехов, совершённым Евой, стала именно гордыня. Урсюль давно поняла, как на неё смотрят мужчины, и упивалась этим. Именно она подзуживала отца, чтобы тот выбирал ей жениха получше – ведь после венчания, если она и дальше продолжит распалать похоть мужчин, муж подобного не потерпит. И как заведено испокон веков вразумит палкой. А пока Урсюль в девках, то может позволить себе многое. Что, не так? Али не тебе она шептала после службы на Вознесение Господне? А перед этим...

– Не надо! Хватит! Не надо!

– Не надо, – покачал головой старик. – Она своё наказание уже получила. Отныне не покинет Урсюль стен аббатства Шампвер.

– Но почему... почему... – еле слышно прошептал парень.

– А потому что мир погряз в грехе. Тщеславие обуяло старосту вашего и остальных, поэтому и купили они Хартию. Забыли, что исстари заведён порядок: молится пастырь, хранит покой воин, а крестьянин должен обрабатывать землю и не помышлять об ином. Решили уподобиться графу, что платит лишь королевскую талью. Шевалье де Крона за это на них здорово взъярился. Пошлины и поднял – что на соль, что на мельницу, что на остальное. Земли-то вокруг его. А денег на Хартию в рост у ломбардцев брали. Чтобы долг отдать, Урсюль аббатисе и продали.

– Ей-то зачем?..

– Затем, что она впала в смертный грех Сребролюбия. Среди пастырей Церкви нашей Святой, попадаютсся и те, кто забыл наставления Отцов Её. Заповедано Ими, что с только венчаной женщиной возлежать имеет право пастырь, и только на малом приходе стоящий. А тем, кто власти от лона Святой Церкви достигает, заповедано от мирских соблазнов отстраняться. Но епископ наш погряз в грехах Сладострастия и Чревоугодия. Поэтому склоняет к блуду не только мирянок, но и монахинь. Твою Урсюль подарят ему во время следующего приезда, а за это епископ поможет отписать аббатству Шампвер какую-нибудь деревеньку или право на новую пошлину.

– Тогда...

– Побежишь в монастырь? Чтобы тебя поймали и отдали за святотатство чёрным братьям Святого Доминика? А деревню... не спалят, конечно, но виру наложит такую, что хоть поголовно в сервы продавайся. Ладно, посидели – хватит. Пойдём-ка ко мне.

Старик с кряхтением встал и двинулся дальше, Жиль поплёлся за ним. В доме священника их ждали: молодой помощник отец Фабий уже растопил очаг, а завидев настоятеля и его гостя, поставил на стол горячей каши. И Жиль, хоть ему и не лез кусок в горло, вынужден был давиться, но есть до последней ложки. Иначе нанесёт хозяевам обиду. От обильной еды после того как во рту ничего не было с самого утра, да ещё и испереживался, тянуло в сон, поэтому до дома парень добрался в осоловелом состоянии. Несмотря на ворчание матери тут же лёг спать – последняя мысль перед тем, как веки окончательно сомкнулись, была: «Завтра проститься с отцом Аббоном и выручать Урсюль».

Утро всё изменило. Жиль встал ещё затемно, быстро собрал котомку и вскоре был возле церкви... Там его встретил плачущий отец Фабий: ночью у настоятеля опять случился приступ грудной жабы, но в темноте отец Аббон плеснул себе в кружку слишком много успокаивающего отвара и лекарство стало ядом. Жиль замер, словно его ударили

обухом по голове. Как такое может быть? Ведь ещё только вчера старик ворчал и наставлял, а сегодня... О немедленном побеге из дома теперь не могло быть и речи, да и не справится совсем недавно назначенный отец Фабий с похоронами один. А Жиль в последний год не раз исполнял в церкви обязанности помощника-мирянина.

Дни до похорон пролетели будто в тумане. Пришёл в себя Жиль лишь когда над могилой отзвучали последние слова заупокойной молитвы, и была насыпана последняя лопата земли. Но уйти домой отец Фабий не дал, попросил остаться. А когда церковное кладбище покинули последние из селян, позвал в дом, где достал из сундука несколько книг и небольшой листок пергамента.

«Здравствуй ещё раз, Жиль, мой ученик и духовный сын. Последние месяцы чувствую я, что призовет меня вскоре Господь, держать ответ пред престолом его. И если читаешь ты строки эти, так оно и случилось. Не все земные дела успел я завершить, поэтому оставляю их тебе. Многие годы трудился я над летописью путешествия вместе с графом Раймундом из Тулузы в земли сарацинов. Тебе же завещаю немедля отправляться в город Лютецию, где найти в Университете Сорбонна профессора права и богословия Гильома де Шампо. Дабы передать ему труды мои».

Едва дочитав, парень уронил листок на пол. Как? Ведь ему надо спешить в Шампвер, пока Урсюль не приняла постриг. Но нарушить волю отца Аббона, особенно посмертную – это страшный грех! Жиль застыл, руки и ноги отказывали повиноваться, словно превратились в неподъёмные дубовые колоды. И словно со стороны он услышал свой голос:

– Я повинуюсь воле моего наставника и отца духовного. Где рукописи, которые я должен передать профессору Гильому?

Неделю спустя Жиль шёл через лес в сторону Лютеции, и даже нашёл двоих попутчиков. А мысли про Урсюль хоть до сих пор и приходили перед сном, но всё реже: молодость брала своё, выгоняя тоску. Да и спутники особо скучать не давали. Высокий и крепкий Пьер, судя по русым с медью волосам и правильным чертам лица откуда-то из герцогства Бретань: там часто даже среди благородных семей чувствовалась кровь викингов, а многие шевалье считали свой род чуть ли не от Латинской империи. И полная его противоположность Манюэль – низенький и смуглый круглолицый уроженец Прованса. Как положено Северу и Югу, оба и часа не могли провести вместе, чтобы не сойтись в споре. Особенно когда выяснилось, что оба почти ровесники, всего лет на шесть-семь старше Жилия, но их занятия противоположны друг другу. Пьер такой же школяр, каким

назвался и Жиль, тоже идёт в Лютецию, где надеется сдать экзамен и поступить на один из Старших факультетов – богословский. А Манюэль отдал свои предпочтения, как он сам заявил, Великому искусству алхимии... Стоило Пьеру в первый же день знакомства высокомерно заявить, что алхимия не входит в число свободных искусств, поэтому её нельзя считать наукой, а лишь ремеслом, как школяр стал врагом южанина.

Вот и сейчас оба спорили, даже когда все трое в надежде сократить путь заплутали и вынужденно шли прямо сквозь лес, время от времени перебираясь через наполовину трухлявые древние дубы и обходя прогалины, слишком уж густо заросшие кустарником или заваленные буреломом.

– Значит, говоришь, она была ведьма?

– Верно говорю. Нос крючком, усы, горб и один-единственный зуб. А ещё чего-то в лесу собирает, зелье варит. Точно нечистому продалась, – Манюэль поскользнулся на траве, взмахнул руками, чтобы сохранить равновесие и больно ударился о дерево. Округу огласили забористые ругательства

– Так ты, вроде, говорил, что её проверили братья Святого Доминика и ничего не нашли?

Теперь злобный взгляд достался Жилю: до этого дня парень как правило молчал, а тут неожиданно встал на сторону соперника.

– Ну... Она могла им отвести глаза...

– Рискнёшь повторить? – вдруг резко оборвал его Пьер. – Слуги нечистого не могут преодолеть дарованную от Всевышнего благодать. Или ты еретик, которые отрицает таинства и благодать Христа? На юге, говорят, ещё остались альбигойцы.

Манюэль испуганно побледнел: слишком уж в нехорошую сторону повернул разговор. Спор тут же утих, дальше все трое шли не произнося ни слова, Пьер вроде бы сделал вид, что сказанное в запальчивости уже и не помнит... Но повисшее между попутчиками нехорошее напряжение уходить никак не хотело.

– Ручей! – вдруг крикнул Жиль.

– Где? – недовольно буркнул Манюэль. – А ведь точно, и я слышу.

– Тогда так, – принялся командовать Жиль, не обращая внимания, что он здесь самый младший. – Вечереет. Шею свернём по лесу плутать. Манюэль, ты давай к воде. Рыба тут должна быть непуганая. Пьер, на тебе хворост и костёр, я займусь навесом на ночь. А как рассветёт, по ручью наверняка выйдем к людям.

Навес из жердей и нарубленных веток был закончен быстро. А вот с рыбной ловлей, судя по тому, что Манюэль ещё не вернулся, дело не шло. Да и с костром не очень ладилось: искры от огня уходили в трут, но отсыревший после утреннего дождя хворост не занимался. Наконец Пьеру, похоже, надоело, к тому же он решил, что его никто не видит... Быстрое движение рукой, несколько беззвучных слов – и вот уже весёлый огонёк бойко захрустел самыми тонкими ветками. Пьер встал, отряхнул с колен мусор. И вдруг заметил потрясённого зрелищем Жиля. На лице школяра на мгновение застыла досада, потом Пьер рассмеялся:

– Да что это я? У братьев-вагантов нет друг от друга секретов. Да не пугайся ты. Не колдун я. Слышал про Одарённых Господом?

Жиль кивнул. Отец Аббон рассказывал о людях, которым от рождения даны особые способности. Например, лечить наложением рук, или двигать предметы взглядом. И пусть можно всю жизнь прожить и не встретить ни одного – пугаться не стоит. Тем временем Пьер продолжил.

– Разные бывают таланты. Я вон, огонь могу зажигать. Правда, несильный. И проверяли меня, даже грамотка есть с печатью. О том, что братья Ордена Доминика удостоверяют: Пьер Абеляр к козням нечистого касательства не имеет. Что-то ещё?

– Ты сказал про вагантов...

– Не знаешь? Ты же как и я, бродячий школяр. Хотя... если ты совсем недавно покинул отчий дом... Зовут нас от мудрого латинского слова «vagantes», то есть значит «странствующие». Мы – те, кто поставил пусть голодную, но истину превыше сытой глупости. Мы ищем мудрости, путешествуя от университета к университету.

Существуют на земле

всякие поэты:

те залезли, что кроты,

в норы-кабинеты.

Как убийственно скучны

их стихи-обеты,

их молитвы, что огнём

чувства не согреты.

Не содержат их стихи

драгоценной соли:

нет в них света и тепла,

радости и боли...

Сидя в кресле, на заду

натирать мозоли?!

О, избавь меня, господь,

от подобной роли!

– продекламировал Пьер. – Добро пожаловать в наше братство, и если понадобится тебе помощь хоть среди школяров Болоньи, хоть Лютеции, хоть Кёльна – шепни, что принял тебя будущий великий богослов Пьер Абеляр. Только вот по нашим правилам: ты узнал мою тайну, поэтому я должен узнать какую-нибудь твою.

Жиль задумался: а что такого он может рассказать? В его жизни и не было ничего интересного. Хотя...

Когда отзвучали последние слова о встрече с Драконами, Пьер задумчиво посмотрел на ярко пляшущий в сумерках огонь и негромко сказал:

– Я много слышал про отца Аббона. И всегда жалел, что он уже умер, поэтому я не смогу сойтись с ним в диспуте. А ты, стало быть, его ученик... Не говори про это никому, кроме мастера Гильома. У твоего учителя осталось слишком много недругов, которые захотят отомстить если не ему, то тебе. Будут спрашивать – назовись Жилем из города Ньевр, и что учился латыни ты в тамошней церковной школе. Поверь, этим ты...

Договорить Пьер не сумел, так как к костру сквозь кусты шумно вывалился Манюэль с несколькими форелями и громко спросил, готовы ли угли, запекать рыбу – а то у него уже брюхо от голода сводит. Да и после продолжить разговор не получилось: от еды Манюэль пришёл в отличное настроение, забыл испуг и с жаром затеял новый спор.

Утром троица двинулась вниз по ручью. И уже к обеду лес поредел, вывел приятелей на широкий луг, усеянный белыми ромашками и васильками. Не смотря на то, что луг и пустовал, на краю сохранилась пара старых яблонь. Значит, здесь жили люди, а где люди – там дорога. Даже если деревня бывших хозяев луга и яблонь в развалинах, а дорога заросла, по ней всё равно можно выбраться на тракт. Среди деревьев засвистели и заспорили соловьи, в прозрачно-голубом небе над лугом одиноко парила пустельга, от высокой травы и цветов тянуло душистой свежестью, стрекотали кузнечики. Всё так и приглашало сесть и передохнуть.

– Перекусим? – предложил Манюэль. – Рыба ещё осталась. У тебя, Жиль, прям рука лёгкая. Я вчера сколько сидел, а ты утром раз – и вдвое против меня набрал. Только вот... Как бы не испортилась, по жару-то.

– Обжора, – усмехнулся Пьер. – Но в кои то веки с тобой соглашусь. Есть хочется. Этот кустарник, в который с утра завёл нас леший, не только оставил на моей котте пару новых прорех и исцарапал ноги, но и высосал все силы.

Приятели с удобством расположились под одной из яблонь. Жиль к рыбе достал остаток хлеба, а у Манюэля нашлось немного соли. К тому же в траве было полно спелой земляники, так что обед обещал быть королевским.

Они как раз поделили последний кусок хлеба, когда послышался топот коня: по лугу на них мчался всадник. Причём судя по красному плащу с широкой вышитой каймой, явно из благородных, и – несмотря на молодость – уже шевалье.

– С дороги, оборванцы!

Приятели еле успели отскочить, всадник же, не останавливаясь, влетел под сень деревьев, но зацепился плащом за одну из яблонь. Конь от резкого рывка истошно заржал, после чего остановился и тяжело задышал. Мужчина изо всех сил дёрнул за полу, ткань лопнула, оставив изрядный кусок среди веток. Шевалье выругался, хлестнул коня, потом «виноватых оборванцев» – Пьер успел увернуться, а вот Манюэля слегка задело – и поскакал дальше.

– Странно... – задумчиво сказал Жиль, глядя вслед.

– Зато ткань хорошая и кусок большой, – буркнул Манюэля. – Я себе возьму.

– Может, не стоит? – осторожно спросил Пьер.

– Стоит-стоит. Мне знаешь как попало? Пусть хоть этот кусок станет наградой. Продам, а, может, себе приспособлю.

Настроение было испорчено оставаться для отдыха никто уже не хотел, даже клубника не манила окунуться в лесную прохладу. К тому же просто так шевалье не ездят – значит, в той стороне люди. И пусть пришлось сначала долго идти через луг, а потом через небольшой лесочек – полузаросшая тропинка вывела не на очередное поле или прогалину, а к старому постоялому двору. От столбов ограды остались трухлявые обломки, ветхий дом давно врос в землю своими округлыми стенами из дикого камня, а от шапки черепичной крыши остались редкие щербатые зубья. Но дальше шла самая настоящая дорога, даже всемогущее время не смогло затянуть травой шрамы наезженной телегами колеи.

Обойдя развалины, приятели поднялись на небольшой холм и замерли, не веря, что их блуждания закончились. Зброшенный путь всего через три или четыре сотни першей⁶

⁶ Примерно: 1 перш = 3 туазам = 18 футам = 216 дюймам = 5,5 м

сначала терялся между полями ржи, а дальше сходилась с новой дорогой, которая пересекала широкую долину. Сверху можно было разобрать и трудившихся на полях крестьян, и дымящийся пылью торговый тракт. Внезапно на старой дороге появилась свора гончих собак, черных с рыжими подпалинами, за ними псарь с длинными кнутами на плечах, лёгкими рогатинами и арканами. Последним показался всадник.

– О! Охотнички! И, кажется, я знаю, за каким они оленем, – на бегу бросил Пьер, увлекая приятелей вниз к развалинам. – Вы как хотите, а я подальше.

– Но мы, вроде, тут ни при чём? – удивился Жиль. – Тебе-то чего бояться?

– Помнишь, я про грамотку говорил? Вот только печать у меня на ней просрочена. А новую ставить лучше в Лютеции. В общем, я встречаться с этими охотничками не собираюсь и вам не советую.

Пьер подхватил свой мешок и скрылся в густом подлеске. Манюэль, наоборот, никуда прятаться явно не собирался. Жиль замер, пытаясь решить, как ему поступить: с одной стороны, Пьер путешествует давно, да и советов плохих никогда не давал – но и южанин-алхимик на дорогах не первый год. И совершенно спокоен. Наконец, парень решил последовать совету ваганта, подхватил мешок с вещами... но опоздал. К бывшему постоялому двору выскочили собаки, уверенно окружили людей, не давая сбежать. Почти сразу подоспели псарь, а за ними въехал начальствующий господин.

Хозяин был полной противоположностью молодому шевалье. Попона гнедой лошади не просто кусок ткани, а украшена разноцветными вставками и металлическими чеканными бляхами. Седло дорогое, сарацинской работы – Жиль видел похожее у своего графа. Да и по возрасту – уже старик, с морщинистым, землистого цвета лицом, с провалившимися щеками, острыми скулами и с длинными седыми волосами, топорщившимися в стороны из-под шапки. Вот только взгляд был... не мутный, подёрнувшийся плёнкой возраста – а цепкий, пронзительный. Страшный. Увидев, кого поймала челядь, старик остановил коня и жестом приказал подвести обоих к себе.

– Кто такие? – взгляд вдруг зацепился за торчащий из дорожного мешка кусок плаща. – Где он?

Манюэль вздрогнул, побелел и сбивчиво начал объяснять, что ни он, ни его друг бродячий школяр, к беглецу не имеют никакого отношения. И что вот совсем недавно видели молодого шевалье у края леса, тот потерял кусок плаща, а Манюэль подобрал и хотел вернуть...

– Ушёл! – раздосадовано хлопнул себя по бедру старик. – Ушёл, паскуда.

Отведя душу бранью, старик переключился на неожиданную добычу.

– Кто такие? Из сервов?

– Никак нет, господин, – ответил Манюэль, и оба поклонились. – Я скромный философ, а это мой друг бродячий школяр.

– Алхимик, значит, – удовлетворённо произнёс старик, – золотоискатель.

Манюэль промолчал: благородный господин – это не школяр-вагант, на которого можно и обидеться, если он приравнивает ищущего тайн «первичной материей» к суфлёрам-алхимикам, только и думающим о превращении ртути в золото.

– Фейерверки устраивать можешь?

– Да. Я посвящён в искусство соединения серы и соли с огненным первоэлементом.

– Это хорошо. Своего алхимика у нас ещё нет... Пойдёшь с нами. Школяр тоже, найдём, куда приспособить.

Жиль было хотел сказать, что он не хочет, что ему надо в Лютецию. Но Манюэль вовремя толкнул его в бок, заставив прикусить язык. Старик в бешенстве из-за упущенной добычи, и легко прикажет затравить отказавшегося парня собаками. А назначенная прево вира за смерть вольного королевского подданного Жилю будет уже безразлична.

Неторопливо плестись обратно рыцарь не пожелал, поэтому кивнув одному из слуг оставаться за старшего, ускакал. Остальная охота двинулась в замок шагом, псаря берегли собак, жадно дышавших после погони. Трава постепенно сменилась плотно утрамбованной глиной со следами многочисленных телег. Дорога пересекла королевский тракт, потом продолжила путь вдоль опушки, огибая лес. И, наконец, свернула в поля, где у самого горизонта можно было различить замок. Жиль бросил тоскливый взгляд в сторону тракта и вздрогнул: небо с той стороны потухло и подёрнулось мглистой серой дымкой, обещающая непогоду. Плохой знак. А псаря тем временем, пользуясь отсутствием господина, принялись чесать языками. И на душе стало совсем тревожно. Ведь говорили мужики о том, как лет пять назад помер барон де Муффи, а у командовавшего сегодняшней погоней эконома шевалье де Жюсси начало прихватывать старую рану, и охотиться на крупного зверя стало некому. Владеющей-то замком баронессе, мол, всё равно – она дичь для стола и купить может. А вот дикие свиньи совсем страх потеряли, опять придут поля травить. И что делать, не ясно: не самим же крестьянам на них охотиться? Манюэль от новости, что правит в замке женщина – поэтому наверняка, как все женщины, взбалмошная и непостоянна – тоже помрачнел. А ещё, прежде чем одного из слуг грубо одёрнули, тот

несколько раз повторил прозвище эконома – «Старый хорёк». И просто так хорьком называть не будут.

К замку подошли в сумерках от догнавшей грозы, но света вполне ещё хватило чтобы рассмотреть место, куда судьба занесла Жиля. Замок был не самым богатым, из камня построены только донжон⁷ да арка и укрепления подъёмного моста. И небольшим: ров не шире пары человеческих ростов, всего две линии стен – внешняя и стена-«рубашка» вокруг главной башни. Поэтому дома мастеровых барона не прятались, как положено, под защитой третьего внешнего кольца стен, а стояли небольшой слободой рядом с огородами по другую сторону дороги. На несколько мгновений Жиль понадеялся, что их оставят именно в слободе – и ночью он сможет убежать. Но у ворот обоих то ли гостей, то ли пленников забрали четверо новых охранников, судя по хорошей ткани одежды городской выделки, из личной прислуги баронессы. После чего повели через настоящий лабиринт разнообразных построек внутреннего двора к донжону. Около часовни Манюэль робко попытался задержаться, слишком уж вкусными запахами кухни потянуло из прохода между конюшней и кладовыми: мол, с дороги положено сначала помолиться, да и перед хозяином негоже стоять и шуметь на весь зал голодным животом. Но один из сторожей больно ткнул его кулаком в спину и, широко улыбаясь полным гнилых зубов ртом, ответил, что госпожа сама решит – нужно их кормить, или не стоит тратить даже воды из колодца.

В замке своего графа Жиль никогда не был, но по рассказам отца Аббона неплохо представлял, как должна выглядеть главная зала. Манюэль в подобных местах бывал намного чаще... но и он поразился непривычной роскошью. Сам зал был размерами под стать замку и не очень велик, всего четыре роста в высоту и туазов тридцать пять в поперечнике. Но два окна рядом с местом барона были прикрыты не решёткой из ивового прута как остальные, а витражами из стекла, на которых играло закатное солнце. Освещали хозяйскую часть стола не только висящие на потолке и стенах масляные лампы, но и две восковые свечи. Да и сами стены укрывали не полотнища толстой ткани, вышитой деревенскими умелицами, а настоящие гобелены. Причём, судя по узору из листьев, самые дорогие, не византийской, а сарацинской работы. И даже доски пола под ногами баронессы покрывал не камыш и свежие ветви, а шерстяной ковёр.

Когда гости-пленники в сопровождении слуг вошли в зал, ужин был в разгаре. Никаких приказов от баронессы не последовало, поэтому подождав какое-то время, лакеи

⁷ Донжон (франц. donjon) – главная, отдельно стоящая башня замка, поставленная в самом недоступном месте и служившая последним рубежом обороны при нападении неприятеля. Одновременно служил жилищем феодала, военным центром крепости и местом хранения ценностей

сели за дальний стол. Жия и Манюэля посадили рядом с собой, а тот самый мужик, сурово одёрнувший алхимика возле церкви, теперь добродушно хлопнул обоих по спине и пригласил налегать на еду вместе с ними. Мол, раз хозяйка ничего не сказала – они теперь гости, а гостя положено кормить. Утолив первый голод, южанин порозовел, благодушно рыгнул и в качестве ответной любезности, как положено гостю, начал рассказывать новости и слухи. Остальные за столом слушали жадно, всё-таки замок пусть и стоит у тракта, всё же не харчевня. Путники со свежими сплетнями бывают здесь нечасто. Жиль, пользуясь тем, что за болтовнёй Мануэля про него забыли, принялся осторожно разглядывать баронессу.

Хозяйка выглядела под стать залу. Довольно молодая, хороша лицом и явно старается быть похожей на идеал красоты, про который как-то пел балладу в их деревенском трактире заезжий трувер: высветленные кожа и волосы, удлинённый овал лица, маленький рот и густо очерченные и накрашенные чёрной тушью брови. Несмотря на будний день, одета она была как на праздник. Нижнюю рубаху украшал богатый узор благородного красного оттенка, платье из муслина городской выделки старательно присборено, чтобы красиво показать большую грудь, а лента лифа и дорогой пояс древлянской работы на талии, выгодно подчёркивали пышные формы, «позволяющие полнее вкусить любовные игры». А уж сколько стоила меховая накидка из северных соболей, страшно было даже подумать. Отец Жия, наверное, не зарабатывал столько и за год. Вот только почему-то от взгляда на баронессу пробивала дрожь.... Благородная дама явно была не в духе, символ вдовства – лёгкая ткань, покрывавшая волосы – сбилась, а взгляд, которым она случайно зацепила парня, напомнил рассказ отца Аббона про мифического зверя Скорпиуса, перед тем как съесть своим взором вгонявшего жертву в оцепенение ужаса... Обошлось. Женщина, облокотившись на подлокотник своего кресла, о чём-то говорила с сидевшим на соседней лавке Хорьком. И обоим явно было не до школяра с алхимиком. Закончив ужин, баронесса выгнала приготовившегося было петь трувера, встала и ушла. За ней покинул залу и старый рыцарь, а следом принялись расходиться и остальные. Всё тот же мужик с гнилыми зубами вывел Жия и Манюэля из башни, нашёл им место в каком-то из домов прислуги на замковом дворе, и парень забылся тревожным сном.

Утро баронесса де Муффи встретила в отвратительном настроении. Как всё замечательно было всего несколько дней назад! Схоронив мужа, молодая ещё женщина быстро почувствовала вкус единоличной власти над богатым феодалом, и идти в семейную

кабалу второй раз не собиралась. Вот только детей от первого брака не было. Следовательно, умри баронесса или забеременей от кого-то из любовников, фьеф тут же отойдёт королю. Поэтому родня всё настойчивей требовала повторного брака... Сбежавший вчера шевалье де Мазаме мог бы стать удачной партией. Младший сын барона из Нормандии, поэтому никакой влиятельной родни поблизости. Слабый характером, вмешиваться в управление замком бы не посмел. Да и в постели весьма неплох. И чего его потянуло на дочку шорника? Девка, которую молодой рыцарь силой завалил в лесочке, тут же побежала жаловаться хозяйке. Оскорблённая изменой женщина приказала сунуть де Мазаме в особую комнату, запрятанную в подвале донжона между кладовыми для припасов. Пусть посидит, подумает – ведь по закону насилие над свободной женщиной каралось довольно сурово, а уж за свидетелями дело не станет, баронесса позаботится. Через недельку, как сломается, можно было бы намекнуть насчёт замужества. Новоиспечённый барон против жены тогда и пикнуть не посмеет. Но проклятый негодяй успел сбежать!

С мыслей о побеге гнев переключился на эконома: как тот посмел упустить де Мазаме? Впрочем, ярость остыла довольно быстро. Старый шевалье де Жюсси служить начал ещё при её отце, после замужества стал экономом замка. Никогда не будет претендовать на то, чтобы заточить хозяйку в монастырь и посадить бароном де Муффи наследника: и оммаж блюдёт, да из детей в живых осталась только дочь. А девица – не мужчина, на чужой домен претендовать не имеет права. Да и даром что лицом хороша – в остальном тощая, смуглая, черноволосая. Кто на такую посмотрит? Значит, вариант, что старый эконом с кем-то сговорится насчёт замужества и маленького переворота не пройдёт. К тому же без суровой мужской руки эконома управлять замком, наверное, было бы намного сложнее. Вот только обратная сторона такой помощи – необходимость делиться властью, а это вызывало постоянное раздражение. Вот если бы удалось заменить старика послушным мужем...

Впрочем, за завтраком неприятные мысли быстро исчезли: повар хорошо знал свою госпожу, поэтому сегодня расстарался особенно. Покончив с едой и делами по хозяйству замка, баронесса вспомнила про вчерашнюю добычу эконома. Школяра звать она не захотела, много чести. Зато Манюэль был обласкан, а эконому дан приказ «снабдить необходимым для огненного праздника» и отдан под лабораторию один из домов в замковой слободе. Про Жилия забыли. Потянулись однообразные дни, ведь приказа отпустить домой тоже не последовало. Надежду вселяло только обещание Манюэля: мол,

он помнит, что парень идёт учиться в Лутецию. Специально не стал говорить про приятеля. Скоро про школяра забудут совсем – и алхимик постарается Жиль вывести под видом одного из помощников. А дальше в лесу парень ходит лучше любого егеря и сумеет выйти на тракт уже за пределами фьёфа де Муффи.

Жиль считал дни, когда, наконец, он сумеет бежать – но внезапно зарядили дожди, фейерверк отложили. И, значит, нужда в помощнике для сбора ингредиентов в лесу отпала. Вот только и баронесса, вынуждено запертая непогодой в четырёх стенах, впала в хандру. Всё раздражало, позванная читать хозяйке дочь эконома – роман читала не так... Тут-то и вспомнилось, что вместе с алхимиком был ещё какой-то школяр.

Парня вызвали утром следующего же дня. Зал к этому времени был уже почти пуст, только сновали несколько слуг, убрали столы и меняли на полу вчерашний камыш и сено на свежие. Баронесса сидела с хозяйской стороны вместе с какой-то девушкой и играла в шахматы. Жиль несколько раз моргнул, привыкая к смене освещения, потом подошёл поближе, ещё раз внимательно взглянул на игроков... И понял, что тонет в округлом лице, полных губах, милом курносом носике и ямочках на щеках. Сколько ей? Не меньше, чем четырнадцать, но судя по длинным до пояса девичьим косам ещё не замужем. Хотя... отец Аббон говорил, что в дворянских семьях венчаются очень поздно, и в шестнадцать-семнадцать свадьба никого не удивит. Девушка заметила, что рядом кто-то есть, подняла взгляд, и Жиль снова утонул в бездонных карих глазах.

Баронесса заминку поняла по своему. Решила, что парень засмотрелся на шахматы.

– Знаешь что это?

– Да, госпожа. Я немного играю.

Жиль заставил себя перенести внимание на доску. Шахматы были не как у отца Аббона – в виде резных фигур, а совсем простые. Только белый и красный короли были вырезаны в виде человека с короной, остальные выглядели как простые цилиндры с выточенными наверху символами.

– Играй. За благородный красный будет, конечно же, Николетт. А ты... Как твоё имя?

– Жиль, госпожа.

– Жиль, значит, – усмехнулась женщина. – Ты – за белый.

Первую партию Жиль естественно проиграл, слишком уж его отвлекали мысли про Николетт. Ко второй собрался и сумел свести вничью, а третью выиграл: пусть девушка оказалась сильным игроком, до отца Аббона ей было далеко. Баронесса довольно

улыбнулась. Она не любила, если ей поддаются, и от Николетт требовала играть в шахматы всегда в полную силу. Поэтому видеть, как девчонка недовольно хмурится от проигрыша, было очень приятно. Потом шахматы надоели, баронесса потребовала ей читать. На следующий день школяра снова позвали читать, потом ещё раз. Поэтому, хотя дожди закончились, выйти вместе с Манюэлем и бежать – не получалось. Да Жиль и не стремился, ведь каждый зов от баронессы означал новую встречу с Николетт. А когда хозяйка замка неожиданно ввела парня в свою свиту и на воскресной мессе он стоял рядом с девушкой, Жиль был вне себя от счастья. Даже подаренный баронессой кошель, где помимо медных нашлись несколько серебряных монет, радовал не так сильно.

Когда заканчивалась уже четвёртая неделя жизни в замке, Жиль неожиданно разбудили посреди ночи. На пороге стоял Мануэль... и рядом с хижинкой, куда поселили школяра ждала Николетт.

– Жиль, – торопливо начал алхимик, – тебе нужно бежать. Немедленно.

– Но...

– Я случайно узнала, – зашептала девушка, – завтра тебя переселят в донжон. Хозяйка решила сделать тебя любовником. Так было уже. А как надоешь, чтобы не пошли слухи, тебя убьют. Я... я не хочу.

– Быстрее. Николетт попросила меня, я дал ей смесь, от которой у ворот и калитки часовые ненадолго уснут, а потом ничего не вспомнят. Но времени мало, травы действуют недолго.

– Спасибо, – Жиль подхватил мешок с вещами, сделал несколько шагов, потом остановился. – Но как же вы? Мануэль, тебя могут заподозрить.

– Только чистому душой и твёрдому в вере Христос может вернуть истину, потерянную в первородном грехе. И коли вступил я на путь свободного философа, алчущего тайны мира, не должно мне поступать иначе, потакая греху земному.

– А я не хочу, чтобы тебя сначала использовала, а потом убила эта жадная... – девушка запнулась, стесняясь произнести ругательство.

– Спасибо.

Жиль поклонился алхимику, потом, повинувшись какому-то странному порыву, крепко обнял Николетт и скрылся в темноте.

Глава 3

*Муж, в науках преуспевший,
безраздельно овладевший*

*высшей мудростью веков,
силой знания волшебный, –
восприми сей гимн хвалебный
от своих учеников!
Всех искусней в красноречье,
обрати свою к нам речь и
наш рассудок просвети!*

Лютеция! Город чьему знаменитому университету покровительствовали сами патриархи. Столица Франции – государства, последний век начавшего понемногу соперничать даже с могущественным северным Древяньем и златоглавой Византией. Город дал о себе знать задолго до того, как показались стены. Сначала на широком тракте стало не протолкнуться от пешеходов, телег и всадников. Затем утрамбованную глину под ногами сменил камень. В одном месте даже пришлось долго обходить огромный затор – рабочие заново укладывали булыжник, перегородив из-за этого добрую половину тракта. Дальше пошли многочисленные слободы Сен-Мартен-де-Шан, откуда до самой Лютеции было уже рукой подать. Жиль постарался пройти их как можно быстрее, не глаза по сторонам. Опоздать он не боялся – до закрытия ворот ещё полдня. Но вот выглядеть деревенщиной не хотелось, к таким, по рассказам Мануэля и Пьера, и относятся свысока, и содрать норовят втридорога. Не зря же на деньги баронессы Жиль купил башмаки и новую котту, разрешённую горожанам – приталенную, хоть и простой ткани. Будет очень обидно, если все эти траты окажутся ненужными.

Вот дорога сделала очередной поворот, и, наконец, вывела к городским укреплениям. Тут Жиль не смог удержаться, чтобы не постоять, открыв рот. В обе стороны от дороги шла высоченная каменная стена, которая каждый десяток першей упиралась в каменную же башню. Причём стена была такой толстой и широкой, что по ней без труда могли разойтись два человека. Жиль заметил, как один стражник встал, выглядывая что-то внизу, а за его спиной прошёл другой – даже не пришлось подвинуться.

Долго удивляться не получилось. Толпа спешила поскорее попасть в город, тянула и давила. Пришлось подчиниться и занять очередь у ворот, где несколько вооружённых окованными железом дубинами стражников собирали входную пошлину и городские сборы. Здесь людская масса замедлялась, из человеческого кома выделялись реки телег и ручейки пешеходов, и все неторопливо текли к воротам, чтобы отдать несколько монет и расплескаться по улицам и переулкам с другой стороны городских стен.

Идти было скучно, к тому же начало припекать. Два мужика, собиравших деньги, заметно устали, им-то и с солнцепёка не уйти, и даже дубины с пояса не снять, стали раздражительными. Принялись цепляться то к одному, то к другому путнику: с какой надобностью те входят в город? И тут Жилю повезло. Когда он уже стоял недалеко от ворот, очередь дошла до бродячего артиста, и тот предложил расплатиться «обезьяньей монетой». За право прохода сидящая на плече обезьяна сделает несколько трюков. Стражники оживились, одобрительно заголосили – зрелище редкое, будет о чём вечером рассказать домашним. Поэтому к молодому парню, явно приехавшему в столицу из какого-то мелкого городишки, умудрённые жизнью дядьки отнеслись снисходительно. Неприятности чуть было не возникли, когда выяснилось, что идёт Жиль в Сорбонну – буйных школяров в городе не любили. Но Жиль удачно выкрутился: не студент, а с посланием и по поручению настоятеля своей церкви к уважаемому профессору канонику Гильому де Шампо. Имя знаменитого на всю Лютетию богослова и преподавателя сразу подействовало как масло на бурные волны⁸, подозрения тут же утихли. Один стражник даже расчувствовался, оказалось у него какой-то свояк отцу Гильому дом ремонтировал, и заплатил профессор щедро. Поэтому дорогу до моста через Сену мужик объяснил подробную, а дальше, мол, парень разберётся. Жиль в ответ поблагодарил и с замиранием сердца шагнул на мостовую Лютетии – города, чей Университет последние десятилетия затмил даже константинопольский Пандидактерион.

Город молодого парня заворожил. По совету дядьки-стражника Жиль выбрал до моста через реку пусть более дальний путь, зато всё время по одной и той же центральной улице-тракту. Естественно, одна из главных дорог Лютетии была замощена булыжником – так в последние годы стали делать не только в столице, но и городах поменьше. Но если в Нанте, куда Жиль ездил с отцом на ярмарку, булыжник был крупным, дорога щербатая, а жёлоб для отходов в центре улицы открытый – то здесь стройкой явно заправляли мастера из Константинополя. Именно у византийцев-ромеев, по рассказам отца Аббона, принято было булыжник дробить мелко или использовать каменные плиты, а жёлоба обязательно прикрывать крышками, чтобы не выходили вредные запахи.

Дома тоже заставляли замирать от восторга. Сплошь из камня, на фундаментах, нет привычных полуземлянок и срубов. К тому же, если около стены ещё встречались дома одноэтажные, то дальше они поднимались в два, а иногда и в три этажа! И ведь не дворцы какого вельможи. Если судить по лавкам внизу да вывескам, жили здесь обычные люди.

⁸ Одним из способов борьбы со штормами в средневековье были бочки с маслом: масло выливали на воду, и образовавшаяся плёнка на какое-то время успокаивала волны

Юноша позволил себе замечаться – у него когда-нибудь будет не хуже... очередной поворот улицы вывел парня на площадь, где горделиво красовался уже настоящий дворец. Судя по гербу на воротах – герцога де Бурбона.

Жиль при виде нового чуда застыл, словно вкопанный. Дворец был огромен, на его месте можно бы, наверное, построить три десятка домов. К тому же герцог явно решил показать всему городу, что богат не меньше короля: стены украшала лепнина и византийские изразцы, в окнах второго этажа солнце играло витражами, а вместо простого кирпичного забора стояла высокая ограда из железных прутьев. Но хозяину и такого излишества показалось мало – сколько стоила кованная решётка ворот, где были изображены сцены из Евангелия, Жиль не мог себе даже вообразить. Его деревня и за год столько не заработает.

Неподалёку вдруг раздался осипший голос, громко попытавшийся с середины продолжить проповедь. Жиль повернулся и прислушался: какой-то клирик обличал герцога. Мол, тот настолько погряз в роскоши, что не только дворцовую часовню, но и новое крыло дома решил строить из дорогого рифейского кедра. А для этого выписал из Древянья мастеров и зодчих, да платит им несусветные деньги – вместо того чтобы нанять честных плотников аббатства Святой Женеьевы. Судя по севшему голосу, вещал клирик уже долго, но благодарных слушателей почти не отыскал. Да, берут северные мастера за свою работу немало. Зато хорошо известно, что древяне хоть и прижимисты, но не скупы как ромеи. Лютеция не зря слывёт торговым перекрёстком половины Европы, обратно гости повезут не золото, а венецианское стекло, сарацинские сладости, египетскую папирусную бумагу. Всё, что дома можно продать за тройную цену. А значит на деньги герцога набьют себе брюхо не один десяток лавочников и таких, как школяров, как Жиль: ведь древяне любят свою половину купчей писать на втором языке всех образованных людей – греческом. А знающих оба наречия в Лютеции не так уж и много... Додумать мысль не получилось, проповедник заметил нового слушателя и направился к нему. Пришлось спешно идти дальше.

Профессор Гильом человеком оказался не просто известным. Стоило добраться до кварталов Сорбонны, как почти каждый на вопрос, где сейчас уважаемый каноник, отвечал, что видел его вот там-то или слышал, что он отправился туда-то... Но рассказы были противоречивы, и искать пришлось долго. Наконец, какой-то из преподавателей подсказал: уважаемого Гильома недавно выбрали новым помощником канцлера университета и сейчас

почтенный каноник сидит в одной из комнат канцелярии, разбирает доставшиеся от предшественника свитки.

Увидев дородного мужчину в мантии, Жиль оробел. Каждая чёрточка лица одного из знаменитейших богословов Сорбонны – и круглые полные щёки, и нос горбинкой, и благородная седина аккуратно подстриженной бороды и густых бровей, и тяжёлый подбородок, и пронзительный взгляд карих глаз – всё выражало невероятную учёность. И власть, которую даёт знание явное и знание тайное. Поэтому когда Гильом грозно спросил, почему какой-то студияз его отвлекает от работы, Жиль ответил не сразу. Да и потом всё время запинался, объясняя, что он привёз письмо от отца Аббона и книги. Взгляд каноника после имени наставника Жили сразу же потеплел, и, получив пергаментный свиток, профессор погрузился в чтение. А потом внезапно обратился к парню на латыни:

– Вот значит как... Ты его последний ученик. Расскажи, как и что усвоил?

Латынь сразу же напомнила уроки наставника, он вот также внезапно любил переходить на один из языков просвещённого мира. Экзамен шёл долго, но когда закончился, Гилберт де Шампо довольно почесал подбородок и произнёс:

– Неплохо, неплохо. Я всегда восхищался отцом Аббоном, как у него получалось сначала находить таланты, а потом их ограничить. Итак, чего бы ты хотел добиться в Лютеции?

– Господин, я бы хотел получить степень магистра свободных искусств. А затем посвятить себя богословию или юриспруденции.

– Достойное желание, молодой человек. В знак признательности к старому другу я не стану брать с тебя плату. Жду через три дня на лекции. А пока – свободен, – профессор махнул рукой в знак того, что встреча завершена.

По лестнице во двор Жиль бежал так, словно за спиной у него выросли крылья. К весне, может, к лету он получит степень магистра! А дальше – в словах почтенного Гильома явственно прозвучал намёк на помощь в поступлении на один из Старших факультетов. Выпускников же Сорбонны привечали и в Риме, и в Константинополе, и среди восточных славян.

Выбежав во двор, Жиль чуть не столкнулся с кучкой парней. Студенты считались вне сословий, поэтому ни по гербу, ни по «благородным» цветам в одежде нельзя было определить, из зажиточных буржуа или из дворян предводители. Но деньги у них явно водились. Словно подтверждая мысли, самый старший заговорил: мол, уже известно, что у профессора Гильома новый ученик. И не зря от небес заповедано устройство мира, где

сеньор предоставляет защиту слабейшему за плату. Так пусть и новичок получит помощь... На несколько мгновений Жиль задумался. Всё-таки помощь и заступничество в огромном чужом городе лишней не будет. Но почти сразу гордость взяла верх. Их деревня всегда была вольным аллодом, даже сумела купить Хартию. И переходить, пусть неофициально, в статус крепостного Жиль не собирался.

Сомнения истолковали по-своему. Рядом тут же встал ещё один десяток парней, одетых попроще и победнее – примерно как Жиль. И второй предводитель громко сказал:

– Верно! Пансионариям только позволь, сразу весь университет в кабалу затащат. Нечего трогать «стрижей». А ты парень, давай с нами! И как положено, новый товарищ устраивает пирушку для остальных «стрижей», отметить вступление в цех студентов!

Предводитель «пансионариев» с неприязнью посмотрел на конкурента, тот ответил ему тем же, завязалась перепалка. А Жиль на несколько мгновений потерял дар речи. Ну и порядки! Не один, так другой так и норовит обчистить чужой кошель, едва успеешь ступить на порог Университета. В душе тут же закипело желание дать хлёсткий отпор. И припомнив рассказы Пьера, Жиль спокойно и с ноткой превосходства ответил:

– С каких это пор ваганты кому-то служат или платят за вступление?

Спорщики тут же умолкли, среди них пробежал холодный ветерок. Несколько мгновений спустя обе группы отступили, а к Жилю подошли двое. Один – широкоплечий светловолосый крепыш, явно земляк Пьера, с севера. Другой, кажется, из Иберии – смуглый, худой и костистый – чем-то напоминал Манюэля. Но на ногах чулки, а не штаны, так предпочитали одеваться именно иберанцы.

– По какому праву ты называешь себя вагантом? – тут же спросил крепыш.

– Посвящение мне дал вагант Пьер, – и, подчиняясь какому-то наитию, Жиль сделал шагок вперёд негромко, чтобы его могли слышать только двое вагантов, сказал: – Мы расстались, когда я не смог избежать приглашения, – парень усмехнулся, – баронессы де Муффи. Но Пьер тогда сумел убежать, и если он до сих пор не в Лютеции... У него была какая-то трудность с печатью на одной грамотке. И хотел Пьер обновлять её именно здесь.

– Понял, – также негромко шепнул вагант. – Сделаем, – и уже в полный голос добавил: – Я Батист, а это Эстанислао. Пойдём, поможем тебе устроиться. На улице Англичан последнее время плохо мусор вывозят, даже смотритель дорог обещает подать жалобу. Зато, если тебя не смущает запах, комнату там можно снять вдвое дешевле.

– Переживу, – улыбнулся Жиль. – Но перед этим...

На память удачно пришло одно из стихотворений, которые любил декламировать Пьер:

Щедрому хозяину
 щедро подражая,
 Я делюсь с издольщиком
 долей урожая:
 Каждый знает по себе,
 в ком душа большая,—
 Чем крупней кусок отдам,
 тем вкусней вкушаю.
 Не могу один в углу
 наслаждаться пищей —
 Половину уделю
 доброй братье нищей.
 А при княжеских дворах
 пусть другие рыщут,
 Коим высшее из благ —
 толстый животище.

– Прежде чем идти смотреть комнату, приглашаю в трактир пообедать. Когда я убежал от де Муффи, мне удалось захватить с собой немного щедрости баронессы. Так пусть же эти деньги не будут пылиться в кошеле, а помогут братьям-вагантам. Тогда и мне в час нужды кто-нибудь да придёт на помощь.

– Узнаю привычки Пьера, – усмехнулся иберанец. – Пойдём. А после этого я покажу чудный трактир с недорогой комнатой, и живущей неподалёку симпатичной вдовой.

О цене на комнату сговорились быстро. Трактирщик, было, попытался задрать плату – пока приезжий не разобрался что в городе к чему. Но в дело вмешался Батист, и хозяин быстро сдался. С мусором на улице обстояло и в самом деле не очень хорошо, а тратиться на благовония, чтобы сделать воздух невредным для здоровья хозяин не хотел. И найти другого постояльца удалось бы нескоро, а пустая комната – это ежедневный убыток. Удачно сложилось и с заработком: через неделю помог ещё один из вагантов. Узнав, что Жиль хорошо владеет греческим и даже немного письмом сарацин, представил его библиотекарю того самого герцога де Бурбона, чьим дворцом парень любовался в первый день. Оказалось Его Светлость захотел расширить свою библиотеку, а для этого решил

скопировать ряд книг из хранилищ аббатства Святой Женевиэвы и Университета. И если со знатоками латыни трудностей не возникло, то писцов с хорошим почерком на греческом нашлось не так уж и много. Увидев, как быстро и аккуратно пишет Жиль, библиотекарь даже предложил парню постоянное место при герцоге – но Жиль отказался. Мол, сначала получу хотя бы степень магистра свободных искусств.

А через две недели приехал Пьер. Жиль как раз собирался спуститься в обеденную залу трактира позавтракать и бежать в скрипторий герцога, когда дверь в комнатку с шумом распахнулась.

– Жиль, дружище! Рад тебя видеть! И я твой должник. Не знаю уж, как ты догадался, но у меня и в самом деле были кое-какие трудности. И если бы Батист по твоему слову не договорился заранее с обителью Святого Доминика, у меня случились серьёзные неприятности.

Жиль смущённо пробормотал, что мол, ничего такого, Пьер тоже помог ему вступить в братство вагантов. Но друг даже не слушал, как не стал слушать и про то, что Жилью надо идти в скрипторий. Вместо этого Пьер потащил парня праздновать свой приезд... и ни в скрипторий, ни на лекцию в этот день Жиль уже не попал. Впрочем, дальше пирушки прекратились. Со следующего дня оба снова стали добропорядочными студентами, грызущими камень знаний в поисках истины. Хотя различия и были: Жиль старался особо не высовываться, пусть и получал регулярно похвалы от профессора Гильома – почтенный каноник даже ставил парня в пример остальным своим ученикам. Пьер же, наоборот, блистал. Не пропускал ни одного диспута, часто выступа сам. Остро, резко и едко. Тем более что Священное Писание и многие трактаты Пьер знал наизусть и мог привести по памяти не только саму цитату, но даже назвать номер стиха в нужной книге.

Незаметно прошла зима, следом зазеленела весна. Сначала робко травой и раскрывающимися почками, но уже к концу апреля стало жарко совсем по-летнему. В один из таких дней Пьер и навестил друга.

– Вставай, лежебока! – толкнул он Жилья.

– А? Что? Кто? А... это ты, Пьер. Ты чего так рано? Сегодня же...

– Да помню я, что тебе ни в скрипторий, ни на лекцию. Но ведь сегодня же первый день турнира!

Жиль захлопал глазами, прогоняя остатки сна. Ну да – сегодня начинается турнир между рыцарями из Тулузы с одной стороны и Нанта и Бургундии с другой. Об этом

говорили уже несколько недель. Но в первый день обещали, что будут биться один-на-один, а Жилю больше нравились схватки-«свалки», стенка-на-стенку. Он видел такое ещё когда с отцом ездил в Нант на ярмарку и с тех пор стал горячим поклонником именно таких турниров. Сегодня же можно и поспать.... Но Пьер был неумолим и всё-таки потащил друга смотреть на одиночные схватки.

Та часть города, возле которой проводился турнир, преобразилась. Стены многих домов были завешаны пёстрыми тканями, хозяева лавок поспешили вынести товар на улицу, разложив его на кусках холста – и громко старались перекричать конкурентов, нахваливая именно свою работу. По дороге постоянно попадались спешившие по своим делам слуги с незнакомыми гербами на одежде, а возле многих трактиров развевались флажки и знамёна, чтобы каждый мог сразу понять кто из благородных шевалье здесь остановился. К большому ровному полю неподалёку от города люди собирались загодя, сразу после заутрени. Так что сейчас не только стояли вдоль ограды в несколько рядов, но и переполнили ветви всех окрестных деревьев, выгнав недовольно кружащих теперь над полем птиц. Но Пьер проталкиваться не стеснялся. А вспыхивающее недовольство умел погасить вовремя брошенной шуткой. Так что вскоре оба друга оказались возле ограды ристалища – ряда вкопанных по грудь столбов, на которые натянули верёвки.

Место оказалось вдвойне удачным: именно здесь, посередине вытянутого турнирного поля, сойдутся разогнавшиеся со своих концов поединщики. Пьер вдруг ткнул рукой в устроенные с противоположной стороны ристалища деревянные ложи для благородных господ и судей турнира. Ложи были украшены дорогими тканями и коврами, пурпуаны мужчин и платья дам играли дорогим шитьём и украшениями.

– Не хотел бы сидеть среди них?

– Вот ещё, – фыркнул Жиль... а в памяти вдруг почему-то всплыло лицо Николетт.

Но дать приятелю подходящий ехидный ответ не получилось: соседи зашикали, на поле вышел герольд – пришлось замолчать. Самое начало, когда участники с обеих сторон проезжали через ристалище при полном параде, друзья пропустили. Сейчас вышедший на середину поля герольд громко возвещал о первой схватке турнира и желал всем участникам строго придерживаться правил состязаний, изложенных в трактате «Status Armarium».

Имена первых поединщиков Жилю были незнакомы, да и прошло всё быстро и неинтересно. От удара тулузца его противник сразу же вылетел из седла, и герольд назвал имя победителя. Вторая пара обещала быть интереснее, хотя названия фьефов были тоже

незнакомы. В этот раз ловчее оказался бургундец, но и его противник удержался в седле, хотя удар был точен и силён. Всадники разошлись на свои концы ристалища, снова разогнались. Столкнулись рыцари как раз рядом с Жилем и было хорошо видно, как северянин «преломил» своё копьё о щит соперника. От удара по морёному дереву, окованному железом, древко копья расколосось – но воин хоть и покачнулся, сумел удержаться в седле. Толпа взревела, приветствуя умелого всадника, затем умолкла – его противник тоже остался на коне, но, проскакав половину ристалища вдруг упал. К рыцарю тут же подбежали слуги и оруженосцы, затем герольд. Шевалье унесли, а судья вдруг объявил: поединок считается ничьёй, так как у рыцаря из лагеря Тулузы лопнула подпруга. И хотя дальше поединок из-за травмы плеча он продолжать не может, нельзя заявить, что сильнее оказался бургундский шевалье де Траме. Толпа зрителей заволновалась, тут же начали вспыхивать споры: кто-то считал всё вмешательством Небес или Лукавого, другие настаивали, что подпруга не выдержала удара де Траме, и победил бургундец. Но вот герольд начал объявлять следующую, пару и пересуды тут де смолкли. Никто не хотел пропустить хоть слово.

Имя никому не известного шевалье де Бастане ничего кроме обычных для каждого участника возгласов приветствия из толпы не выжало, а вот его противник графа де Крона вызвал целый ураган радостных криков и воплей. Граф приезжал на турнир в Лютецию не первый раз и был всем известен как сильный боец, выбивший из седла немало соперников. Кричал вместе со всеми и Жиль: пусть у его деревни и были с де Крона нелады – тот всё же оставался его графом. А слава и победа сюзерена это и слава всех графских подданных.

Де Бастане сумел всех удивить ещё до начала поединка: тулузец выбрал своей дамой женщину с севера, даже повязал её барбет⁹ себе на копьё... У Жилия, когда герольд назвал даму сердца, которой будет посвящена победа, душа ушла в пятки: баронесса де Муффи. Соседи начали бурно обсуждать, что означает столь странный выбор, не насмехается ли южанин над рыцарями из Бургундии, мол, вы настолько ничтожны, что даже ваши женщины предпочитают нас? Жиль слышал только как гулко бухает в ушах кровь. Баронесса там, на трибуне. И если она его увидит на турнире... Очнулся он от того, что знавший о приключениях друга Пьер двинул его кулаком по спине и сказал:

– Нужен ты ей искать. Она, поди, давно уже тебе замену нашла.

Жиль кивнул, но руки ещё дрожали, пришлось даже ухватиться за верёвку ограды. Чтобы отвлечься, парень стал внимательно следить за поединком. Сегодня графу попался

⁹ Барбет – часть женского головного убора; широкая полотняная лента, проходящая под подбородком, концы которой завязывались на темени

соперник под стать. В первой же сшибке сумел отвести вражеское копьё и задеть своим щит графа. Де Крона еле успел сместиться так, чтобы удар пришёлся вскользь, но видно было, как граф заметно покачнулся в седле. Вторая сшибка прошла в пользу графа, он сумел преломить копьё – но оба всё же удержались в седле. Пришлось некоторое время подождать, пока графу принесут новое. Третья схватка прошла опять в пользу южанина, преломил копьё теперь он, но снова оба всадника остались в седле. Четвёртая сшибка опять не выявила победителя... толпа заволновалась. Никто не сомневался, что и последняя дозволенная пятая схватка на копьях тоже окончится ничьёй. И рыцари сойдутся на другом оружии. Тут же начались споры и даже ставки, что именно выберут благородные шевалье – меч, булаву, топор? И как пойдёт схватка: пешими или опять в седле? Но вот всё затихли, и герольд прокричал о начале последней копейной сшибки.

Соперники успели оценить умение друг друга. Поэтому скорость набирали не торопясь. Чтобы в последний момент бросить лошадь вперёд, неожиданно опередить врага и нанести удар. Первым успел граф де Крона. Разогнавшись, он направил копьё в центр вражеского щита, сместившись так, чтобы у противника не осталось шансов сохранить равновесие. Но и шевалье де Бастане оценить угрозу сумел. Понимая, что сам ударить не успеет, он бросил копьё болтаться лишь на ремнях, ухватился правой рукой за седло, напряг руку державшую щит, и направил коня чуть в сторону. Рыцари столкнулись словно два неистовых вепря-секача, треск сломавшегося копья был слышен даже среди зрителей. Мгновение – граф летит дальше, а его соперник валяется в пыли. Толпа взревела, заорала, засвистела. И вдруг затихла. К неподвижно лежавшему рыцарю подбежали помощники герольда, после чего распорядитель турнира прокричал: шевалье де Бастане мёртв. Кто-то из слуг плохо закрепил защищавшую лицо кольчужную сетку, и одна из щеп от расколовшегося копья насквозь пробила голову.

Толпа взревела, все – и сторонники графа, и болевшие за южанина – теперь в едином порыве славили де Крона. Ведь как бы то ни было – в столь трудном поединке победил именно он. Жиль молчал... в голову вдруг непонятно почему пришла мысль: а ведь невезучий шевалье тоже связался с баронессой де Муффи. С мрачным видом парень уходил с турнира, Жиль глодали нехорошие предчувствия. Пьер даже опять начал посматривать на друга с тревогой. Внезапно, когда оба дошли до городских ворот, Жиль вдруг остановился, помотал головой и громко рассмеялся:

– И чего это я? Пьер! Мне же профессор Гильом не просто помог с представлением на магистра, он через неделю обещал передать мою просьбу зачислить на Юридический факультет. Так отметим! Позовём Батиста, Эстанислао, остальных наших!

Выходи в привольный мир!
 К черту пыльных книжек хлам!
 Наша родина – трактир.
 Нам пивная – божий храм.
 Ночь проведши за стаканом,
 не грешно упиться в дым.
 Добродетель – стариканам,
 безрассудство – молодым!

– Что мне эта де Муффи, что мне остальные. Мой дом теперь Университет, моя семья – братья ваганты! – закончил Жиль.

– Это по нашему, – хлопнул его по плечу Пьер. – Пошли. Я знаю один чудный трактир...

И друзья, горячо обсуждая, где лучше отметить будущее звание доктора богословских наук Жилия, шагнули под сень прохладных улочек Лютеции.

Глава 4

*Я с тобой, ты со мной
 жизнью станем жить одной.
 Заперта в моем ты сердце,
 потерял я ключ от дверицы,
 так что помни: хошь не хошь,
 а на волю не уйдешь!*

Баронесса де Муффи встречала гостя сама, во внешнем дворе прямо у ворот замка: сразу было понятно, что хозяйка здесь именно она. Но спешить к епископу помогал капитан стражи, он же принял оружие и лошадь отца Павла. Зато плащ на плечи поверх пурпуана гостя накинула баронесса. Епископ довольно кивнул: намёк вполне понятен. Правит во фьефе де Муффи хозяйка, но и своё место женщины она не забывает. Тем временем слуга протрубил в рог и объявил все титулы гостя, после чего баронесса приказала лакею подать отцу Павлу красивый и дорогой расписной эмалированный таз рифейской работы освежиться с дороги. А как только епископ смыл дорожную пыль, дорогого гостя тут же позвали в главную залу донжона, где уже ждал готовый для трапезы

стол. Покрытый ослепительно-белым холстом: разговор предстоял важный, и баронесса не поскупилась пустить пыль в глаза, купив новую скатерть. Да и посуда рядом с хозяйским местом специально была не повседневная оловянная, а из золота, серебра и вычеканенной стали – в ход пошло всё что можно из сокровищницы замка.

Гостя пригласили сесть рядом с баронессой, есть из одного блюда и пить из одного кубка. Епископ благочестиво кивнул и согласился... Женщина почувствовала, как бешено застучало сердце. От помощи епископа зависел успех всего задуманного предприятия. А раз отец Павел выказал своё расположение с первых же мгновений, скорее всего, удастся его уговорить. Уговорить помочь с мезью графу де Крона! В голове вихрем заплясали мысли последних недель. Всё это время она выискивала способ нанести удар... желательно с выгодой для себя. И неважно, действительно ли виноват слуга, или граф в самом деле нанёс запрещённый удар. Главное, что тот, кого баронесса выбрала себе в мужа, мёртв. Искать ещё одного кандидата нет времени: родственники понемногу начинают роптать и скоро навяжут ей кого-нибудь сами. А эконома де Жюсси, изворотливого на всякие каверзы, пришлось выгнать. Старик всё равно начал терять нюх: за месяц упустил сразу две дичи. И школяра до сих пор было немного жаль, очень уж приглянулся ей этот сладкий мальчик. Женщина заставила себя успокоиться. Сейчас не время менять своё решение. Если епископ её поддержит, то после победы про Муффи забудут. Из владений графа де Крона можно будет нарезать себе немало доменов, да и деревни там небедные. А среди родственников баронессы немало тех, кто мечтает дать хорошее наследство младшим сыновьям. И эти поддержат её в войне с графом первыми. Лишь бы отец Павел сказал: «Да».

Баронесса знала, что епископ любит хорошо поесть, поэтому кушанья вносились одно за другим. Сначала рыба и мясо на широких кусках белого хлеба, пропитанных соусом с сарацинским пряностями. Опять не вовремя пришла мысль, сколько золота стоила каждая горсть этих пахучих заморских трав. Следом подали дичь: двое слуг внесли на вертеле запечённого оленя, блюдо с зайцами, блюдо с перепелами. А как только епископ довольно рыгнул и высказался, что первого червячка он заморил, по знаку хозяйки начали вносить деликатесы: щуку по древлянскому рецепту, устриц из Иберии. Затем, пока де Муффи и отец Павел переводили дух перед следующей переменной блюд, сначала выступил со стихами трувер, потом показывал своё умение алхимик баронессы. Едва развлечения закончились, перед епископом поставили пузатое глубокое блюдо с супом. Клирик сорвал закрывавшее верх узорчатое полотенце, бросил на пол, взял за блюдо за ушки и принялся не

стесняясь громко хлебать. От удовольствия епископ даже позабыл, что делит место с хозяйкой и хорошо бы время от времени передавать блюдо ей.

Баронесса на граничившее с неуважением поведение гостя смотрела с доброжелательным выражением на лице, улыбалась. Внутри же потихоньку закипало негодование. Если бы не епископская панагия¹⁰, висевшая поверх бархатного пурпурана, нельзя было бы признать в этом человеке слугителя церкви. Горбатый нос, квадратный массивный подбородок, широкие скулы и густые рыжие сросшиеся брови. Очень тёмное от загара лицо с мясистыми губами и носом, с резкими и крупными чертами вызывало не благоговение – а какой-то страх. В широких кистях обросших волосами рук и перекачивающихся под шёлком нижней рубахи мускулах угадывалась огромная сила. Сразу видно, что предпочитает епископ не смиренное корпенье над богословскими трактатами, а благородное занятие охотой. Наверняка горло затравленной дичи режет сам, да ещё и, как настоящий шевалье, пьёт горячую свежую кровь. Наконец, подали десерты: всевозможные сыры, пряники, конфеты из мёда, миндаля и фруктового мармелада, тростниковый сахар, финики и инжир. После этого баронесса решилась коротко, в осторожных выражениях, изложить суть дела. Епископ выслушал молча, затем замер, обдумывая предложение. Женщина опять почувствовала, что сердце от волнения бешено заколотилось, руки задрожали от нервного напряжения. Успокоиться никак не получалось.

Отец Павел выглядел невозмутимым, даже чуть равнодушным. Но в голове тоже шла напряжённая работа мысли. Просьба хозяйки замка была не из простых. В другое время от неё даже стоило... нет, не отказаться – потянуть время. Судя по столу, Муффи фьеф не бедный, и денег можно вытянуть из баронессы за помощь немало. Деньги! Сейчас епископу они нужны были как воздух. И как можно быстрее. Некоторое время назад он рискнул залезть в казну своего покровителя, митрополита Антония. И Павел не жалел об этом. Та послушница Урсюль, которую подарила аббатиса Шампвер, стоила каждого переданного в аббатство су. Надо будет, как закончатся неотложные дела, ещё раз туда наведаться... Вот только скоро Антоний приплывает из Никеи в Рим, и к этому дню всё должно быть завершено. Денег же исполнить поручение митрополита нет: спор между коммуной города Беара и соседним монастырём стороны уладили сами. Хотя епископ и был уверен, что кто-то из них обязательно обратится к нему за мзду решить вопрос в свою пользу. Теперь же предложение де Муффи могло спасти голову отца Павла.

– Хорошо. Если, как вы утверждаете, было злое намерение...

¹⁰ Панагия (греч. παναγια — всевятая) — небольшая круглая иконка с изображением Богородицы, чаще носимая высшими церковными иерархами на груди

– Было! Мой человек разговаривал с подкупленным слугой, который по приказу графа испортил шлем де Бастане. И готов в этом присягнуть.

– Хорошо. Готовьтесь, я помогу покарать преступника. Кстати. Вы упоминали, что как прилежная дочь Церкви собирались внести взнос на ремонт храмов Григория Чудотворца и Симеона Богоприимца?

Баронесса мысленно усмехнулась: дело можно считать свершившимся, святой отец принялся торговаться. Вот только просто так и она делать ничего не будет. Сначала пусть епископ твёрдо пообещает ей то, ради чего его и приглашали.

– Вот только как нам быть с Божьим миром?

Женщина устремила на клирика взгляд, полный наивной чистоты: последний из Соборов, состоявшийся в Клермонте, не только подтвердил запрет «сжигать или разрушать жилища крестьян или клириков, их голубятни и сушильни, не сметь умерщвлять, бить, увечить крестьянина, раба и его жену, ни брать их и уводить, если они не сделали преступления». Он также пообещал строго карать за сражения в некоторые дни и недели, а также праздники. Главным же добавлением стало то, что по решению Собора теперь требовалось извещать противника о начале боевых действий за несколько недель. А вассалов у де Крона куда больше, чем могла набрать под свои знамёна де Муффи.

– Раз доказан злой умысел, де Крона первый нарушил Божий мир. А закон обязывает нас преследовать такого нарушителя даже в запретные дни. Дабы не ушёл виновный от наказания, – епископ встал из-за стола. – Деньги на ремонт храмов передадите казначею епископства. А я тем временем съезжу в Лютецию. Чтобы ещё раз проверить суть дела и удостовериться, что злой умысел на турнире точно был.

Баронесса тоже встала, поцеловала клирику руку. В душе горела дикая радость: получилось!

Епископ вместе со свитой прибыл в Лютецию, когда верующие только-только начали справлять пятую неделю от праздника Пасхи, выпавшего в этом году на середину апреля. Жилю про гостей из родных мест сообщил вездесущий Пьер, который, кажется, знал всё, что творится в огромном городе. Только что получивший степень магистра свободных искусств парень от слов приятеля отмахнулся. Ну да, ну, возможно, к свите пристал кто-то из земляков. Жилю-то что? Ему надо готовиться к поступлению на юридический факультет, а дальше – блистательная карьера. Библиотекарь герцога де Бурбона, которому старательный школяр-переписчик понравился, обещал рекомендации... И тем удивительнее было Пьеру две недели спустя застать друга за сборами в дорогу.

Увидев, кто заглянул, Жиль, не отвлекаясь от сборов мешка, начал объяснять:

– Купец один из родных мест приехал. С ним весть передать просили, да этот дурень только вчера озаботился. Отец у меня заболел, харкает. Поторопиться надо, как бы не...

Пьер кивнул, потом вдруг сказал:

– Я с тобой. Вдвоём и безопасней, и веселее.

– Ты-то с чего?

Друг в ответ только усмехнулся:

– А у меня тут с твоим профессором разногласия вышли. На тему Священного Писания.

Жиль понимающе кивнул: про состоявшийся неделю назад диспут, где мало кому известный молодой магистр свободных искусств Пьер Абеляр наголову разгромил уважаемого каноника профессора Гильома, университет Сорбонны гудел до сих пор.

– Во! Ты меня понимаешь. Мне тоже для здоровья будет полезно поискать другой университет. Хотя бы на год-два.

Чем ближе были родные места, тем больше Жиль торопил друга. Скорей, скорей! А вдруг они не успеют? Пьер на это только ворчал, что у него нет ни резвости оленя, ни выносливости лошади-тяжеловеса. И вообще, он – городской житель, поэтому как Жиль мчаться сквозь лес не может. Вот если бы они не стали сокращать дорогу, а шли по тракту... Жиль на это начинал ворчать ещё сильнее. Но день словно нарочно выдался безоблачный и жаркий, ручьев не попадалось, а воду оба выхлебали уже давно. Идти становилось всё тяжелее и тяжелее. Зато к вечеру из-за горизонта выползла сизая туча и, поблескивая и ворча, двинулась навстречу идущим. Как назло густой лес закончился, путники пробирались через заросшие кустами вереска старые луга. Но когда поднялся ветер и хлынул первый, ещё несмелый, дождь, до следующей спасительной полоски дубов оставалось совсем недалеко. Поэтому друзья кинулись напролом через доходившие до пояса кусты, уже не разбирая дороги, лишь бы скорее добраться до спасительной густой зелени.

Заметно потемнело, дождь стучал по кронам и грохотал раскатами грома, разбойничьим ветром свистел в ветвях,. Поэтому и Жиль, и Пьер слишком поздно заметили, что в том же лесочке от дождя решили укрыться пятеро мужчин в плащах. Впрочем, и на школяров обратили внимание не сразу... но всё равно раньше, чем удалось сбежать. К тому же судя по всему повезло нарваться на отправившегося поохотиться

шевалье со свитой. Сразу у двоих висели луки, причём тетива была шёлковая, не боящаяся дождя.

Когда школяров подвели к старшему, из под капюшона раздался немолодой, но властный и твёрдый голос:

– Кто такие?

Вдруг шевалье откинул капюшон, и Жиль обмер: эконоом де Жюсси! Старик на это довольно осклабился:

– Вижу узнал. Хорошая у нас сегодня добыча. Обоих вязать и ко мне. За вот этого, – де Жюсси больно ткнул Жилия пальцем в грудь, – отвечаете головой. Упустите – шкуру спущу.

Жилю вдруг вспомнился день, когда его вот так же вели в замок де Муффи. Так же было темно, лил дождь. И так же томило нехорошее предчувствие. Тогда его смогла освободить Николетт... Сердце вдруг бешено забилося. Николетт ведь дочь старого шевалье! Возможно она тоже здесь, в его поместье. Он сможет её увидеть! И плевать, что будет с ним потом. Пьер и вудшие их слуги посмотрели на внезапно повеселевшего Жилия с недоумением, даже с опаской: не сошёл ли парень с ума? Жиль не обратил внимания, он был весь в мечтах о встрече с худенькой черноволосой девушкой.

Вскоре все пятеро вышли к небольшой усадьбе: замка у старого шевалье не было. Друзей тут же разделили. Жилия засадили в одну из комнаток полуподвального этажа – там так сильно пахло колбасами и сырами, что живот сразу обиженно забурчал от голода. А Пьера заперли где-то среди хозяйственных построек. В комнатке было темно и тихо: ни огонька, ни звука. Руки парню развязали, кинули тюфяк соломы. Да и ужин сунули роскошный: к кувшину воды прилагался ломоть ржаного хлеба и кусок жареного мяса. Но все попытки хоть как-то отсчитывать, сколько времени осталось до вечерни провалились. Поэтому Жиль поудобнее устроился на тюфяке, закрыл глаза и принялся вообразить – какая она за эти месяцы стала, Николетт?

Старый шевалье, отослав пленников, решил всё же поохотиться. Но дело не шло, слишком уж занимала мысли сегодняшняя встреча. С самого начала войны между родственниками де Муффи и графом де Крона было ясно, что де Крона застали врасплох. А из-за поддержки епископа выступить на помощь вассалы осмелятся только после прямого приказа сюзерена. Но замок графа обложили плотно, не выскользнуть... Вот только никто из будущих победителей даже не задумался: а что потом? Фьеф не золото, просто так не поделишь. И тут-то к выгоде баронессы пригодились бы таланты старого эконома.

Школяр – хороший повод напомнить о себе в подходящем свете. Каким масляным взглядом женщина смотрела на парня, де Жюсси помнил хорошо. Парня же можно пугануть, что иначе его отдадут чёрным братьям Святого Доминика. Ведь часовые клялись: мимо них никто не проходил. И самая тщательная проверка показала, что стража не врала. Значит, легко подтвердит обвинение в колдовстве. Пусть посидит до утра в подвале, испугается как следует. Так легче сломать. Заодно ночью можно будет пораздумать, что делать со вторым школяром. В другое время старик приказал бы его закопать в лесу, но сейчас игра пойдёт сложная и тонкая. Дать возможным противникам шанс обвинить, что по его приказу убили свободного, затянуть в королевскую тяжбу – ни к чему.

Единственное, что увидел Жиль, когда его вывели во двор – яркий свет: после ночи в кромешной тьме глазам стало больно. Но вот где-то совсем близко прокричал петух, послышался шум и гомон кур, которым кто-то из слуг засыпал корм... Знакомые с детства звуки помогли собраться, глаза понемногу привыкли, и стало понятно, что рядом с усадьбой, там, где заканчивались хозяйственные постройки, раскинулась широкая залитая солнцем зелёная лужайка. Слева за невысоким заборчиком виднелся, как и положено усадьбе, небольшой фруктовый сад, рядом обнесенный собственной изгородью огород. Но Жилия повели не к нему, а куда-то вправо, где лужайка заканчивалась густыми кустами, рядом с которыми шумел раскидистый старый дуб. Здесь была вкопана деревянная скамья, на которой и сидел старый де Жюсси.

Рядом с шевалье не было никого, да и Жилия сопровождал всего один слуга... можно бежать, но нельзя: ведь Пьер тоже где-то здесь. Старик, увидев отразившуюся на лице парня внутреннюю борьбу, с пониманием ухмыльнулся, махнул рукой слуге, мол, тот больше не нужен. После чего приказал жестом садиться на валявшийся поблизости обрубок бревна.

– Ну что? Думаю, уже догадался, зачем ты мне нужен?

– Не заставишь!

— Зачем? – усмехнулся де Жюсси. – Сам пойдёшь. Колдун, с помощью слуг нечистого убежал из замка. Свидетелями станет вся стоявшая у ворот стража, да и многие из прислуги видели у тебя в сумке книги. С нечестивыми заклинаниями. Где эти книги? Братья Святого Доминика быстро выяснят...

Ответить парень не успел: откуда-то из кустов выскочила Николетт. Жиль вдруг понял, что не может дышать. В голове забились, затрепетала мысль: какая красивая... Даже растрёпанная, на волосы едва закрывал явно первый попавшийся платок, лишь бы соблюсти

приличия. Платье зашнуровано небрежно, тоже впопыхах – того и гляди начнёт сползать. Наверняка знала, что отец любит вести дела возле дуба, вот и встала пораньше тихонько спрятаться. Девушка тем временем кинулась к Жилю:

– Не надо! Отец, не надо! Это я!

Разум говорил, что надо отстраниться, что старый шевалье, попробуй какой-то школяр тронуть его дочь, может наглеца просто убить на месте... Руки действовали сами собой. Жиль поймал девушку и крепко прижал её к себе. Тем временем Николетт, чуть отдышавшись, продолжила:

– Это... это я его вывела из замка. Сыпанула страже сонного зелья. Не отдавай его! Я люблю его!

И словно эхом, губы Жилия непроизвольно произнесли:

– Я тоже люблю тебя.

А руки ещё крепче прижали девушку к своей груди.

– Я все время вспоминала тебя, – шепнула Николетт. – Я знала, что мы обязательно встретимся...

Де Жюсси вдруг словно постарел лет на десять. Он грузно осел, и, помолчав, вдруг глухо произнёс:

– Вот оно как... Я вмешался в судьбу старшего сына. И он погиб в войне с неверными. Я выступил против решения второго сына... Он бросил отчий дом и уехал в Константинополь. Сколько уже лет от него никаких вестей. Что ж... Николетт, я дал клятву перед Небесами – за тебя я решать не стану. Если твой выбор таков, я его приму. Благодарю мою дочь, школяр. И уходи. Сегодня, прямо сейчас. И возвращайся только если при следующей нашей встрече сумеешь мне доказать, что достоин руки Николетт.

Дом старого шевалье Жиль покидал словно в тумане. Весь следующий день Пьеру пришлось вести друга чуть ли не за руку. Но вскоре и прощальный взгляд девушки, и слова её отца пришлось задвинуть поглубже в самый укромный уголок души. Родные края Жилия затопила усобица между сеньорами. Последний раз такое случалось очень давно, поэтому все были напуганы и растеряны. К чужакам, пусть и при деньгах, готовых заплатить за постой – относились настороженно. Впрочем, Жиль и Пьер, пользуясь летом, всё равно старались ни в трактирах, ни странноприимных домах не ночевать. Когда в округе полно солдат с оружием, можно наткнуться на лихого человека, готового за долю в добыче рассказать оружным про увиденный чужой кошелек, полный монет. А едва начались

хорошо знакомые Жилю места, друзья вообще двинулись напрямую через лес. Пусть дольше. Зато безопаснее.

К деревне друзья вышли, когда солнце перевалило за полдень. И пользуясь тем, что дом родителей Жилия стоял почти на окраине, поспешили туда в обход через ближние огороды. Иначе придётся отвечать на вопросы каждого встречного: где был, как последний год жил... После вчерашнего дождя земля набухла, липла к башмакам неподъёмными комьями, мешала идти. Жиль мчался так, будто за спиной выросли крылья. Пьер за другом еле поспевал... Выбежав к пепелищу на месте дома Жиль резко замер, будто налетел на невидимую стену.

– А я ждал тебя, – из-за кошмарного зрелища парень заметил старосту, лишь когда тот заговорил. – Как случилось всё, каждый день, почитай, сюда хожу. Жду, когда придёшь.

В глазах мужчины вдруг выступили слёзы, а Жиль внезапно подумал: сколько он не видел отца Урсюль? Год всего, и уходя оставлял крепкого как дуб, уверенного и властного мужчину. А сегодня на куске обугленного бревна сидел немощный старик.

– Что?.. Что здесь?..

– Солдаты. Мы, как заметили, попрятаться успели. Попривыкли уж. А отец твой слаб был. Они не успели. Сын мой с ними был, и жена моя. Проведать зашли, сын-то с твоей сестрой осенью свадьбу играть должны. Да вот так. Вторая твоя, младшая-то, жива. Не нашли её, иродовы дети. Только горячка у неё пошла, от увиденного-то. Но тётка Валери говорит – поправится. Ты в ней не сомневайся, наша знахарка просто так болтать не болтает...

Жиль слушал, не проронив ни звука. Стоял неподвижно, словно он – ещё один обгорелый столб из тех, что торчали в развалинах. Пьер было испугался за рассудок друга, положил руку ему на плечо... Жиль злым и резким движением её сбросил, развернулся и ровным механическим шагом пошёл в сторону леса.

А на следующий день в церкви, где когда-то служил отец Аббон, зазвонили колокола. Это было ненормально, ведь шла середина недели. Те, кто подошёл узнать, в чём дело, пересказывали и другую странность. Сменившего старика на приходе отца Фабия не было ни дома, ни в храме, двери церкви стояли заперты – а колокола звонили. Слухи полетели быстрее верхового лесного пожара, поэтому к вечеру к церкви пришли жители не только ближней деревни Жилия, но и пейзаю со всей округи. Толпа стояла, тревожно гудела, слушая грозный, временами истошный набат. Едва солнце коснулось нижним краем

деревьев, двери церкви отворились и на пороге в сопровождении отца Фабия показался Жиль.

– Слушайте меня люди, – полетело над человеческим морем, – наши аллоды всегда были свободными. Никто из нас никогда не платил даже одного денье личного оброка. И мы всегда хранили верность графу, нашему сеньору. Так соблюдался порядок, установленный самими Небесами...

Жиль говорил долго. И о том, что нельзя больше терпеть бесчинства тех, кто нарушает Божий мир: ведь люди де Муффи начали войну без предупреждения, да ещё продолжали сражаться и в воскресенье, и по праздникам. К тому же занимались грабежами окрестных деревень и купцов. Значит, любой теперь может пойти вместе с Жилем, помочь защитить своего сеньора от произвола тех, кто забыл заветы земные и церковные... Слово «мстить» не прозвучало ни разу. Толпа молчала до самого конца. Молчала она и тогда, когда священник благословил всех, кто пойдёт защищать справедливость, взял парня под руку и скрылся в церкви.

Едва захлопнулись двери церкви, Жиль мешком сполз по стене на пол. Сил пошевелиться не осталось.

– Они не пойдут. Отче, они не пойдут. Так и будут прятаться по углам.

– Не беспокойся, сын мой, – улыбнулся священник. – Ты хорошо говорил. Просто людям нужно время.

Через неделю стало понятно, что правы оказались оба. Большинство и в самом деле решило переждать, отсидеться. Но и тех, кто затаил обиду или в ком играла горячая кровь, нашлось достаточно, чтобы потревожить окруживших замок Крона. Жиль прекрасно понимал – в открытом бою вчерашние крестьяне против солдат ничего не смогут. Поэтому его отряд напал на обозы, мешал фуражирам – свалить дерево на телегу, подпилить мостки или неожиданно бросить из глубины леса несколько стрел для тех, кто в здешних краях знает каждую кочку, труда не составляло. Один раз даже удалось подобраться к лагерю и поджечь пару стогов сена.

Ущерб выходил невелик... Но не ожидавшие нападения от каких-то крестьян рыцари пришли в бешенство. Несколько случайных людей поймали и повесили. Пару деревень для острастки «по подозрению в укрывательстве» перевернули сверху донизу, заодно поразвлёкшись с женщинами. Округа на это всколыхнулась. Один за другим мужчины прятали семьи и скарб в укромных местах, а сами шли к Жилю или сбивались в отряды, нападавшие на войска де Муффи. В ответ солдаты вешали любого, кто оказывался

поблизости от лагеря, жгли деревни... И на место одного казнённого приходил десяток. К тому же неожиданным способом сработали слова Жилья, что он ведёт не личную войну и месть – а созывает на защиту своего сеньора. Как только слава удачливого школяра-командира разнеслась по округе, к нему пришли несколько ватаг, промышлявших на большой дороге. Расчёт был прост. Если победит де Крона, граф легко забудет прошлое всех, кто ему помогал, примет под свою руку. Можно будет спокойно осесть в здешних краях без вопросов, откуда у бывших ватажников деньги. И не опасаться королевского прево: граф в своих владениях суд творит сам. Если же войну выиграет де Муффи, то разбойники снова растворятся в лесах вместе с захваченной на войне добычей. Жилья принял всех. Ему было всё равно, чем люди занимались раньше. Лишь бы слушались приказов, не трогала зазря «своих» и умели драться. К тому же, как только рядом появились обученные воевать помощники, Жилья стал не только громить обозы и охотиться за случайно отбившимися солдатами – но и нападать на небольшие отряды, рыскавшие в поисках мятежных пейзажей.

По следу одного из таких отрядов Жилья вместе с десятком бывших разбойников и шёл сегодня с самого утра. Погода выпала совсем не летняя, прохладно, небо всё в облаках. К тому же ночью прошёл дождь, земля сырая. Мало того, что идти неприятно, так ещё и следы на ней заметны слишком хорошо. А приметы говорили – больше ничего облака на землю не уронят и не смоят, поэтому возвращаться придётся вдвойне осторожней. Жилья вообще бы в такой день предпочёл остаться в лагере. Но в отряде, который они преследовали, было всего пять человек, редкая теперь удача... И главное – один из солдат оставлял на земле очень характерный след сапога. Хозяина этих сапог выслеживали последние две недели, очень уж в изошрённом насилии он отметился. Несколько деревень, где порезвился солдат, даже готовы были скинуться и заплатить за его голову. Поэтому мужики из бывших разбойников, знавшие о награде, наперебой начали просить командира. Это и стало последней песчинкой, качнувшей чашу весов в сторону продолжить погоню.

Вскоре стало понятно, что этот небольшой отряд сам кого-то догоняет. Судя по следам, двоих, и тоже из воинов. Дезертиры, гонцы графа? В любом случае вторых стоило порасспросить. Жилья с помощником переглянулись и приказали идти быстрее. Они как раз успели к самому концу: на небольшой поляне лежало два тела, ещё один солдат зажимал рану на руке. А трое остальных прижали к дубу какого-то рыжего здоровяка. Рыжий был очень хорошим мечником, раз до сих пор оставался жив – но было понятно, что с троими сразу ему всё равно не справиться.

Один из солдат как раз успел задеть рыжего, и **раненый** злорадно что-то крикнул из-за спин товарищей, – когда отряд Жилия выбежал на поляну. **Раненый** солдат тут же получил несколько ударов окованными железом дубинами, другому сходу воткнули в спину рогатину. Двое оставшихся попытались отбиться... Но теперь на них навалились сразу пятером на каждого. Убедившись, что никто из врагов не дышит, Жиль подошёл к привалившемуся спиной к дереву рыжему. И удивлённо присвистнул: вот уж кого не ожидал здесь увидеть! Рыцарь ордена Дракона, которого он когда-то встретил у отца Аббона. Узнал школяра и Ратьян. Усмехнувшись и дёрнувшись при этом от боли, рыцарь произнёс:

– Интересно, правда? Мы поменялись местами. Прав был Дэноэль, стоило взять тебя к нам. Ну что? Добьёшь?

– Враг моего врага, – покачал головой Жиль, – мне, конечно, не друг. Но союзник. Откуда ты?

– Сам уже догадался. Мы первые, кто сумел выбраться из замка графа. Но как видишь далеко не...

Ратьян вдруг замолк и осел, потеряв сознание. На боку, который теперь стал виден, расплывалось красное пятно. Жиль выругался, после чего приказал перевязать раненого и сделать носилки. Вот только рана была неприятная – в свой лагерь рыцаря можно и не успеть донести. «Дом Николетт совсем недалеко», – вдруг пришла крамольная мысль. Жиль попытался её отогнать. Ведь своего обещания старому шевалье приехать только просить руки его дочери он пока выполнить не сможет. Но внутренний голос принялся убеждать, что спрятать Ратьяна можно только в усадьбе Жюсси... и парень сдался.

Хозяина дома не было, но девушка встретила гостей сдержано, как подобает её положению. И лишь взгляды, которые она украдкой бросала на Жилия, заставляли сердце биться вдвое быстрее и говорили всё без слов. Нашлись для раненого рыцаря и кровать, и хорошая знахарка. Так что уже следующим утром Ратьян пришёл в сознание, выгнал ухаживавшего за ним слугу и велел позвать Жилия.

– Вот что, парень, – начал Дракон, едва они остались одни. – Ты уже нам здорово помог. На второй штурм наши враги так и не решились, боятся, ты в это время ударишь в спину. Но дело всё равно плохо, долгой осады не выдержать. Хлеб только тот, что с прошлого года остался. Сколько гонцов созвать вассалов отправляли... только я, как видишь, прошёл. Но гнали как оленя меня не поэтому. Там, на поляне были люди епископа. Мы с Марсилем случайно на его доверенного человека наткнулись и вот что выпытали.

Павел получил какие-то документы. Если пергаменты окажутся в наших руках, то и епископ, и де Муффи со своими прихлебалами будут у нас вот здесь, – рыцарь сжал кулак. Епископ Павел сейчас в доме неподалёку и документы у него останутся дней семь, потом он их отдаст. Это важнее, чем созвать вассалов де Крона.

На улицу Жиль вышел в задумчивости. Заманчиво конечно разом отомстить всем своим врагам... Но никто из его людей на епископа руку не поднимет. А идти одному... И посоветоваться не с кем. Разве что... Николетт! Её отец, пока был экономом, наверняка знал всех заметных людей в округе. Может и дочь что-то слышала о слабостях отца Павла?

Пока Жиль говорил, девушка не проронила ни слова. И лишь когда парень растерянно признался, что не знает, как поступить, сказала:

– Есть... есть один способ. Но сначала пообещай, что ты не откажешься от моей помощи.

– Конечно, – Жиль удивлённо пожал плечами. – Если бы я мог сам, то не просил.

Николетт кивнула, попросила обождать и вскоре вернулась с небольшой книгой: такие любили брать с собой в дорогу состоятельные люди. Слегка покраснев, девушка отдала её Жилю:

– Вот. Это... Это привёз давным-давно брат из Византии. Посмотри.

Удивлённый, парень открыл первую страницу...и почувствовал, что тоже краснеет. Томик оказался написанным на греческом переводе какого-то языческого «Трактата о любви». С такими великолепными, красочными и подробными миниатюрами, изображавшими в разных позах мужчин и женщин, что вогнали бы в краску даже святого. Тем временем, покраснев ещё больше, Николетт продолжила:

– Епископ очень любит девушек, особенно невинных. Если я передам эту книгу, скажу, что она смутила мою душу, и я хочу исповедоваться только ему и в его доме – он не устоит. А на свидания охрану не берут. Ты же пройдёшь как моя служанка.

Жиль смотрел на любимую и молча кусал губу. С одной стороны, он обещал, да и другого способа нет. С другой вот так рисковать Николетт... Девушка вдруг умоляюще сжала ладонь парня своими, и Жиль решился.

– Хорошо. Посылай слугу к епископу.

Николетт оказалась права. Ответ последовал незамедлительно: отец Павел ждёт завтра с утра. Не возникло трудностей и с Жилем. Знахарка при господах неплохо разбиралась во всякого рода притираниях и отварах, нашлось в усадьбе и подходящее платье. Так что вместе с Николетт отправилась светловолосая и пышненькая служанка,

которую епископ тоже приказал пропустить – едва услышал шёпот, мол, «служанка невинна, а читали мы вместе и ей тоже нужна исповедь». Угадала Николетт и с тем, как поведёт себя сластолюбец: из небольшого двухэтажного дома епископ выгнал всех, даже повара и лакеев с кухни. Впрочем, прислуга явно была к подобному привычна. А епископ, увидев сомнение в глазах «служанки», коротко пояснил, что вернутся все в дом только по его приказу и молитвенному уединению ничего не помешает. После чего махнул «девушкам» рукой следовать за ним.

В доме хозяин сразу повёл гостей на верхний этаж, где уже была готова комната. С плотно закрытыми ставнями, горящими светильниками и большой кроватью посередине. Едва все трое вошли, Павел даже не добравшись до кровати сразу же потянул руки расшнуровать платье Николетт, в глазах горело такое пламя желания, что было понятно – мужчине уже всё равно, передумает девушка или нет... Лёгкий укол кинжалом в область паха стал полной неожиданностью. Прозвучало холодное:

– Не двигайтесь, ваше святейшество. Вы человек, конечно, сильный, воин опытный. Но я в любом случае успею пустить кровь.

Взгляд епископа задёргался, заметался, в голове лихорадочно закружились мысли – что же делать... Как вдруг комната взорвалась звёздами: нескольких мгновений заминки Жилю хватило, чтобы прыгнуть и нанести удар. Опыт студенческих драк не пропал даром – епископ свалился без сознания как подкошенный.

Очнулся отец Павел с кляпом во рту, привязанный к той самой кровати. Мужчина с бешенством посмотрел на фальшивую служанку. Но едва прозвучал вопрос, во взгляде клирика появился неприкрытый страх:

– Где документы, которые вы должны передать митрополиту Антонию? Они в доме.

– М-мм-ме-м!..

– Сейчас я выну кляп и вы мне всё скажете. Если попытаетесь кричать или молчать – что-нибудь отрежу. Времени у нас вашими стараниями много.

– Мм-ме-м-м!..

Спрашивать пришлось несколько раз, после очередного выдерганного ногтя и сломанного пальца приводить в сознание, облив водой из кувшина. И пусть опыта в пытках ни у Жилы, ни у Николетт не было, оказалось, что Павел боится боли – поэтому сдался епископ довольно быстро. Узнав, где тайник, Жиль оставил девушку сторожить пленника, а сам поспешил за архивом. Первое же письмо заставило удивлённо присвистнуть: письмо

Патриаршего архидиакона¹¹ Иоанна к кому-то из еретиков-несториан, не признающих ни власти патриарха, ни святой Кафолической Церкви! Если и остальные бумаги такие же, то Ратьян прав. Быстро собрав все письма и свитки, парень вернулся обратно к Николетт:

– Они у меня.

Девушка кивнула, после чего аккуратно, чтобы не запачкаться, перерезала епископу горло.

– Зачем? – ошарашенно спросил Жиль.

– Ты бы не решился, – деловито ответила девушка, помогая любимому поправить платье-маскировку. – А он бы организовал погоню. Пошли.

Из дома удалось выбраться незаметно, да и по дороге в поместье Жюсси удачно никто не встретился. В усадьбе Жюсси обоих ждал неожиданный сюрприз. Жиль отправлял в лагерь одного из своих людей предупредить, что с ним всё в порядке – но посланный мужик объяснил произошедшее очень невнятно. И встревоженный Пьер, отобрав пару десятков лучших бойцов, поспешил на помощь другу. А встретив вернувшихся вдвоём Жилия и Николетт, начал было рассержено высказывать, что, мол, негоже смешивать дела военные и сердечные. Жиль в ответ молча показал письмо архидиакона Иоанна и шепнул идти идти за собой – разбирать добытое.

С письмами и свитками все трое провозились до заката. Документов здесь хватило на многих церковных и светских владык от Карантанской марки до Светлейшей Республики Венеции. Вот только...

– Сами мы ничего не сможем, – высказал общее мнение Жиль. – А у Ратьяна горячка, он встанет через пару недель, не раньше. Это слишком долго.

– Сами не сможем, – задумчиво почесал в затылке Пьер. – Хотя... Дай-ка мне письмо Иоанна. Перед тем, как мы с тобой из столицы уехали, был заслуживающий доверия слух, что в Лютецию вот-вот прибудет митрополит Григорий. А я, пока ходил от Гейдельберга до Лютеции, интересных людей встречал. Как раз недалеко аббатство, где хозяйничает мой давний знакомец, отец Гумберт. Я познакомился с ним в Лотарингии, и не думаю, что став французским аббатом толстяк сильно переменялся. Если его пригласить равноправным участником, ради шанса стать епископом – сделает всё, что нужно. Покажу ему для начала это письмецо...

... Дверь громко хлопнула за вышедшим из кабинета невысоким, полненьким, с оттопыренными ушами и лохматой курчавой бородёнкой, человечком. Благостное

¹¹ Архидиакон – до IX века заместители епископов. Позже старший диакон (Патриарший архидиакон), служащий при патриархе, его помощник при богослужении

отеческое выражение тут же покинуло лицо митрополита Григория. Ну и наглец! Да ещё дурно воспитанный, чего стоит одна привычка брызгать слюной в собеседника. Сослать бы монахом куда-нибудь в ледяную Исландию... Вот только от письма, которое принёс аббат Гумберт, не отмахнёшься.

Митрополит встал, подошёл к окну и, близоруко шурясь, принялся глядеть на шумную людскую реку. Улица располагалась почти в центре Лютеции, поэтому не затихала даже с наступлением сумерек. В поясницу неожиданно стрельнуло – при перемене погоды возраст сразу напоминал о себе. И это значило одно: другого шанса не будет. А времени так мало... Патриарх Михаил Керулларий не доживёт и до Рождества. Дальше выборы... и провозгласить должны именно его, Григория. До следующих выборов он не доживёт. Вот только и главный соперник, архидиакон Иоанн, это понимает. Григорий приехал во Францию, надеясь что-нибудь раскопать о прошлом своего главного соперника. Но тщетно. Единственного, кто мог бы выступить против – епископа Лиона – Иоанн успел обвинить в колдовстве и отправить на костёр. И тут такая удача. А ведь этот Гумберт обещает передать письма, с помощью которых можно прижать не только архидиакона, но и весь Выборный Собор. Решено! Митрополит, не отворачиваясь от окна, начал диктовать: сидевший за столом секретарь не только всё запишет, но потом сразу оформит в виде указов и прочих положенных в том или ином случае документов.

– Баронессу де Муффи постричь в монахини и отправить в дальний монастырь. Фьеф отдать школяру, женить его на этой, как её, девице де Жусси. И чтобы ни в Лютеции, ни в Константинополе, ни паче того в Риме, не смел показываться. Дальше. Этот Гумберт хочет стать епископом... Я дам ему больше. Он получит кафедру митрополита Древлянского.

Доверенному секретарю позволено многое, поэтому монах разрешил себе усмехнуться и спросить:

– Ваше преосвященство, вы так награждаете его не только за столь важную помощь?

– Этот наглец зазнался, – митрополит позволил кривой усмешке коснуться губ.

– Разговаривать со мной как с равным. Пусть и дальше мнит себя ровней. Пока князь Игорь его не обломает.

Секретарь понимающе кивнул: о том, что не только византийские басилевсы, но и древлянские князья не делятся властью даже с Церковью, в Европе помнят

немногие. А Игорь к тому же известен как человек суровый и жёсткий. В последней войне с византийцами города разорял играючи, и помнить войско с червлёными щитами в трёх переходах от Константинополя базилевсы будут долго...

Гостей на свадьбе нового барона де Муффи было немного – зато каких! Посаженым отцом стал граф де Крона, венчал молодых сам митрополит Гумберт. Митрополит же стал и свидетелем клятвы верности барона графу. Слуги, быстро вспомнив тяжёлую руку теперь не просто эконома, а тестя хозяина, летали птицами. И затянулось празднество на целых три недели, только тогда гости начали разъезжаться. Последним замок покинул Пьер. Жиль и Николетт просили его остаться. Пьер на это только весело улыбнулся, и вдруг ответил непривычно просто, без шуток и стихов:

– Я рад, что у меня теперь появилось место, где меня ждут и всегда рады видеть. И я обязательно вернусь. Но сначала я должен побывать в константинопольском Пандидактерионе. Хочу сойтись в диспуте с тамошними богословами. Ты выбрал дорогу любви, и нет священнее этого выбора. А я выбрал дорогу учения – и пока не пройду по ней до конца, остановиться не смогу. Но – не прощайте. До свидания.

Пьер крепко обнял друга, поцеловал руку его жене, после чего закинул на спину свою котомку. И вскоре одинокая фигура затерялась на дороге, ведущей из замка на тракт.

Часть II. Крылья дракона

Глава 5

*Везде – торжественно и чудно,
Везде – сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой – в раздольях пустоты;
Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа
Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкает купола.*

Небо со стороны моря казалось бескрайним, подобно океану, от которого будто и оторвалось, поднявшись над горизонтом. За прозрачные буруны лёгких облачков цеплялись и ниспадали вдаль тяжёлые, неустойчивые нагромождения облаков: вздыбившиеся пирамиды, застывшие вздутя, причудливые животные. Та часть небесной путаницы, которая закрывала солнце, выдавала себя розово-красными тонами с редкими проблесками сверху, откуда вырывались языки пламени. Ближе к берегу светлые многоцветные полосы

разматывались небрежными изгибами, казавшимися нематериальными и состоящими исключительно из светящегося воздуха.

Но вот постепенно солнце спустилось ниже, с моря потянуло холодом. Переменившийся ветер смёл тёплые прелые запахи вынесенных на берег и уже пересохших водорослей, принёс вечернюю свежесть. Ещё несколько мгновений – и солнечный свет окаймил небесные украшения багровым рубцом. Лишь последний луч разрезал облачную преграду, и на волнах моря пролегла золотисто-розовая дорожка. Один из мужчин, наблюдавших за закатом, высокий и широкоплечий, в котте, с накинутым поверх плащом, взял с земли плоскую гальку и кинул навстречу полосе света.

– Один, два... – начал он считать. – Семь! Неплохо. Счастливое число.

– Счастливое... – задумчиво протянул второй. Под его плащом виднелся бархатный пурпур. – Дэноэль, ты всё-таки решил уехать. Иначе бы не загадывал на число. Скажи, почему?

– Почему... Почему?... Ты мог бы и догадаться. Пойдём.

Дэноэль двинулся по пляжу в сторону старых причалов, где по вечерам продавали свежую рыбу. Не дойдя до толпы покупателей, мужчина махнул рукой, подзывая одну из торговок. Женщина торопливо, пока благородные господа не передумали, подхватила корзину и поспешила навстречу.

– Что ваша милость изволят?

– М-м-м... Пожалуй, вот эти три сельди.

Мужчина потянулся за кошельком и словно невзначай сбросил с головы капюшон. Закатное солнце обдало тёплым светом льняные волосы.

– Мать Божья, спаси и сохрани, северный человек! – отшатнулась женщина. И уже себе под нос пробормотала. – Дьяволово семя!..

– Да как ты смеешь оскорблять благородного шевалье! – второй мужчина, чуть замешкался, высматривая что-то в море, и догнал своего спутника как раз вовремя, чтобы услышать слова рыбачки. – Плетей захотела!...

– Оставь её, Ратьян, – Дэноэль перехватил занесённую для удара руку. – Во время набегов викинги оставляют о себе не лучшую память. К тому же последний визит в город графа де Сен-Лоран хорошего отношения к детям фиордов не прибавил. Давай отойдём.

Дэноэль махнул рукой, чтобы женщина убиралась, забирая свою рыбу. После чего мужчины отошли в сторону причалов.

– Но тебя же признал хранитель рода и святой покровитель ордена! – возмутился младший. – А какие-то вонючие пейзажи...

– То, что я являюсь полноправным рыцарем-Драконом, хотя мой отец и был с севера, что-то значит только для нас и для нанимателей. Остальные же всегда будут смотреть на меня вот так... Особенно потому, что я – Дракон.

– Но ведь наши способности признаны Церковью и приравниваются к Одарённым из числа бенедиктинцев. И даже Его святейшество патриарх издал соответствующий эдикт, который выводит нас из-под проверок ордена святого Доминика!

– Ну да, – еле слышно буркнул себе под нос Дэноэль, – и монахам нужны рыцари-Драконы, – после чего добавил уже в голос. – Простолюдинам этого не объяснишь, особенно когда они видят во мне потомка Севера. Я устал, Ратьян, я устал.

Он провёл рукой по лбу, как будто хотел смахнуть навалившуюся свинцовую усталость.

– А ещё я не хочу, чтобы мой сын, когда подрастёт, тоже слышал вслед «северное отродье». В Древянье же даны и swei частые гости. Завтра этот посланец герцога Медведя, «бо-яр-рин Матв-фей», – старательно выговаривая имя на чужом языке, произнёс Дэноэль, – придёт к капитулу ордена за ответом. И магистр скажет, что нашёлся Дракон, который согласен уехать вместе с ним и поступить на службу к герцогу Медведю...

Обоз ехал заброшенной дорогой, пробитой по водоразделу рек Случи и Ветлы. Конечно, по Моравскому тракту дорога в Шикшу-на-Случи была хоть и длиннее, но надёжнее. Лет десять назад владевший здешними землями боярин, вернувшись из Великого Рима и насмотревшись на дороги, которые до сих пор исправно служили со времён язычников, приказал на своих землях замостить тракт камнем и засыпать щебнем. Прадедовские дубовые мосты он тоже постепенно сменил на каменные. Поэтому все предпочитали сделать крюк в три с лишним десятка вёрст по твёрдой дороге, а не рисковать увязнуть в глине водораздела. Но купец самой Киевской торговой сотни¹² Харитон сын Емельянов обычно вёл свой обоз через водораздел. С одной стороны, за много лет торговли и поездок в земли Моравского княжества он точно знал, что уже к середине мая здешняя дорога полностью высыхала, а возможность сократить несколько дней пути окупала риск попасть в раскисшую колею. С другой же... Предприимчивый боярин надумал брать с путников и телег плату за проезд – и купеческая душа восставала против

¹² В Европе купцы и ремесленники объединялись в городские гильдии. На Руси с XI века возникают так называемые сотни, в первую очередь купеческие – объединения самых богатых купцов и ремесленников для защиты своих интересов. Но в отличие от гильдий членство в сотне было не обязанностью, а правом и привилегией

такого лихоимства. Ведь по дедовым, освящённым временем традициям все дороги ничьи! И плату дозволено собирать лишь тиунам на городских мытнях¹³. Но Великий князь, видно, про установления предков забыл, и по закону прав оказался боярин.

Дэноэль ехал на второй телеге, рядом с купцом. Там, в резиденции ордена, когда договор был торжественно подтверждён капитулом, Дракон рассчитывал, что к нанимателю они прибудут к Пятидесятнице, не раньше. Матвей, кроме поиска наставника для старшего сына своего господина, должен был решить какие-то вопросы с моравским князем Вацлавом Пржемысловичем. Но в столице Моравии, славном граде Оломоуце, Матвея встретило письмо, в котором помимо всего прочего Хотим Медведь требовал, чтобы Дэноэль прибыл к нему без задержек. Но бросить дела в Оломоуце казначей рода Медведей не мог, поэтому, посоветовавшись, мужчины решили: до первого крупного города Древлянья, Шикши-на-Случи, Дэноэль доедет в караване надёжного купца, а там найдёт одного из вассалов Медведей. Семья же благородного шевалье останется вместе с Матвеем и, как они рассчитывали поначалу, в Борович-город приедет как раз на Крестителя Иоанна¹⁴.

Первые дни Дэноэль опасался, что ему придётся ехать бирюком до самой Шикши, поскольку язык обозников-древлян он едва понимал. Да и не любят обычно с чужаками говорить. То, что едет несвой, было понятно сразу: менять котту на рубаху с портами Дэноэль не стал, разве что накинул не привычный плащ из грубого сукна, а по примеру Матвея отороченное мехом тёплое византийское корзно¹⁵. И Харитон явно чужака взял только по просьбе Матвея – оказать полезную услугу боярину да бесплатно получить в обоз ещё одного воина. Но вскоре оказалось, что Харитон хорошо знает латынь и побалывать в дороге не прочь. Поэтому умный, образованный выходец с берегов Западного моря стал для купца подарком небес.

Свернув с широкой прогалины, дорога вступила в лес и сразу оказалась зажатой со всех сторон то высоченными соснами и лиственницами, то густыми мохнатыми елями и

¹³ Мытня – место сбора платы за въезд, таможенных сборов и проверки въезжающих в средневековый город

¹⁴ Пятидесятница (Праздник Святой Троицы) приходится на 50-ю неделю после Пасхи, примерно июнь по новому стилю. Праздник Рождества честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна приходится примерно на начало июля по новому стилю

¹⁵ Корзно – плащ прямоугольной или округлой формы, напоминает античную хламиду. Вместо мешковатой туники-котты до лодыжки или облегающего пурпуана с чулками славяне надевали свиту (что-то вроде расклешенной книзу не приталеной туники до колена, с длинными рукавами, пошитой из грубого сукна), да обязательно, вне зависимости от сословий, надевали штаны-порты и подвязывали верёвочкой-гашником. Климат был суровее, и даже летом голым ногам становилось холодно. Поэтому, кстати, свой аналог портов нередко носили и женщины, хотя юбки, которые они надевали вместе с рубахами, были в длину до лодыжек

стройными белоснежными берёзами попеременно с осинником. Телега медленно покачивалась, скрипела в такт ухабистому пути, а воздух наполнялся новыми звуками: где-то деловито шуршали белки, шумливо переговаривались кедровки, шмыгнул за ствол и спрятался дятел, стремительно пролетели дикие голуби. Пахло хвоей, смолой, свежей листвой и муравейниками. Перекликались меж собой невидимые птицы, перелетали с ветки на ветку и посвистывали рябчики. На привале один из возчиков испугнул куропатку, на которую тут же кинулся ястреб. Купец пояснил удивлённому Дэноэлю, что хищные птицы часто сопровождают людей в надежде на такой случай.

Дэноэль прикрыл глаза от слепящего солнца и не заметил, как задремал. Разбудил его окрик дорожного старшины.

– Обед!

Обоз въехал на просторную поляну с ручьём, и старший каравана решил сделать привал. Телеги встали, и началась деловая суэта. Кто-то проверял коней, кто-то занялся костром и хворостом, а Вторуша – повар обоза, начал выкладывать продукты для обеда. Работали все: от купца до последнего возчика. Это в городе Харитон мог гонять прислугу, пока ничего не делает сам, а тайга лентяев не любит. Только Дэноэль и несколько охранников растворились в окружавшем их лесе: их черёд придёт позже, когда пообедают остальные.

Но вот рядом бесшумно возник сменщик, Дэноэль кивнул и поспешил к котлу: живот ворчал уже нешуточно. Взяв порцию каши, мужчина сел в тени ели и с наслаждением вдохнул аромат. Не зря его мать говорила, что вкусный запах – половина удовольствия! Тут рядом грузно плюхнулся дородный хозяин каравана. Обычно к моменту, когда менялась первая стража, Харитон уже заканчивал есть. Но в этот раз пришлось перебирать отсыревшие тюки и перекладывать их на другие телеги так, чтобы за оставшиеся полдня солнце всё просушило. Оставить столь важное дело без присмотра купец, естественно, не мог. Теперь же решил воспользоваться случаем и поболтать не только в дороге, но и за обедом. Харитон подул на кашу, поставил её в сторонку остывать и в задумчивости сказал:

– Плохой нынче год, а потом – гляди, и того хуже будет!

Болтливый спутник Дэноэлю уже изрядно надоел, но ехать молча было намного хуже. Оставалось только поддакивать время от времени, пропуская словесные реки мимо ушей. Только если речь шла о чём-то интересном, Дракон внимательно прислушивался.

– С чего вы взяли, Харитон?

– А притом, – продолжил купец, (опять взяв в руки плошку). – Великая княжна Ольга в конце зимы преставилась, да вместе с сыном! Царствие им Небесное! – резко произнёс купец и вдруг, словно после кружки крепкой браги, выдохнул, закусив кашей. – Бают, язва моровая. Да только не верю я. Потравили её.

Дэноэль пожал плечами: если и так, ну и что? Да, даже в Великом Риме женщина зачастую может значить в политике немало. Но она всегда останется лишь женщиной. Но купец, не обращая внимания, продолжил.

– Крута была баба, ой крута. Князь-то наш Великий годов шесть назад болгар воевать ушёл, и старшенький-то сын Святополк отпасть от власти отца-то решил. По наущению дядьки вдруг заговорил, что Ильмень-город в состав Древлянского княжества не по закону вошёл... А когда тамошнее вече его не поддержало, свеев позвал. Как на Неве-реке ярла Биргера-то со Святополком разбили, зачинщиков в Киев в цепях привезли. Так княжна Ольга, не дрогнув, под топор и сына, и брата отправила. Да и мужа держала в узде. А то князь у нас, – вздохнул Харитон, – хоть и воевода справный, и кривду всегда по государству-то видит и выпрямляет, в остальном меры да удержу не знает.

Дэноэль опять только пожал плечами. Нанимал его глава одного из Старших родов – хоть и родич Великому князю, но десятая вода на киселе, поэтому великокняжеские распри Дракона не касаются.

К вечеру про разговор Дэноэль едва помнил, а когда через неделю обоз подъехал к Шикше, то и совсем забыл. Первый встреченный им древлянский город нужно было рассмотреть повнимательнее – и как воину, и как путешественнику, и как человеку, которому предстоит здесь жить.

Как война крепость впечатляла. И размерами – Шикша-на-Случи не зря слыла крупным торговым городом, один посад раскинулся на несколько перестрелов. Удивляли и укрепления – здешний торговый люд не пожадничал и валом да двойным частоколом не ограничился. И хотя сами стены, внутрь которых засыпался гравий и земля, были построены не как дома из камня, а из толстых дубовых брёвен – сруб за срубом в ряд, да и башни тоже красовались деревом, можно было не сомневаться, что пробить щит города не сможет ни одно стенобитное орудие. Морёный дуб прочнее гранита. Дэноэль даже начал подсчитывать в уме, насколько город богат, если позволяет себе не просто возвести столь могучую границу, но и поддерживать её в хорошем состоянии – стены и надвратная башня носили следы основательного и не такой уж давней починки... Но тут обоз доехал до

площадки перед воротами и встал, дожидаясь мытника для проверки товаров и сбора пошлин. А значит, Дракону пора прощаться со словоохотливым купцом.

Харитон уже спешил навстречу тиуну, забыв про попутчика. Дэноэль решил не навязываться, подхватил с телеги свой мешок и зашагал туда, где на мосту, идущему к городским воротам, была отделена полоска для пешеходов.

Пробившись сквозь толпу людей, которая всегда появляется рядом с любым входом в город, Дэноэль снова ненадолго остановился, глядя на улицу перед собой и вдыхая непривычные запахи прогретых солнцем брёвен стен и смолы еловой дранки крыш. Да, он не ошибся, согласившись поехать в Древлянье. Слухи ничуть не преувеличивали богатство страны. Одеты в дубовую мостовую не только главная дорога от ворот к детинцу, но и боковые улицы. Ближе к побережью Закатного моря кроме Рима, Венеции, Милана или Лютеции такое могли позволить себе не больше десятка городов. А ведь Шикша хоть и богатый торговый перекрёсток, по рассказам, уступает и Ильмень-городу, и Владимиру, не говоря о Киеве.

Впрочем, очень быстро Дракон решил, что красотами здешних мостовых и рассуждениями о богатстве страны он ещё успеет насладиться. А пока надо было отыскать вассала герцога Медведя, или как его здесь называли – Старшего боярина. Спрашивать название улицы у местных нет смысла, люди редко знают места дальше своего прихода. А ходить самому – Шикша хоть и не Лютеция, но тоже город не маленький. По вывескам же, как объясняли и Матвей, и Харитон, в Древлянье ориентироваться ещё труднее, чем на родине Дэноэля. Изображения не просто часто повторялись, ещё дед нынешнего князя приказал, чтобы над лавками и трактирами висели только знаки ремесла, да не абы как, а строго по установленному городом обычаю. Но как опытный путешественник, Дэноэль ещё перед отъездом из Моравии узнал, что нужный дом находится напротив церкви святого Амабилиса Овернского.

Привратная стража город знает как свою руку, поэтому с вопросом, где находится нужная церковь, Дракон обратился, к молоденькому чернявому стражнику у ворот. Когда парень сумел ответить на смеси ломаной латыни и древлянского, Дракон подумал, что ему повезло. Но вот дальше...

– А какой-то надоть? – ошаршил ответом стражник. – Северная, Амабилиса и Святых Апосталов али Амабилиса-у-реки?

Дэноэль в ответ только бессильно выругался: ну мог бы сообразить заранее, что если город деревянный, то и молиться святому хранителю от пожара будут чаще других.

– Все три скажи где. Разберусь.

– Ну так эта. Северная в Кузнечном канце будет, Святых Апостолов в Купеческом, ну а Амабилиса-у-реки, понятно дело, в Речном канце.

– Какие концы?.. – Дэноэль совсем запутался. – А приходы какие, или как вообще понять?

– Ну, так. Вон это, – махнул парень рукой на вкопанный столб, – тама эта и написано. А приход не знаю какой, я эта, в Рыночном канце живу.

Дэноэль потёр виски руками, пытаясь сбросить внезапную усталость, принялся расспрашивать... От дальнейшей ругани его удержало только то, что негоже день приезда в город начинать с богохульных слов. Оказалось, что здесь, на востоке, город делили не по церковным приходам, а по районам или слободам, которые называли «концами». И потому на пограничных столбах указывали не название церкви-хозяина прихода, а названия концов. Причём писали, естественно, не по-латыни, и даже не по-гречески – на наречии византийцев Дэноэль говорил плохо, но читал свободно – а по местному. Древлянских же букв Дракон не знал вообще.

Стражник отнёсся к беде путника с пониманием. Сочувствующе поцокал языком, вздохнул в утешение... И вдруг просветлел лицом.

– Гаспадин хороший, а может вам помощника? – Дэноэль кивнул, и стражник тут же свистнул мальчишке, выходящему из караулки: чей-то сын, видимо принёс отцу обед. – Ладомир, поди сюды. Во. Сколько дашь, гаспадин хороший? – Дэноэль достал несколько медных вервиц, одну дал стражнику, ещё пару покатал на ладони. Парень незаметно вздохнул: монеты были худые, с обрезанным краем. Но за такое незначительное дело и этого много. – Проведёшь, покажешь чего нада. Понял?

Мальчишка кивнул, призывно махнул рукой, и Дэноэль, подхватив мешок, поспешил следом. И пусть кознями врага рода человеческого нужный дом оказался напротив самой последней из показанных мальчишкой церковей, после долгой дороги это казалось мелочью. Ведь предупреждённый Его светлостью огнищанин сразу же приказал подать плотный обед и принести бритву: пусть в Древлянье предпочитали носить бороду от виска до виска, Дэноэль слишком привык к римским обычаям, и щетина, отросшая за последние недели, раздражала. Вдобавок ко всему гостя ждали бадья с горячей и мягкая постель с угодливой служанкой. Что ещё нужно утомлённому дорогой путнику?

В Шикше Дракон прождал несколько дней, пока не прибыл провожатый, и спустя всего две седмицы они уже были во владениях Старшего боярина Хотима Медведя.

Борович-городок Дэноэлю тоже пришёлся по душе, особенно тем, что на улицах порядок, не видно ни нищих, ни грязи, ни отбросов на улицах. Не то что в землях северных франков. И телеги с товаром через ворота шли потоком в обе стороны. А плаха и помост перед въездом хоть и стояли, но пустые. Не сравнить с Лютецией, а тем паче с Великим Римом: там пара висельников постоянно для устрашения качается, пока тела не истлеют и не упадут. Значит, здешний хозяин хоть и суров, но в меру. К тому же, когда ехали по улицам, перед боярским доверенным слугой шапки, как и положено, снимали, но без испуга. Тоже говорит, что власть держится не на страхе, а на уважении, и поэтому род Медведей будет процветать и дальше. И не придётся через пару лет искать нового нанимателя.

Глава рода Дэноэлю тоже понравился: здоровенный мужик, наверняка в ладони запросто подкову ломает, волосы чёрные как смоль, глаза спрятались в густых бровях, почти сросшихся на переносице, нижняя половина лица утонула в саже бороды. Точь-в-точь как медведь на хоргуви¹⁶, висевшей над боярским креслом гостевой горницы.

– Ну, здравствуй, воин-Дракон. Готов ли ты принять мою руку, служить верно и стать наставником и телохранителем моего старшего сына? – прозвучало по-гречески.

– Я готов принести клятву верности роду Медведей и готов стать телохранителем. Что касается наставника... Прежде чем дать согласие, я должен сначала взглянуть на будущего ученика. И прошу не нести обиды, если откажу.

Дракон отвечал на латыни. Хотим его понял, хотя и с некоторым трудом... Сколько таких же влиятельных и богатых господ ближе к Закатному морю предпочитают ограничиваться воинским искусством, оставляя грамотность наёмным слугам и писцам? Да что там, даже среди епископов, особенно у франков или иберийцев, попадаются те, кто едва способен читать! «Нет, в этот раз наниматель попался куда лучше, чем я надеялся, – довольно подумал Дэноэль. – А уж то, что Хотим согласился будущего ученика сначала показать, и лишь потом вести разговор об условиях – никак мой путь осенил своей благостью сам покровитель всех воинов святой Маврикий».

Юноша занимался с одним из дружинников во дворе. Дэноэль вышел не сразу, сначала несколько минут понаблюдал, пользуясь тем, что яркое солнце скрывало его в тени сеней от глаз стоявших на улице. Задатки у парня были, но и родовитой спеси, часто свойственной молодости, тоже хватало. Орудовать деревянным мечом в расшитой плотным узором негнушейся рубахе неудобно, но младший Медведь всё равно её не снял. Да ещё и

¹⁶ Слово хоргувь происходит от монгольского оронго (знак, знамя). Хотя само вертикально свисающее полотнище, как правило с изображением Христа или святых, укрепленное на длинном древке, было известно и до монголов. Носилось при крестных ходах. Кроме того знамя того или иного воинского подразделения также выполнялось в виде хоргуви

нацепил поверх нарукавья и воротник из дорогого, но жёсткого бархата. Братся или нет?..
Нужна была проверка. Дэноэль взглянул на Хотима, тот будто угадав его вопрос, кивнул.
И Дракон шагнул во двор.

Тренировка сразу же остановилась, и безусый парень, и седоусый наставник оценивающе посмотрели на гостя. Но если бывалый воин сразу понял, что перед ним не простой кнехт, то боярич принял Дэноэля за кого-то из торговых или учёных гостей отца. Такие в доме редкостью не были.

– Здравствуй, боярич Твердята. Я твой новый наставник.

В глазах паренька появилась покровительственная снисходительность – ещё один, много вас таких... Дэноэль невозмутимо продолжил:

– Как должно быть известно молодому господину, в северных фьордах говорят, что только тот настоящий воин, кто овладел искусством idrottir. Но владеть idrottir значит не только научиться борьбе, плаванию, скачке и фехтованию. Это ещё... – последовало стремительное движение, тренировочный деревянный меч отлетел в сторону, а сам парень оказался на земле с разбитыми в кровь губами. – Это и умение правильно оценивать себя и видеть чужую силу. А отталкиваясь от знания, быть готовым защищаться.

Дэноэль встал на прежнее место и замер, ожидая реакции. Если парень начнёт ругаться, грозить жалобами отцу или обижаться, то придётся отказывать. Но Твердята лишь встал и уважительно поклонился:

– Спасибо за науку. Впредь, – усмехнулся парень, – буду помнить, что по одежде лишь встречают.

– Я согласен, – Дэноэль повернулся к вышедшему на свет Хотиму и осенил себя крестным знаменем. – Я готов передать вашему сыну всё, что знаю.

Глава 6

*Величье владыки не в мервских шелках, какие на каждом купце,
Не в злате, почившем в гробах-сундуках, – поэтам ли петь о скупце?!*

*Величье не в предках, чьей славе в веках сиять заревым небосклоном,
Не в лизоблюдах, шутах-дураках, с угодливостью на лице.*

*Достоинство сильных не в мощных руках – в умении сдерживать силу,
Талант полководца не в многих полках, а в сломанном вражьем крестце.*

Небольшой отряд всадников ехал спокойной рысью по неширокой лесной дороге, мяся копытами коней грязь и жухлую ноябрьскую листву. Летом и зимой здесь было бы не

протолкнуться от телег или саней, но за последнюю седмицу земля раскисла от дождей, а мороз землю ещё не застудил. И до первых холодов торговый люд перебрался на главный тракт. Всаднику же распутица была не помехой, потому княжич Яромир любил ездить из города в дальний терем на охоту именно здешним, самым коротким путём.

Монотонная лошадиная поступь убаюкивала, мысли становились медленными, тягучими, растворялись в напоенном влагой воздухе. Дэноэлю в голову пришёл давний разговор. Он потёр переносицу, этот жест всегда помогал ему вспомнить... Но нет, лицо и имя случайного попутчика за несколько лет стёрлись. Но вот слова неожиданно вспомнились. Прав был тот купчина, ох как прав. Князь Игорь воевода хороший, и в управлении государством умеет находить и слушать полезных людей. Слухов про то, что канцлер, или как его здесь называли на византийский манер великокняжеский префект, в казну лапу запускает, ходило много. Чуть не каждый месяц баяли, мол, скоро Игорь кривду-то визнает да и загонит Ярослава в опалу. А только купцы, старейшины городских концов и старшины торговых и ремесленных сотен не зря за здоровье великокняжеского префекта свечи ставили каждое воскресенье. Ведь Ярослав измыслил как податей собирать меньше, при этом за последнюю седмицу лет подвал-сокровищницу князя расширяли дважды. Всё бы прекрасно, вот только отцом Игорь оказался никудышним, последнего оставшегося сына баловал не зная меры. Конечно княжич пока на хлебных полях зверя не травит и девушек силой в постель не ведёт – ему только пятнадцать. Древлянье давно перестало быть для гостя с берегов Закатного моря чужой страной, оно подарило ему дочь, подарило спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Полгода назад Хотим Медведь позвал Дэноэля наставником к своему младшему сыну, а перед отъездом в Киев предложил стать боярином на его землях. Обязался сразу отдать во владение целых три или четыре деревни. Дэноэль обещал подумать, но для себя уже решил, что согласится.

Но, размышлял Дэниэль, когда на Киевский стол усядется Яромир, дела в стране пойдут неважно. Княжич в отца горяч, да не в родителя самоуверен. Хорошо бы, если Ярослав, Хотим и остальные Старшие бояре смогли заставить Яромира жениться на подходящей девушке, да обуздали нрав молодого правителя... Дракон, словно увидел в первый раз, всмотрелся в скачущего впереди остальных худощавого отрока в малиновой свите, украшенной жемчугами и золотым шитьём, и подпоясанной золочёным же поясом. И сказал сам себе, что в свадьбу и советников не верит. Уже сейчас княжич больше прислушивался не к умудрённым опытом и годами наставникам, а к своим приятелям. Даже сегодня, ухмыльнулся Дэноэль, понабирал с собой в основном таких же

пятнадцатилетних вчерашних отроков, только недавно получивших право носить меч. В бронях и при луке только сам Дэноэль, младший сын Хотима – хотя приятели и смеялись, опекавший юношу Дракон был неумолим – да сын префекта Александр со своим побратимом Глебом. При этом двадцатипятилетнего «старика» Александра княжич с вовсе хотел оставить в городе, но Ярослав недавно начал переговоры с великим князем о помолвке его племянницы Ирины со своим сыном, и отказать почти родичу Яромир не смог. Вот только пусть сам Дэноэль без преувеличения в бою стоил троих, Александр только-только вернулся из похода на степняков, а Глеб, хоть и всего на год старше побратима, уже получил кольцо ратника¹⁷ – напади кто сейчас, четверых оборонить княжича может и не хватить. Остальной десяток разряженных сопляков будет только мешать, неприятностями же так и пахло. Дракон вспомнил свару с воеводой тайного приказа перед отъездом и поморщился. Старик Ратмир зазря настаивать на охране не будет, но и против слова княжича не пойдёт, потому надеяться, что следом на всякий случай едет пара десятков дружинников, нельзя.

– Стой!

В воздухе вдруг повеяло холодом, и разлился запах грозы: чтобы остановить скачку, Дэноэль воспользовался своими способностями Дракона. добавивИ мысленно добавил: «Накликал».

– Да что ты!..

Лицо княжича начала заливать краска гнева, но Дэноэль, не обращая внимания, выехал вперёд.

– Я – шевалье ордена Дракона. И впереди что-то не так.

Александр и Глеб отреагировали мгновенно. Растолкав остальных, они тут же сдвинули коней ближе к Дэноэлю, вставая между княжичем и предполагаемым врагом. Широкоплечий и высокий Александр закрыл собой Яромира от случайной стрелы, с другой стороны жилистый и худощавый Глеб поднял щит, а сам приготовился метнуть малую секиру. Чуть замешкавшись, присоединился и младший Медведь – его конь замер позади княжича так, чтобы если придётся прорываться назад, пробить Яромиру дорогу через нападающих. Остальные загомонили ничего не понимающей бестолковой толпой.

Дэноэль спрыгнул на землю, сделал несколько шагов вперёд и замер, будто вслушиваясь в какой-то только одному ему заметный звук. Не показалось! В осенние ароматы влаги, прелой осыпавшейся листвы и мокрой после дождя коры отчётливо

¹⁷ То есть имел десять признанных побед над равными воинами. Причем не каждый убитый враг шёл в счёт: например, если у победителя была броня, а у побеждённого нет, могли и не засчитать

вплетался аромат имбиря. Лишний аромат... Именно так Дракон привык определять действие чужого Одарённого. Тем временем среди отроков раздались насмешки и шутки над франком, который мышей в прошлогодних листьях испугался. Подзуживаемый приятелями, один из парней, несмотря на предостерегающий окрик, хлестнул коня и бросил его вперёд. Всадник успел промчаться меньше сотни шагов, когда раздался противный свист, и в грудь коню вонзилась толстая стрела. Бедное животное завизжало от боли, захрипело и завалилось набок. Александр заставил княжича пригнуться, вместе с Глебом они сомкнули поверх него щиты, опасаясь нового выстрела навесом. Отроки загомонили, кто-то бестолково обнажил меч. Спокоен остался лишь Дэноэль. Он неторопливо подошёл к упавшему коню, ловким движением добил животное, после чего помог подняться с земли всаднику: парень хоть и успел спрыгнуть, но зашибся.

– Всё спокойно, – сказал Дракон. – Дальше никого нет, это был самострел. Но я думаю, княже, лучше возвращаться домой. Ловушка была на тебя.

– Скажешь тоже, – фыркнул Яромир. – Тут ещё недавно телеги ходили. Мог лихоимец какой и на них сладить, высотой-то как раз на пещца летело. Да дожди на седмицу раньше пошли, вот и бросили затею.

– Нет, – покачал головой Дэноэль. – На торговых людишек такой самострел не ставят. И стрела против пещца слишком тяжёлая. Да и не от жилы сработало. Одарённый самострел ладил, потому нитка поперёк дороги невидимая обыденному глазу была. И не убить хотел, а поугаты, потому и на коня стояло. Не зря воевода Ратмир тревогу думал.

– Вот пусть он и дальше думает! – скривился княжич. – Раз, говоришь, только пугать хотели – значит, нечего и бояться. Но ты прав, по этой дороге ехать не годится. С загубленного коня дело начинать – вся охота не так пойдёт. Обратное, а там по тракту. А ты, – презрительно обратился Яромир к незадачливому спутнику, – пойдёшь к Ратмиру и всё ему доложишь. Пусть он, – ухмыльнулся княжич, – и дальше думу думает.

После чего развернул коня и галопом, не глядя – успевают остальные или нет – помчался в сторону тракта.

Что случилось в охотничьем тереме, Дэноэль узнал с чужих слов. У его воспитанника захромала лошадь, слишком уж неопытен был всадник, чтобы мчаться в доспехе такой бешеной скачкой. И чтобы не сгубить коня, последние несколько перестрелов пришлось ехать шагом. Но по рассказам, Яромир, разгорячённой поездкой, потребовал ледяного вина и, несмотря на возражения Александра, выпил две чаши. Результат был предсказуем: горячий лоб, одышка, кашель и головная боль. А вот дальше...

И лекарь, и знахарка больного перевозить запретили, поэтому встревоженный Игорь не медля примчался сам. С ним приехал и митрополит Древлянский. Тут же пошли шёпотки: лебезит, княжьего расположения ищет. Ведь отец Гумберт мало того что был чужаком из земель франков, так ещё и главой древлянской митрополии стал в обход обычая. После смерти старого владыки новым митрополитом всегда становился епископ главного столичного храма Апостола Андрея Первозванного – но в этот раз решением Синода и патриарха на кафедру первосвященника княжества из Рима прислали своего человека.

Уже на следующий день пересуды смолкли, а от охотничьего терема жадным алчущим зверем пополз страх: митрополит раскрыл заговор с целью убийства княжича! Врач, приехавший вместе с отцом Гумбертом, поклялся своим дипломом Университета Лютеции и Священным Писанием, что причиной недуга княжича стало чёрное колдовство и яд! Дэноэль, услышав об этом, только выругался: таких вот целителей, диплом заработавших доносами на своих товарищей университетскому цензору, он навиделся. Но ни его, ни тех, кто тоже заметил интригу, не спрашивали. Знахарку вздёрнули на дыбу, где она померла раньше, чем сказала хоть слово. А лекарь-Одарённый бежал. Впрочем, для его святейшества отца Гумберта это стало лишь подтверждением заговора. Мол, и воевода Ратмир как раз доложил о покушении... в котором самострел ладил кто-то из Одарённых. И неважно, что лекарю такое не по способностям!

Княжич всё же остался жив, но от цветущего отрока остался лишь бледный призрак. И как ни старался Гумберт изгнать из него остаток чёрного колдовства постом и молитвами, получалось плохо. Зато куда лучше получалось искать заговорщиков. Сразу трое Старших бояр из дальней родни князя угодили на плаху. За ними последовали их сыновья, а за теми – ещё несколько десятков посадников, бояр и воевод. Гумберт не останавливался, не обращая внимания на людское недовольство, ведь никогда прежде духовный владыка не вмешивался в светские дела открыто. Ходили даже слухи, что Гумберт попытался было заговорить о том, чтобы снять с поста великокняжеского префекта Старшего боярина Ярослава, но испугался недовольства купеческих и ремесленных сотен. У остальных такого оберега не было, поэтому кто поумнее от греха подальше решил покинуть столицу.

За владетельными боярами понемногу начали уезжать и ближники¹⁸. Но Дэноэль в Борович-городок отправился не сразу, хотя не видел семью уже несколько месяцев. Его по

¹⁸ Ближник – приближённый доверенный человек из друзей, слуг и воинов у князя или боярина

просьбе Матвея отправили вместе с ним. И поехали мужчины только вдвоём, и не на север, а на северо-восток.

Матвей молчал о цели поездки до самого конца. И лишь когда лесная дорога вывела путников к небольшой деревне, на окраине которой стояла добротная, хотя и небольшая боярская усадьба, остановил коня, принялся к пробившимся сквозь мороз запахам дыма и свежего хлеба, и принялся объяснять:

– Плохие времена настали. А дальше хуже будет.

– Почему?

– Что почему? Хуже? Так Яромир-то не жилец. Гумберт, – тут старик сплюнул, – сведёт его на погост. Кто-то из тёмных целителей бы ещё и вытащил... Да ты, поди про такого и не слышал? Помочь он может, когда больной к самому краю заглянул. Вот только и раньше-то на них косо смотрели, а доминиканцы, которых Гумберт с собой притащил, если тёмного целителя увидят – сразу в подвалы Тайного приказа отправят,

Спутник Дэноэля ненадолго притих, будто пытаюсь услышать в загудевших от налетевшего ветра соснах ответ на какие-то свои мысли, затем тяжело вздохнул.

– А я, вроде, перед тобой виноват. Я ж тебя к нам зазвал, а случись чего с Хотимом... В общем, есть человек у меня надёжный. У него можно деньги схоронить на тот день, когда совсем худо будет.

Матвей замолчал, тронул поводья коня и поехал вперёд.

Едва мужчины въехали, на подворье тут же поднялась суета. Было видно, что Матвея здесь хорошо знали: холопы уважительно кланялись, выбежавший седой ключник просветлел лицом, потом посетовал, что хозяйка на дальних выселках и пир быстро устроить не получится... Матвей лишь отмахнулся, сказал, что он проездом, а сам вместе с Дэноэлем поспешил в горницу, где уже ждал хозяин. Навскидку – ровесник Матвея, вот только нет правой ноги ниже колена, поэтому мужик раздобрел от привычки всё ч делать сидя.

– Здравствуй, Филипп.

– И тебе не болеть, Матвеюшка. По делу, али так? Хотя чего я, – усмехнулся боярин, – ты последние года просто так к нам не заглядываешь.

– По делу, по делу. Скажи Филина позвать. Да так, чтобы не видел никто.

– Вот оно как... – протянул мужик. – Понятно. В Киеве всё так плохо?

– Даже хуже, чем бают люди.

– Вот оно как... – опять протянул мужик. – Спасибо. За весть. Только подождать придётся.

За окном уже побежали первые розоватые отблески, когда в горнице появился смерд: из зажиточных, но не очень богатых. Даже на ногах не сапоги, а лапти. Ещё не старик, но крестьянская жизнь уже разрисовала лицо и руки морщинами, а в волосах пробила седина.

– Здравствуй, Филин, – с порога начал Матвей. – Я к тебе. С просьбой.

На несколько мгновений время словно замерло, а потом в лице гостя что-то неуловимо переменялось. Смерд исчез, проступил кто-то другой: жестокий и привыкший повелевать. В ответе Филина отзвуком боя покатались стальные нотки.

– Должок... за тот случай. Добро. Помню и обещаю.

– Тогда держи, – Матвей вынул два мешочка. – Один мой, второй его.

Филин взял, не сказав ни слова, кивнул головой и вышел. Дэнноэль молчал всё время, соглашаясь с Матвеем. За годы, проведённые рядом, Дракон давно понял – казначей Медведей ничего просто так не делает и не ошибается. Но когда мужчины уже отъехали от усадьбы, всё же не выдержал и спросил:

– Ты так в нём уверен? Гумберт чуть что не по нраву, в связях с Нечистым обвиняет. А от страха перед чёрными братьями Святого Доминика забывают даже родство с отцом или сыном.

– Филин не забудет, – усмехнулся Матвей. – Он ведь когда-то лекарем был. Одарённый, да не из последних. Только хоть и родился в Ильмень-городе, в Карантанскую марку уехал. На западе, сам знаешь, любят приглашать мастеров из наших земель. В графские дома вхож был, жену знатную имел. Зим двадцать прошло уже, как известный мастер не поделил что-то с настоятелем одного из аббатств под Вельсом. Тот его и оболгал. Причём так кривду сплёл, что отказались от Филина и жена, и друзья лучшие. А братья Святого Доминика даже на миг не усомнились в вине. Как из Филина выбивали признание – сам можешь представить. Все думали, что живым опального мастера не увидят. А мы случайно тогда в городе оказались. Куда моложе были, кровь кипела... В общем, бежал лекарь. Привезли мы его сюда, да вместе с Филипом выходили. Оказалось... У многих после пыточных подвалов и дыбы дар или уходит, или слабеет, а у Филина – сильнее разгорелся. Вот только был светлый целитель, а стал тёмный. Поэтому и сидит он здесь смердом на землях Филипа.

– Добро, – согласился Дэнээль. – Но надеюсь, что смилостивится над нами Отец Небесный и ниспошлёт здоровья княжичу Яромиру, а страхи и приготовления останутся напрасны.

Молитвы Дэнээля и остальных пропали впустую. Вскоре после Пасхи колокола храма Апостола Андрея Первозванного, а за ним и остальных столичных церквей заплакали траурным звоном. Княжич скончался.

Киев тревожно замер. Если уж до этого князь отдал поиск недругов на откуп митрополиту, а тот и рад стараться – то теперь отец Гумберт начнёт лютовать вдвойне. Впрочем, для остальной страны печальные события в столице прошли почти незаметно. Всё также трудились на полях крестьяне, так же зазывали купить свой товар ремесленники и продолжали задирать нос бояре. А что воеводу в каком-то городе вдруг назначили другого или податные грамоты всё чаще не с великокняжеской печатью идут, а за подписью префекта Ярослава, ни смердов, ни горожан особо не занимало. Ворчали только купцы – на границе ограбили чужеземный караван, и маркграф Карантанской марки потребовал за них несусветную виру и пригрозил войной. Хотя пока Игорь был в силе, маркграф Леопольд боялся в сторону Древлянья даже взглянуть. Но ворчали вполголоса, больше по привычке: в то, что чужеземец рискнёт ввязаться в свару с Киевом, никто не верил.

Не было покоя и посаднику Залесья, хотя дождь, бушевавший всю ночь, под утро затих и оставил бодрящую свежесть. Наоборот, к главной проблеме добавилась ещё и головная боль от перемены погоды.

– Ну могли этого проклятого торговца зарезать не в моём городе?! – в сердцах стукнул он по столу кулаком, отчего стоявшая на краю чернильница лихо подпрыгнула, а свеча упала. От удара разболелась рука, затлел и зачадил резким запахом фитиль недавно погашенной свечи, а решение проблемы в голову так и не приходило.

Достопочтенный ростовщик и купец сотни киевских ювелиров Северьян сын Панкрата был убит на гостинном дворе три недели назад. Редкие рифейские самоцветы, естественно, пропали. В городе пошли слухи, что купца задрал упырь, но посадник от этого только морщился: зачем упырю камни и золото, тем более что убили купчину ножом в спину? Да и случай похожий год назад был. Тогда вся округа шепталась про оборотня, нападавшего на одиноких прохожих. Когда мерзавца словили, при нём нашли искусно сделанные волчьи челюсти.

После убийства купца город перерыли сверху донизу, всех подозрительных хватили и запирали в городской тюрьме, через дыбу пропустили половину главарей банд и булыней¹⁹. И выяснили, что налётчиков было трое или четверо, а один из грабителей – свей с явным пристрастием к ханьскому порошку-дурману. Последнее вытрясли из Таракана, крупнейшего в Залесье скупщика. Северянин вместе с невысоким чернявым подельником пришёл к булыне вечером в день ограбления, чтобы продать один из камней. Выглядел он плохо: глаза налиты кровью, кожа как от дурной болезни, пальцы подёргиваются. Все это выдавало в нём любителя отравы, который давно не пробовал порошка. Камень свей продал не торгуясь, и поспешил в одну из забегаловок, где могли снабдить зельем. Хозяин притона опознал посетителя, но сказал, что забрав шкатулку с порошком, свей поспешил поскорее убраться.

Нащупав ниточку, люди посадника и дознаватели Тайного приказа ещё раз перевернули вверх дном город и окрестности. Но банда словно сквозь землю провалилась. Новость уже дошла до столицы. И княжеский казначей, разъярённый смертью родственника, добился, как написал посаднику знакомый в Киеве, отправки целого воеводы с проверкой. Всё бы ничего, но этот жирный боров – местный воевода Тайного приказа – вдруг решил перевалить всю ответственность на посадника. Скотина! Сначала неделю сидел в своём поместье, скинув расследование на помощников, а теперь пытается копать под городского голову: не уведомил митрополита о дьявольских происках и не пригласил к следствию священников! А кто должен был этим заниматься? Не городская же стража и не сам посадник. И вообще, если отожравшийся вислоухий козёл Гостибыл хочет искать упырей – пусть сам за ними по буеракам и бегает!

Последняя мысль так понравилась посаднику, что он наконец-то взял себя в руки. Оглядев стол, на котором валялись сломанные перья и порванные пергаменты, мужчина вдруг злорадно подумал: «А про упыря-то, Гостибыл, ты зря заговорил. Я тебе его припомню, и те недели, когда кое-кто отсиживался после ограбления – тоже. Выжидал, как повернётся, на нас хотел промах повесить? А вот тебе! И виноватым со всех сторон выйдешь именно ты!»

Присланный полгода назад из столицы воевода с первого дня не вызывал у посадника ничего, кроме глухого раздражения. Столичный бездельник, получивший должность по чьей-то протекции. Особых занятий в Залесье у него не было: охотников нападать на вооружённых до зубов охотников и рудокопов находилось мало – такие сами

¹⁹ Булынями в северной России называли перекупщиков, скупающих у крестьян зимою лен и зерно по дешевой цене и перепродающих его крупным торговцам. Здесь – жаргонное название скупщиков краденого

кого хочешь ограбят. А границу со Степью издавна стерегли княжеские витязи да нанятые хирды викингов. Вот и оставалось Гостибылу вытрясать деньги с купцов, брать взятки, да набивать поместье холопками и дорогими степными коврами. Посаднику, искренне радевшему за свой город, такой образ жизни был откровенно противен. Да, он, конечно, и сам не гнушался подарками. И в казну лапу запускал, чего греха таить. Но пять лет назад в трудный год страшной засухи не он ли выложил большую часть своего состояния в помощь городу? И до сих пор об этом ни дня не жалел.

Посадник позвонил в колокольчик, вызывая секретаря.

– Пиши. «Воеводе тайного приказа Ратмиру и его светлости высокочтимому великокняжескому префекту Ярославу...»

Ярослав устало отложил письмо из Залесья и посмотрел на сидевшего по другую сторону стола митрополита. Голова от бессонной ночи была тяжёлой, к тому же душный запах свечей, горевших до самого утра, до сих пор так и не выветрился. Хотя солнце за окном уже миновало полдень.

– Всё, отче. Это уже шестая жалоба. И все – на твоих выдвиженцев. Больше никого по твоей просьбе я назначать не буду. И княжеский суд по твоему желанию на каторгу и плаху никого больше не пошлёт.

– Ярослав, друг мой, – голос Гумберта был полон мёда, – мы же с тобой договаривались...

– Я помню наш разговор. Но, по-моему, этих месяцев вполне достаточно, чтобы ты получил свою долю. А я на время забыл, что если князь болен, а наследника нет, то опекает его префект и столичный посадник. Хватит. Мне умные нужны, и не для того, чтобы камни на каторге ломать. Ты разгромил уже немало боярских родов. Хватит, так и до бунта недалеко. А нам, похоже, вскоре Земский собор придётся собирать.

С каждым словом между собеседниками ощутимо нарастало напряжение. Казалось, ещё немного – и они вцепятся друг другу в бороды. Это было бы смешно: брызжущий слюной, невысокий, полненький, с оттопыренными ушами и лохматой курчавой бородёнкой митрополит в богатой рясе – и напоминавший собаку-овчарку спокойный, статный префект в простой рубахе небелёного полотна, без вышивки. Смешно, если бы не грозило перерасти в усобицу самых влиятельных людей страны.

Внезапно в горницу ворвался Александр:

– Отец!

– Мы продолжим позже, ваше преподобие!

– Как изволите, – сквозь зубы процедил священник и вышел.

В соседней горнице никого не оказалось: охрану при себе Ярослав никогда не держал. Поэтому, едва дверь захлопнулась, митрополит замер, воровато оглянулся и прильнул ухом к щели в дверном косяке. Слышно было глуховато, но вполне отчётливо.

– Зачем? Сядь. Сядь, я сказал. Ты не понимаешь, почему я приказал везде говорить о твоей свадьбе? Почему терплю этого напыщенного индюка? Мы – бояре, и принадлежим не себе, а княжеству. Всё, что идёт на благо княжеству – хорошо, всё, что во вред – плохо. Старый князь совсем плох, лекари говорят, хорошо, если протянет до Крестителя Иоанна. Что нас ждёт потом? Усобица? Когда забывшие о своём долге будут рвать страну на части? Ты подумал, сколько горя это принесёт простым людям, которых ты, боярин, целовал крест защитит? Твоя свадьба – это жертва, которую ты принесёшь за своё положение. А моя жертва – терпеть оскорбления этого надутого индюка и слухи за спиной.

– Но...

– Забудь её. А свадьбу сыграете через месяц. Родители Ирины согласны. Да, как там матушка...

Остальное было неинтересно.

– Значит, Ярослав, говоришь, всё на благо княжества? – негромко прозвучало в тиши горницы. – Тем лучше. Перестал ты меня слушаться, пора поискать какого-то другого радетеля за Отечество. Посговорчивее.

Митрополит довольно улыбнулся, подобрал полы рясы и поспешил во двор, где его дожидался возок. «А индюка я тебе припомню отдельно! – мелькнуло у него в голове. – Стерегись сколько угодно. Зря я, что ли, прятал от доминиканцев тех двух Одарённых из Милана?»

Едва усевшись, Гумберт махнул вознице, и возок понёсся по улице. Резиденция митрополита располагалась в Среднем городе, но быстро добраться не получилось. Упряжка встала, упёршись в развороченную дорогу. Посадник давно уже мечтал заменить хотя бы часть дубовых мостовых каменными, подражая Константинополю и Вечному городу. Естественно, когда митрополит ехал в Княжий город, никто из работников не сказал ему, зачем нагнали столько мастеров с инструментом и телег. Доски возле княжеских палат выломали как раз в тот момент, когда отец Гумберт был у Ярослава.

Объехать по соседним улицам возница даже не пытался: на узких, полутёмных переулках богатых кварталов едва расходились всадник и пешеход – что уж говорить о роскошном возке. Пока все дома в городе строили из дерева, каждый год по улицам ещё

проезжали люди посадника с особым мерным шестом. Теперь же, вместе с модой на каменные хоромы, пропало и правило измерять все новостройки: городские богатеи не желали ломать дорогие дома. Широкими остались только главные улицы да улочки в районах победнее, их по-прежнему осматривали ежегодно.

Пришлось возку возвращаться и ехать через Южные ворота, откуда до нужного места ещё полгорода. Выбравшись, наконец, на Купеческую улицу, лошади помчались, распугивая прохожих, но Гумберту всё равно казалось, что они едут слишком медленно. Он не любил столицу Древлянью. И хотя земли германцев или франков даже близко не могли сравниться по богатству с Киевом, с каким удовольствием Гумберт перебрался бы поближе к патриарху, а то и в Вечный город Рим. Где устремляются ввысь шпили древних соборов, где дома утопают в зелени палисадников...

– И где все улицы покрыты булыжником! – с раздражением ругнулся митрополит, чуть не прикусив язык на очередной выбоине.

К резиденции возок добрался только ближе к вечеру. Гумберт второпях написал несколько строк и вызвал секретаря: пока не закрылись на ночь ворота, надо было срочно отправить гонца.

Следующей ночью двое мужчин сидели в одном из домов Княжеского града. Весело играл огонь в жаровне – не для тепла, а просто так, для настроения. По стенам небольшой комнаты плясали причудливые тени, а свечи рядом с креслами выхватывали из полумрака только лица сидящих. У окна стоял резной столик драгоценной ханьской работы, на нём расположились византийское вино и дорогие южные сладости, а воздух вокруг был наполнен причудливыми ароматами.

Ярослав посмотрел сквозь бокал на сына. Куда делся усталый человек, который спорил с митрополитом? Или возвышенный патриот? В комнате сидел хищник: сильный, решительный, в глазах играло веселье.

– Александр, он проглотил наживку?

– Да, отец. Уже послал письмо Хотиму Медведю, что готов поддержать притязания на великокняжеский стол. Мол, согласно древним обычаям, отменённым ещё Владимиром Великим. И уже интересовался холопкой, от которой я якобы без ума.

– Черновик письма, надеюсь, твой человек забрать сумел? Пригодится для Земского собора или церковного суда. Заигрался, отче, заигрался.

Александр разлил по бокалам остаток вина, и какое-то время оба сидели молча, наслаждаясь ласкающим язык напитком. Допив свою часть, младший из собеседников на несколько секунд прикрыл глаза от удовольствия, а затем вернулся к разговору:

– Скажи, зачем? Неужели мы не могли обойтись без него? К чему такие сложности?

Ярослав лишь усмехнулся. Сын у него умён, но вот мудрость, которая приходит с годами, проявляет ещё не всегда.

– Когда я узнал, что Яромир слёг с горячкой, а лекарей отправили на дыбу... Шанс, который выпадает раз в жизни! Пусть не я сам, но ты! Но я не хочу оставлять тебе выжженную пустыню, обломки от страны. Сколько Старших родов не согласилось бы со мной? Они ведь тоже дальняя родня княжескому роду. И сколько из них попыталось бы оспорить решение Земского собора силой... У тебя должно быть спокойное наследство. Как раз и подвернулся этот спесивый дурак. Когда Гумберт только-только приехал, я поинтересовался, – мужчина усмехнулся. – Сирота, их сеньора обвинили в богомильской ереси, округу сожгли. Бродяжка прибился к одному из монастырей, как-то сумел добраться до чина аббата. Затем влез в какую-то интригу Синода, и по слухам сам патриарх Григорий даровал ему кафедру митрополита. Вот только уже здесь Гумберт с удивлением узнал, что в Древлянье слово князя выше слова пастыря. Теперь и старается... А мы – в стороне. И твоё правление начнётся с милостей невинно осуждённым. И ещё. Как Глеб?

– Хоть и пошёл только по моей просьбе, уже стал одним из секретарей в Казначейском приказе. Я хотел сразу же после Собора предложить ему место казначея.

– Великокняжеского префекта, – вдруг резко отрезал Ярослав. – Если со мной что-то случится, он сразу должен стать префектом. Глеб – единственный из твоих ближников, кто не предаст никогда. И не только потому, что ты вынес его из сечи со свеями... Ладно, помечтали и хватит. Что с войском?

– Всё давно готово, – хищно оскалился Александр. – Не только сотники, но и десятники готовы присягнуть мне сразу после свадьбы. Даже не дожидаясь, пока мои права подтвердит Земский собор. Отца Гумберта ждёт сюрприз, да и наших друзей Медведей тоже.

– Надеюсь. Как только Медведи выступят – начинай.

Вестей не последовало ни через неделю, ни через месяц, Хотим словно замер. Причём, как докладывал Ярославу поддержавший его воевода Ратмир, Медведи не просто ждали смерти князя – они даже не стали собирать под свои хоргуви сторонников. Праздник

Преображения Господня²⁰ страна встретила радостно, особенно гуляла столица. Хотя официально княжеский двор и находился в печали из-за болезни Игоря, свадьбу княжьей племянницы Ирины и Александра отмечали широко. Молодые проехали через весь город, для жителей на берегу реки устроили пир и пляски скоморохов. Вечером сверкали дорогие ханьские фейерверки, приглашённые чужаки показывали удивительные картины в небе и на воде. Городская стража получила строгий наказ: пьяных тащить не в холодную, а по домам. После гуляний горожане были готовы носить Александра на руках: хоть и боярин, и сын префекта – а совсем свой.

А к Воздвижению Креста Господня в столицу начали съезжаться самые уважаемые люди со всей страны. На Великий Земский собор. Ехали бояре, ехали купцы, приходили ремесленники и смерды. И пусть Ярослав сопротивлялся – мол, негоже при живом-то князе – простой люд его убедил, что нельзя страну оставлять без твёрдой руки. Вон, маркграф Карантанской марки прислал наместни послов. Возводит хулу, мол, его купцов не просто ограбили – а подпалили бороды. И виру выставил такую несусветную... Войны ждать можно со дня на день, поэтому подтвердить права ближайшего родича на великокняжеский стол нужно как можно скорее. И то, что Игорь испустил дух за день до Собора, все восприняли знаком свыше: даже Господь помог избежать кривотолков о наследовании. Столица ждала ещё одних гуляний... Но едва на чело Александра легла украшенная камнями шапка Владимира Великого, а город и войско присягнули новому правителю на верность, пришли тревожные вести. Прознатчики доложили, что маркграф собрал армию на границе с Валахией: в тамошних землях уже не первый год шла усобица, и пересечь владения Цепешских королей, отделяющие Карантанскую марку от княжества, труда не составляло. Поэтому войско, даже не успев прогулять полученные от Александра подарки, спешно двинулось на юго-запад. Вроде всё выходило правильно... но на душе у молодого правителя скребли кошки. По закону новый великий князь имеет право покинуть столицу не раньше, чем через год... Или если начнётся большая война. Верный закон, без него не раз во времена дедов усобица начиналась. Вот только плохое дело, когда войско выступает без князя.

Александр ходил чернее тучи, его не могла развеселить даже Ирина. Хотя за год между свадьбой и помолвкой девушка своего будущего мужа успела понять очень хорошо, знала, чем и когда ему угодить... Да и Александр давно уже заметил, какое сокровище ему

²⁰ Праздник преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Преображение Господня) отмечается около 19 августа по новому стилю. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня – отмечается около 27 сентября по новому стилю

досталось. И пусть их брак стал свадьбой по расчёту, молодой женой князь был очень доволен. Настолько, что время от Преображения до Воздвижения для него пролетело словно один день. Зато теперь, словно возвращаясь на круги своя, солнце пересекало небосвод невыносимо медленно. Каждый день обещал подвох... Но до самого Введения во храм Пресвятой Богородицы²¹ ничего не произошло. Неизвестность и ожидание вытягивали силы не хуже самой лютой сечи.

Поэтому, когда к Александру вдруг прибежал посыльный монах от настоятеля собора Апостола Андрея, молодой князь почувствовал какое-то облегчение. Наконец-то! Накинув поверх рубахи только корзно, Александр поспешил на зов священника... Он было удивился воинам личной дружины, последовавшим за ним, но потом заметил Глеба и только усмехнулся. Друг с первого дня всерьёз занялся охраной молодого князя и княгини, перещеголяв с опекой даже старика Ратмира. Спорить не было смысла, так как Глеб был прав. Это Яромира могли пугать, Александра станут убивать.

За месяц, пока они не виделись, и так невысокий священник словно стал ещё ниже, а лоб прорезали несколько новых морщин. В первый момент князь не понял, что епископ Илларион не один, что на лавке, укрытый одеялом лежит...

– Отец! – Александр бросился вперёд – и словно наткнулся на стену, увидев в руках священника серебряную чашу, украшенную змеями. Илларион хоть и был Одарённым, но, поскольку не принадлежал к числу братьев Святого Бенедикта, считал, что пользоваться своим талантом ему негоже. Исключение было только когда...

– Да, – подтвердил священник. – Свечу назад твоему отцу неожиданно стало плохо. Хорошо, сразу поняли, что дело неладно, что не просто яд – и догадались позвать меня. Возможно, я ещё сумею его спасти. Тёмное его поразило колдовство. От получившего дар Христовый, но употребившего его на дело врага рода человеческого.

– Ворота! – вдруг крикнул Глеб. – Если твой отец болен, ты рядом, значит в это время...

– Десяток со мной, второй с тобой. Я – Речные, ты – Восточные! – мгновенно отреагировал Александр. Отче, бейте тревогу! – и выбежал из кельи.

До Восточных ворот, которые на ночь запирались лишь на брус, Глеб и его десяток бежали так, словно за ними гнались все демоны ада, не чувствуя, как от бега морозный воздух рвал грудь. Они успели! На земле лежали три тела стражников, а изменники уже готовились снять запоры, когда на них вихрем налетели дружинники. Много лет назад

²¹ Введения во храм Пресвятой Богородицы приходится примерно на 5 декабря по новому стилю

наставник учил Глеба – не жди, а нападай, пусть твой взгляд не будет устремлён на одну часть нежели на другую, дабы противник никогда не мог отгадать твоё намерение. Встретившись с равными, получив кольцо ратника, Глеб вроде бы забыл уловки новика, которые опытный ветеран разгадает сразу. Но сегодня будто вернулись времена учёбы, когда лучший воспитанник мастера Ньёрда выходил один против десятка отроков и побеждал их простой наукой старого викинга. Удар, достать кончиком клинка, отступить назад, сделать финт в сторону дальнего противника и ударить ближнего!.. Свалка боя длилась недолго. Медведей оказалось ненамного больше, они рассчитывали резать сонных, а не драться с доспешными витязями. Глеб устало отёр пот и прислушался: по городу плыл тревожный набат, но со стороны реки «все сюда» колокола не вызванивали. Значит, и побратим успел.

Захватить ворота не получилось, ждавшие снаружи отряды отошли сразу, едва убедились, что мосты через ров обрушены²². Но через три дня подошло остальное войско Медведей, и начался первый штурм. Его отбивали только княжеские дружинники с немногочисленными добровольцами, остальные горожане рассудили, что особой разницы меж тем, кто сядет на великокняжеский стол, нет. А коли город не окажет сопротивления, то и жечь его сильно не будут. И защитников едва хватало занять стены. Но и нападавшие не были готовы совсем. Ни одной осадной башни. Медведи пошли к стенам, таща за собой только лестницы, связанные кожей из нескольких коротких тесин, плохо сбитые сосновые лесины с перекладинами или просто длинные бревна с двусторонними зарубками. К тому же осадного припаса не хватало, стены атаковали только с двух сторон. Грубо же сколоченный таран, который отвлекал защитников у дальних ворот, быстро подожгли. Сам Александр с десятком телохранителей появлялся в самых опасных местах, подбадривая защитников и помогая отбить немногих прорвавшихся врагов. Стараниями молодого князя и чудом город выстоял.

Утром первого дня после штурма лёг густой туман, залепил глаза, нос и рот сырым молоком, заставил ёжиться от холода, старательно закутываться в плащ и натягивать шапку. Приметы обещали, что даже когда встанет солнце, видно будет едва ли на половину перестрела. Пока же сквозь толстое белое одеяло с трудом пробивался розовый восход, можно было легко потерять идущего всего на десяток шагов впереди. Поэтому именно сейчас через тайный ход уходили гонцы к войску. Четверо, лучшие, кого смог найти князь.

²² Особенностью крепостей в Восточной Европе и на Руси было то, что подъёмный мост через ров не делали подъёмным, а строили постоянный. Но так, чтобы в случае нападения врага его легко можно было обрушить, перекрывая доступ к воротам

Вот только и Медведи всё понимали, и кольцо стражи наверняка сковало город тяжкими оковами. Сумеют смельчаки проскользнуть? Александр думал об этом и когда за последним гонцом засыпали подземный ход, и весь день, вглядываясь в даль со стены. Крики и факелы там, внизу: просто обход постов, просто какие-то свои дела – или заметили, и шумит погоня? И пусть ни на завтра, ни через седмицу враг не хвалился мучениями пленников, не бросал к воротам головы посланцев – неизвестность стала самой страшной пыткой.

Тем временем обозлённые неудачей, Медведи готовились к следующему штурму. Собирали стенобитные машины, возводили обтянутые сырыми кожами осадные башни и ладили надёжные лестницы. Не желавшие работать сами, солдаты пригоняли мужиков и баб из посадов и окрестных деревень. Ободранных, избитых, по малейшему подозрению в нерадивости селян стегали плетьюми, самых слабых или упрямых забивали насмерть на глазах остальных работников. Угрюмые пленники молча разыскивали в брошенных избах топоры и пилы, выламывали из домов бревна и доски и ладили лестницы. Через несколько дней выстроили первый камнемёт. С грохотом он начал метать большие и малые глыбы, дробя стену. Другая машина, когда её ставили на берегу Днепра, соскользнула, проломила тонкий декабрьский лед – и на глазах горожан, изумлённых жестокостью, полуголых работников заставили лезть в студёную воду. Время от времени кто-то проваливался на глубину реки, его сразу же сносило течением. Помочь не разрешали. А все попытки вырваться, сбегать пресекались плахами и виселицей. После этого на сторону князя Александра встал весь Киев: отдавать родных на милость такого победителя не желал никто... Грохот от падавших камней не смолкал даже в темноте. И едва осадные орудия сумели повредить одну из башен и ближний к ней участок стены, начался второй штурм. К наметившемуся пролому поползла пехота. Одновременно, чтобы раздробить силы защитников, началась атака с других сторон. Вот только в этот раз, помня о судьбе посадов, горожане стояли как один: на стене смешались кольчуги дружинников, кожаные доспехи и толстые стёганки ополченцев.

Для витязей и ополченцев всё спуталось в кровавом хаосе битвы, никто из выживших на стенах потом так и не сумел рассказать о сражении складной историей. Только рваные куски, даже не поймёшь, что было раньше, а что – позже. Вот карабкается по лестнице молоденький парнишка с блестящей саблей: не успев спрыгнуть на стену, он падает вниз с рассечённой головой, увлекая за собой лезущих следом. Вот ополченцы сталкивают рогатками лестницы, а стоящий рядом старый лесоруб уверенно, как привык

рубить в лесу вековые ели, рубит топором ползущего по лестнице врага. Вот угодила в воронку и застыла одна из осадных башен: её закидали смолой и подожгли. А дальше сразу две башни подъехали к стене, оттуда посыпались вражеские солдаты. Им на встречу кинулись ополченец и дружинник, стараясь даже ценой жизни задержать врага у спуска в город, пока спешит подмога. Повсюду кипел отчаянный бой!

Несмотря на сопротивление защитников, Медведи закрепились на стене. Загудел рог, призывая бросить отвлекающий штурм и спешить к месту прорыва. В этот момент Александр показал не только храбрость, но и выдержку с точным расчётом полководца. Едва враг чуть отошёл от ворот, спеша к захваченной стене, как личная дружина великого князя неудержимой волной ринулась на врага. Свежие воины конной лавиной понеслись по округе, сметая попавших под копыта, сея панику и угрожая ворваться в лагерь. И резервы мятежников вместо штурма поднялись в седло, попытались перехватить дерзких воев... Момент был упущен! Небольшой заминки атакующих хватило, чтобы помощь с других концов города успела подойти к опасному месту и нападавших отбросили. Когда же в городе узнали, что смельчаки вернулись почти без потерь, за молодым князем потянулась слава счастливого. Каждый хотел подойти к нему, потрогать и получить от него хоть капельку удачи. А осада продолжилась.

Как будто понимая, что в случае поражения пощады не будет, Медведи воспользовались тёмным искусством. Вражеское чародейство не давало обороняющимся обстреливать бегущих к городу солдат – выпущенные из луков и скорпионов стрелы пролетали не больше десятка шагов, а огонь под котлами со смолой бессильно гас. Это был акт отчаяния: за такое братья Святого Доминика отыскивали и жгли виновных вместе с семьёй и роднёй до десятого колена. И даже киевский князь, инквизицию на своих землях обычно не жаловавший, в подобных случаях помогал розыску. Вот только Хотим, судя по всему, рассудил, что решать – дьявольское колдовство или божье чудо – будут победители. Горожане дрались с отчаянием обречённых. То тут, то там над стеной поднималась новая лестница, летели, хватаясь за зубцы, петли веревок, по которым неутомимо, словно не люди, а муравьи, лезли враги. Вот где-то удалось запалить костёр и в лицо Медведям плеснули смолу, жидкую как вода, дымно-пламенную. А чуть дальше, разметав ополченцев, участок стены отгородили два ежа мечей, между которыми подкатила башня и в город штормовой волной хлынули вражеские солдаты...

Сотня пешего войска медленно вышла из дальнего леса на истоптанное пепелище посада. В городе сильнее ударили колокола, зовя на помощь. А Медведи словно и не сразу

заметили дерзкую горстку, они продолжали неторопливо мостить вязанками хвороста ров и толкать осадные башни. Пешцы отошли от опушки на расстояние половины выстрела из лука, когда встречная полусотня конных нацелились в их тыл. Лихие всадники были похожи на соколов, которые заходят косым полетом, чтобы ударить сверху на утиную стаю. Тогда вторая сотня пеших вышла из леса, а первая остановилась. Неожиданность лишила всадников порыва. Конница замялась перед копьями, из-за которых густо посыпались стрелы. Стало понятно, что перед ними не кучка воев, жертвующих собой, чтобы продлить агонию града, обречённого на поругание волей Старшего боярина. Пронзительно свистали дудки десятников, ревели рога сотенных начальников. Коноводы гнали лошадей прямо ко рву, и Медведи, бросив осаду, садились в седло. Внезапно еще один отряд пеших витязей вышел из лесу, и ещё один. Не разрывая строя, будто скованные цепью, подобно железным полкам знаменитых легионов латинов, они спешили к городу – и над всё новыми и новыми полками реяли княжеские хоргуви. Кто-то из гонцов всё же добрался до подмоги!

Глава 7

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был -
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Закат давно отгорел, час был поздний, но воевода Богодан никак не мог заставить себя лечь. Пожилому воину не спалось, уж больно дурные вести пришли из Киева. «Правы в чём-то были деда, – размышлял Богодан. – Правы, когда требовали от князя силу показывать каждый год. А если не можешь – уступи». Сам он с нынешнего лета так и хотел. Это сейчас зима, и на рубежах тихо, не воюют обычно по холодам. Как появится свежая трава, да зазеленеют листья, так сразу и навалятся. Если не поганая чудь или пруссы²³

²³ Стоит отметить, что пруссы, а также родственные им племена чуди заметно отличались от современного нам тихого, спокойного и не воинственного населения Прибалтики. И уж вовсе не были, как описывалось в советских учебниках, забитыми славянами, которых грабили и убивали злые рыцари-меченосцы. Тогда это были воинственные племена самых настоящих дикарей, любивших промышлять грабежом и оставлявших после себя выжженные земли. Покорить и усмирить их смогли лишь совместные

начнут деревни жечь, так гнесинская шляхта опять в набег за холопами пойдёт. И запылывает пограничье. Особенно сейчас, когда Игоря вынесли на погост, а новый великий князь ещё не показал, что и его надо бояться. Поэтому едва зазеленеет трава, пусть на границу полки поведёт кто помоложе... Гонец от передовой заставы примчался ночью. С вестью, что идёт не просто большой отряд набежников, а войско гнесинского короля перешло границу. И всем, от воеводы до отрока было понятно, что просто стоянием друг напротив друга да угрозами в этот раз не кончится. Король Казимир, судя по всему, решил, пока в Киеве неурядица, взять на щит, а то и попытаться захватить спорные земли вдоль границы.

Богодан встретил врага на равнине, в удачном для себя месте. Вроде и ровное поле, но за спиной холмы, где, если что, легко оборониться. И куда враг, не зная тайных троп, не доберётся. И теперь гнесинские шляхтичи крутили круг²⁴ перед строем пехоты, а закрывшиеся чешуёй щитов древляне отвечали. Длинный пехотный лук бил дальше конного, всадники были чуть быстрее – но существенного значения это не имело. Потери с обеих сторон всё равно будут невелики. Вот пешие стрелки выбьют то одного, то другого налётчика, вот упадёт пронзённый стрелой щитоносец и в рядах древлян образуется брешь. А его товарищи плотнее сомкнут щиты, защищаясь от обстрела. Ещё несколько минут – и под прикрытием стрелков в атаку пойдут рыцари, а дальше всё будет зависеть от искусства пехотинцев. И пусть своя конница почти вся ушла вместе с княжеской армией против карантанцев. Если древляне сумеют быстро перестроиться, когда стрелы уже не летят, а бронированный клин ещё не ударил – всадники увязнут на копьях, а строй пехоты перемелет и их, и легковооружённых кнехтов, бегущих следом. Не сумеют – рыцарская масса разорвёт линию обороняющихся, ударит в спины, а подоспевшие кнехты довершат разгром.

Впрочем, небольшой сюрприз Богодан подготовил. Полесское княжество, расположенное между землями Великого князя и гнесинским королевством, было небольшим, но драчливым. Тамошняя вольница любила ходить в набеги и на гнесинов, и на древлян, и на не признававших Христа пруссов. Впрочем, с древлянами уже давно был мир, а вот ненависть к гнесинам последние десятилетия, когда шляхтичи надумали расширить границу державы на восток и принялись разорять полесские деревни и угонять селян в

действия новгородцев, польского королевства и созданных для защиты пограничных земель немецких рыцарских орденов... И лишь когда угроза сошла на нет, союзники вцепились друг другу в горло при разделе добычи

²⁴ Приём в первую очередь лёгкой конницы, когда всадники по большой окружности скакали перед врагом и с ближней точки на скаку пускали стрелы

холопы, разгорелась буйным пожаром. Потому-то и откликнулось на призыв воеводы больше двух сотен лихих набегников. Когда тяжёлая конница только-только начнёт свой разгон, в неё из засады ударят полесские латники. Встречная лавина замедлит атаку, заодно потреплет лёгкую конницу и примется резать кнехтов, пока древляне добивают рыцарей.

Всё вышло совсем иначе. Воевода дал сигнал, полесцы помчались навстречу шляхтичам... Только вместо встречной сшибки конный вал ударил в спину правому флангу пехоты и разметал ставку воеводы: золото маркграфа Леопольда оказалось сильнее ненависти к давнему врагу. В замешательстве драгоценные секунды были потеряны, и рыцари прорвали центр строя, а кнехты начали смыкать окружение. Опытные воины, не раз бившиеся на границе, не растерялись. Бросив тех, кого не могли спасти, они сгруппировались вокруг уцелевшего левого фланга и ошетилившееся копьями каре начало отступление. Ещё немного – и хотя бы остатки армии вырвутся из ловушки. Внезапно на холмах показался новый отряд: яркие знамёна и разноцветные одежды, сияющие пики и алебарды... Швейцарская пехота! Неизвестный предатель провёл непонятно откуда взявшийся отряд горцев-наёмников тайными тропами в тыл! Всё, что оставалось древлянам – продать свои жизни как можно дороже. Но силы были неравны, древлян засыпали стрелами, а отчаянные попытки вырваться раз за разом натывались на плотную стену швейцарской пехоты. К ночи всё было кончено. Лишь победители ходили по полю, искали своих раненых и добивали чужих. Из древлян не спасся никто, дорога на восток была свободна...

Гонец с плохими вестями примчался на рассвете, когда Александр собрал воевод обсудить штурм Борович-городка, где укрылся Хотим Медведь с остатками мятежников. Ильмень-город не смог прислать ополчение в помощь Великому князю: в море заметили драккары, готовые к набегу. Кто-то знал о мятеже и предупредил северных ярлов, и теперь викинги только и ждали, пока войско уйдёт из города. Александр вместе с воеводами в ответ на новость только выругался от души. Увы, ильменский посадник выходил со всех сторон прав. Вместе с Псковом ильменцы были щитом от вторжения язычников. А если викинги сожгут Ильмень, то Псков границу не удержит, и весь север зальёт кровью. Но едва князь закончил ругаться, к нему подвели нового гонца. Рубаха и свита у парня оказались заляпаны грязью, под глазами легли чёрные тени усталости от долгой скачки. Увидев правителя, гонец кинулся к нему:

– Беда, князь! Карантанцы напали! – парень вдруг пошатнулся и ухватился за плечо сопровождавшего его гридня, чтобы не упасть. Было видно, что держится гонец на одной воле.

– Горячего вина! – крикнул князь. – Выпей, – лично подал он чашу, – и рассказывай, – сердце вдруг тревожно сжалось: Ирина осталась в Киеве. А укрепления повреждены, столицу же маркграф Леопольд наверняка осадит. Устоит ли Киев ещё раз, пока князь спешит на помощь?

После вина гонец порозовел, чуть пришёл в себя и поведал подробности. Враг перешёл границу севернее, чем ожидали – со стороны гнесинов, а не через Валахию. Судьба войска воеводы Богодана неизвестна, Смоленск пал, Шикша и Полоцк в осаде. Когда вестник уезжал, до столицы враг ещё не добрался, но ждали его под стенами Киева со дня на день.

– Князь, медлить негоже... – обратился один из воевод.

Александр ощерился в кривой ухмылке: после разгрома под столицей он пообещал вогнать бунтовщиков живьём под землю. Но терять время на штурм Борович-городка теперь нельзя. Вот только Медведи об этом не знают...

– Пусть объявят! Если город в течение дня выдаст зачинщиков мятежа, то я обещаю прощение всем, кто только выполнял приказ. Если же откажут... Через седмицу здесь будет пепелище, на котором люди побоятся селиться до скончания веков!

Город принял условия. И всего через пятнадцать дней Александр смотрел, как на широком поле засыпанных снегом остатков посада, топча свежий утренний снег, из походных колонн разворачивались войска. Князь подхватил с земли пригоршню белого пушистого снега, смял в руке холодный комочек, глубоко вдохнул морозного воздуха. И вдруг подумал, что отсюда, с холма, люди кажутся ненастоящими. Яркий блеск полуденного солнца слепил глаза, съедал цвета и делал предметы внизу какими-то неживыми. Отчего сходство с серебряными солдатиками тонкой византийской работы, которых в детстве подарил Александру отец, становилось ещё сильнее. Вот только боль и смерти грядущего сражения будут настоящими. Если бы там было только войско маркграфа... Но даже издали заметны вставшие отдельным лагерем солдаты в двухцветных штанах и роскошно отделанных камзолах, украшенных всюду буфами, разрезами и нашитыми пёстрыми лентами. Проклятые швейцарцы! Про которых не зря говорят – нет швейцарцев, нет победы.

Размышления прервал гонец, примчавшийся от войска: оказывается, в стан маркграфа несколько дней назад приехал посланец патриарха, и теперь легат под угрозой отлучения от церкви и интердикта на обе стороны настаивает на том, чтобы князь и маркграф сначала попытались договориться. Мол, худой мир лучше доброй ссоры. Александр в ответ только усмехнулся: добро. Хорошо бы переговоры затянуть подольше, тогда к нему успеет подойти ополчение рифейских мастеровых, а может и ильменцы. После этого ещё посмотрим, кто сильнее – швейцарец или древлянин!

Они встретились на поле между укрепленными лагерями – два отряда человек по десять, в схожих зимних плащах, и легат патриарха, в белом плаще с большим красным крестом. Обе группы спешили, предводители вышли вперёд. Между ними судьёй встал священник, вдруг напомнивший князю ворону, прилетевшую поживиться падалью. Даже чёрные волосы и чёрные одежды под плащом отдавали сизым. И, словно продолжая мысли, внезапно переменился ветер и принёс откуда-то запах гари.

– Войдя ко второй половине жизни своей и предвидя уже закат своего греховного существования, в седирах подобно этой земле, в ожидании, когда припаду к стопам Господа нашего, – сухим каркающим голосом начал легат, – обещаю, буде спросят меня о делах, каковым выпало ныне мне свидетелем быть, повествовать только о доподлинно виденном и достоверно слышанном, без упования пронизать сокрытый смысл событий, и дабы лишь передать события сии. Все мы дети Господа нашего, и как отцу многие печали, если ссорятся чада его, так и Отцу небесному тяжело, если забывают сказанное Сыном его в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». Поэтому, прежде чем лишать жизни ближнего своего, пусть каждый из вас скажет, что на сердце у него и попытается решить дело миром.

– Пока жгут наши веси, пока... Богом вручено хранить мне землю мою. И как заповедовал первый из князей земли нашей, кто с мечом к нам придёт, от меча пусть и погибнет, – первым высказался Александр, мысленно считая: три дня, переговоры надо затянуть самое большее на три дня.

В ответ маркграф Леопольд начал длинную речь об обиде, причинённой его купцам. И что сам он не возьмёт себе ни одной медной монеты... Вот только его расходы, включая найм швейцарцев и выплаты родственникам обиженных, должны быть возмещены. Едва

прозвучала сумма, которую должны будет отдать каждый город и каждая весь «с дыма²⁵», Александр не выдержал:

– А не рановато ли кабальный договор выдвигать начал? У нас говорят, пока белку не стрелил, шкуркой не торгуй.

В ответ прозвучали холодные слова церковника:

– Как пастырь несёт ответственность за стадо, так и овцы принимают болезнь пастуха своего. Митрополит Древлянский Гумберт уличён был в чёрном колдовстве, но братьям Доминика его не передали. И потому со смертью отступника его грех перешёл на страну.

Александр заиграл желваками: хорошо хоть крыса римская не догадывается, что пытал Гумберта лично князь вместе с Глебом. И за убитого отца... И слишком много погань могла рассказать посторонним. Вот только если бы знать, как его на этом словят... Выдал бы с отрезанным языком и переломанными руками чёрным братьям, а там пусть что хотят, то и делают.

Тем временем представитель патриарха продолжил:

– Требования маркграфа Леопольда и забота о ближнем праведны. Потому, дабы избежать кровопролития, вы примете их. Под угрозой отлучения страны.

Слова прозвучали. Александр сжал рукоять меча так, что побелели пальцы... И пусть после встречи на заснеженном поле переговоры длились целых две седмицы, итог остался прежним. Из-за Рима князь проиграл войну без единого сражения. Вдвойне горько было говорить об этом ополчению из Рифейских гор и особенно дружине Ильмень-города. Северяне, разгромив в кровопролитном сражении десант с драккаров, без роздыха кинулись на помощь столице. И оказалось, что жертва напрасна... Хотя и не совсем: едва в свите молодого князя появились суровые кузнецы Рифеи и жилистые ильменцы, аппетиты Леопольда и патриаршего посланника поубавились. Александру даже удалось договориться, что половину виры за Рифею и Ильмень-город внесёт патриарх, а оставшуюся часть княжеская казна. И на долю в княжеских богатствах маркграф не претендует, ведь князь за мифических разбойников не ответчик... Вот только за это чёрные братья ордена Доминика получают право выискивать уличённых в колдовстве по всему

²⁵ Налог в то время собирался не с заработка или продукта конкретного взрослого мужчины, а «с дыма» – то есть с одного хозяйства, которое и платило все подати. При этом не имело значения, одна ли семья живёт на данном подворье или несколько

княжеству, князь отдаст патриарху право инвеституры²⁶. А города и веси всё равно будут обязаны выплатить грабительскую дань.

Год спустя полуденное солнце лениво играло на зимних улицах столицы, сквозь переплетение веток бросая ломаные тени в комнату, затерянную между каморками прислуги и бесчисленными кладовыми в доме Глеба. Время от времени ветки качались – отчего тени прыгали, рисуя невидимой кистью тёмные и светлые полосы по брёвнам стен, столу и сидящим мужчинам. Маленькая неприметная комнатка... только здесь Александр хоть ненадолго мог ощутить, что они по-прежнему близкие друзья, а не князь и префект. Здесь же обсуждались и самые важные дела, иногда довольно горячо. Но всегда без старшинства. Вот и сегодня Александр показал на разложенные по столу листы дорогой папирусной бумаги и с ненавистью произнёс:

– Глеб, ты понимаешь, что нас обложили со всех сторон? Рим потихоньку вводит своих людей в городские вече. Ещё вёсен десять – и люди Григория будут не только запрещать неугодные решения, но и указывать, кого ставить посадником.

Друг усмехнулся:

– А есть выбор? Либо соглашайся на такого вот советчика, либо сдохни от голода, пытаясь выплатить виру карантанцам или возвращая долг монастырским ломбардам.

На несколько минут в комнату вернулась тишина. Затем Александр постучал ногтем по разложенным бумагам:

– Нас затравят, как тура или медведя. Всё было подстроено заранее. А мы-то думали, что удачно воспользовались этим дураком Гумбертом. Уверен, кирос Григорий задумал всё заранее. Когда вместо отца Иллариона назначили ...

– Теперь уже всё равно, – пожал плечами друг. – Отцу Иллариону надо бежать, – вдруг резко сказал Глеб. – Скоро истекает срок, когда должны рукоположить нового митрополита. И по обычаю должен им стать настоятель храма Апостола Андрея. Разжигать недовольство слуги кироса Григория не станут, и так ставленниками Рима полны все монастыри и церкви. Отца Иллариона или убьют...

– Добро. Ты ведь всё уже решил и подготовил. Только куда?

²⁶ Инвеститура – в средневековой Европе юридический акт передачи земельного владения или должности, закреплявший вассальную зависимость. Особым видом инвеституры является церковная инвеститура, состоявшая в назначении на церковные должности и введении в сан. Спор за инвеституру, то есть право назначать епископов и настоятелей монастырей шёл между светскими и церковными правителями всё Средневековье. Отлучение от церкви (интердикт) – временное запрещение всех церковных действий и треб (например, миропомазания, исповеди, бракосочетаний, евхаристии), налагаемое за проступок. Часто интердикт налагался на население целой страны или города, гораздо реже — на отдельных лиц

– На север. Есть у меня там небольшой купеческий городок на Москва-реке. Место удобное... и глухое. Я считаю, что мы должны порвать с Римом.

Александр печально улыбнулся:

– Раструбить глашатаи могут хоть завтра, меня поддержат и бояре, и мастеровые, и смерды. И интердикт никого не остановит, даже по церквям не обратят на него внимания. Только дальше? После отлучения на нас объявят крестовый поход. Сколько мы удержимся, особенно теперь?

– А мы пригласим на подмогу Великого Хана. И попросим помощи у родни с Севера. Многие боярские роды в родстве с ярлами – те не откажут.

– Сажать вместо одного ярма другое?

– Зачем? – Глеб вдруг снял кольцо воина и положил на стол. – Я давно говорил, что неплохо бы нам, по примеру степняков, создать не только Университет, как в Лютеции или Болонье – но и школу для воинов. Собрать в наставники витязей с кольцами. Собрать тех, кто готов драться. Тогда лет через пять у нас будет сила на равных говорить с послами Великого Хана. А уж тот будет только рад отодвинуть вечные стычки с наёмниками патриарха на нашу западную границу. Отец Илларион считает также.

Князь ответил не сразу. Некоторое время молчал, потом вдруг снял с шеи медальон, где носил миниатюру-портрет жены. И с ненавистью произнёс:

– Я не хочу, чтобы Ирина вдруг силой ушла в монастырь, потому что так захотел кто-то в Риме. Я согласен. Делай, как считаешь нужным. Делайте вместе с отцом Илларионом. И пусть если не успею я, то мой сын мечом вернёт то, что принёс Древляню маркграф Леопольд и патриарх Григорий.

Глава 8

Тот, в чьём сердце – ад пустыни, в море бедствий не остынет,

Раскалённая гордыня служит сильному плащом.

Доски пола загрохотали под тяжестью сапог, с первого этажа послышался звук споткнувшегося обо что-то человека и ругань:

– Куда запряталось это тёмное отродье!

Услышав гнусавый солдатский голос, Эффламина испуганно обхватила худенькие плечи и прижалась к брёвнам стены, а Керидвен крепче сжал нож и чуть сдвинулся, чтобы встать между сестрой и входом в комнату. Парень взглянул на свои смуглые руки и вдруг подумал: «Тёмное отродье... сколько раз за свои четырнадцать лет я слышал эти слова? Ну что же, теперь нас и правда можно называть именно так. Интересно, а там, у

Закатного моря, отца звали светлым отродьем? Хотя вряд ли... «Светлый» не ругательство...»

Шум внизу прекратился, и подростки услышали, как кто-то выходит на крыльцо, пнув носком сапога остатки двери. Их не найдут! Их не должны найти! Удачно, что старая лесная дорога привела именно сюда, в один из заброшенных домов бывшего митрополита. Говорят, старик баловался чёрным колдовством, и, вспоминая рассказы, как бессильно падали стрелы и гас огонь во время штурма столицы, Керидвен охотно в это верил. Да и сам он чувствовал, как по подвалу ещё бродили остатки мрачных теней. Поэтому и стояли хоромы нетронутые. Даже нищие бродяги – и те обходили их стороной. Керидвен и сам бы не стал здесь прятаться, вот только когда стало ясно, что уйти от погони они не смогли, парень потащил сестру именно сюда. Каморки прислуги и бывшие кладовые второго этажа напоминали перепутанный клубок. И обыскивать дом ночью, как надеялись беглецы, солдаты побоятся.

Внезапно из отверстия под потолком раздалась спорящие голоса. Эффламина вздрогнула, но Керидвен закрыл ей рот ладонью и, прижавшись губами к самому уху сестры, еле слышно прошептал:

– Это внешняя стена, посмотри, какие толстые брёвна. Будем сидеть тихо – мы их услышим, они нас нет.

Тем временем спор набирал силу. Высокий аристократичный голос настаивал немедленно обыскать всё от крыши до подпола, а второй – басистый и слегка хрипловатый – отказывался. Мол, куда щенки от них не денутся. А до заката всего два часа, и ночью рисковать своими людьми в проклятом доме он не собирается. «Доминиканец-ищейка, – подумал Керидвен. – А второй – командир дружинников». Перепалка длилась недолго. Слышно было, как подошли солдаты, искавшие в доме, и хриплый рявкнул:

– Я княжий человек, а не твой цепной пёс. И если князь помогает Пресвятой Церкви в искоренении колдунов – это ещё не значит, что мои люди должны рисковать душами!

С улицы донёсся звон сбруи и топот лошадиных копыт.

– Уехали, – одними губами выдохнул Керидвен. – Ждём до ночи и уходим. А пока поспи.

После чего уселся на пол в дальний угол и, дождавшись, пока Эффламина поудобнее устроит голову у него на коленях, укрыл девочку своей свитой. Хорошо сейчас начало лета, а крыша устояла – в доме сухо и тепло. Хотя после трёх суток погони они

уснут даже в луже грязи – лишь бы не просыпаться от каждого шороха да не ждать каждую секунду окрика и свиста аркана.

– Спи... – чуть слышно шепнул парень сестре. – И пусть тебе приснится море.

Керидвен плохо помнил море – ему не было и трёх, когда родители покинули ласковые берега, чтобы поискать счастья в самой восточной из стран, признававших слово и закон Божий. Но детская память сохранила океан зелени, где утопали небольшие белые домики, почти скрытые садами и виноградниками. И безбрежную лазурную гладь, с шипением бросавшую белые барашки пены, от которых мальчик убегал и прятался в золотистый песок. А вот Эффламина росла уже здесь. И море для неё только рассказы мамы и брата, да пара картинок, привезённых с собой...

«Зачем... – с горечью подумал Керидвен, – зачем вы уехали в эту далёкую и холодную страну?»

Впрочем, он знал почему. Отец слишком устал слушать разговоры за спиной. Что, мол, и мать нагуляла ублюдка с викингом, и что жену себе взял такую же странную. В лицо бросить оскорбление никто не решался – ведь «беленького» признал сам покровитель рода Конлетов и капитул ордена Драконов. Но сплетни иногда ранят сильнее стали. Потому-то, когда Старший боярин Хотим Медведь решил взять для сына в учителя и телохранители настоящего шевалье из драконов, Дэноэль размышлял недолго.

«Если бы отец знал», – от горькой мысли парень вздрогнул, но тут же замер, испугавшись разбудить сестру. Четыре года назад Медведи подняли мятеж... И, несмотря на помощь самого митрополита, проиграли: свирепого и жестокого хозяина Борович-городка поддержали немногие, остальная страна встала за молодого правителя. Князь Александр простил родню мятежников, заявив, что «стадо за паршивую овцу не в ответе». Вот только не смогло его милосердие ни возродить сожжённые поля, ни остановить дожди, смывшие большую часть уцелевшего урожая... «А деньги, оставшиеся у мамы, помогли пережить два голодных года, но не вернули сгинувшего в сече отца...» Эта мысль стала последней перед тем, как вслед за сестрой парень провалился в сон.

Мальчику десять, а девочке шесть. Они сидят вместе с мамой в небольшой комнатке доходного дома, куда переехали сразу после смерти отца. За окном гудит вьюга, и тепла от идущей с нижнего этажа трубы очага хватает только чтобы согреть кусочек комнаты рядом с собой. Поэтому и придвинули к трубе большую спальную лавку. Рядом на старом сундуке сидит женщина. На улице уже собираются сумерки, но немного света сквозь маленькое оконце ещё проникает. И мама плетёт

тонкое иберийское кружево для очередного заказчика... Вот только мало кто нынче может позволить себе такую роскошь. Усталые глаза слипаются, и чтобы не уснуть женщина рассказывает детям легенды и истории, одну за другой.

– Далеко-далеко в небе живут дети первого дня Творения, когда отделена была твердь от воды и воздуха...

– Длаконы?

– Да, лучик, драконы. И нашёлся как-то дракон, который поспорил с архангелом Рафаилом, что познал крылатый мудрец природу человека до самого дна. И поселился дракон в море. Долго он жил на самом дне морской пучины, лишь на закате поднимаясь к берегу, чтобы погреть сверкающую чешую под алым солнцем, а потом искупаться в лунном сиянии. И узнали об этом люди, и пошёл среди них разговор, что если поймать дракона, прикоснувшись к нему – он обязан будет исполнить любое твоё желание. А сын Вечности потешался над глупыми созданиями, время от времени позволяя «поймать» себя, а потом исполняя требования людишек – но так, чтобы возжелавший проклял миг, когда встретил чудовище. И смеялся дракон, и лишь грустно улыбался Рафаил.

Много прошло годов, много желаний исполнил живущий-на-дне-моря, и много слёз пролили жадные люди – но не иссякали желающие. А он лишь смеялся. В один из дней случилось невозможное. Дракона «поймала» совсем ещё юная девушка. Усмехнулся мудрец, и такое было не раз, да прогрохотал: «Говори, чего хочешь – и я выполню любое твоё пожелание!» Но девушка лишь сказала: «Ты самое прекрасное, что я видела. Нельзя запирать красоту в клетку. Я только хотела попросить – останься со мной, если сможешь. Пожалуйста!»

Удивился дракон – от него много раз требовали, но ещё никогда и никто не просил. И поклонился архангелу, и сказал: «Признаю неправоту свою. Вели, исполню, что скажешь». Ничего не ответил на это Рафаил, лишь благословил и девушку, и дракона, да попросил крылатого смирить гордыню свою. И исчез. А живущий-в-морской-глубине пообещал именем архангела, что будет с необычной девушкой до дня Страшного суда. Но короток человеческий век, а слово, данное архангелу – нерушимо. И стал дракон покровителем детей той, что сумела подарить всемогущему чудо. А потом и ордена рыцарского, основанного сыном девушки. Как только проявит себя сын или дочь рода доблестью, силой, волей и решимостью плести свою судьбу – дарит

мудрый свой знак. Каждый не похож на остальные. А капитул и глава рода по знаку выбирают цвет для нового брата ордена.

– А какой дракон был у папы?

– Белый... – голос вдруг дрогнул, и женщина умолкла. А потом повторила почти шёпотом. – Ослепительно белый...

Керидвен проснулся от металлического звука, который, как ему почудилось, раздался откуда-то снизу. Какое-то время беглец напряжённо вслушивался, сжимая в руке нож и стараясь при этом не разбудить сестру, но звук не повторился. «Показалось, – парень ощутил, как напряжение, сковавшее руки, отпускает, и внезапно понял, что глаза полны слёз. – Мама, – вспомнил он свой сон. – Ты так и не увидела, как мудрый-из-морья признал одного из нас...» Мама пережила отца всего на два с небольшим года.

От голодной смерти на улице детей спас Жанвье, такой же выходец с Закатных берегов, как и отец. Хозяин трактира много лет назад тоже перебрался в окрестности Киева в поисках лучшей доли – но до сих пор помнил откуда он, и считал, что земляки должны помогать друг другу. Дядюшка Жанвье приютил сирот в своём трактире... Работать за кров да еду – но по нынешним временам и это было неслыханной роскошью.

...роды длились почти десять часов, или тяжело, и у девушки, лежащей на лавке, не осталось сил криком разгонять влажный воздух бани. Будущая бабушка давно уже отослала в дом младшую дочь, и с удовольствием отправила бы к остальным Эффламину, чтобы и девочка хоть немного отдохнула – но лекарка Калерия запретила. Её тоже проверяли в десять: хватит ли сил выдержать чужую боль, сумеет ли она остаться с пациентом до конца. Целитель – не сапожник и не гончар, он не может отложить свою работу «на завтра». И если помощница сегодня выдержит, Калерия продолжит учить дальше.

Вот только случай бедной девочке достался печальный. Опытным взглядом лекарка заметила скрытое от остальных: роженицу, скорее всего, не спасти, уцелел хотя бы ребёнок. Слишком часто за последние годы она видела, как ударили голод и проклятая вира маркркграфа, слишком много сил жадной пастью отобрали они у людей. А Серафина и раньше не могла похвастаться крепким здоровьем. Лекарка вздохнула, после чего велела тётушке Изоре вскипятить ещё воды и принести свежее полотно. Осталось уже недолго, и пусть лучше мать не видит смерти дочери, это всё, чем она может помочь старой подруге.

Заперев дверь, Калерия открыла рот, чтобы приказать Эффлаmine готовиться к операции: надо спасти хотя бы мальчика... Как слова застряли в горле. Под руками ученицы плясало чёрное с белыми искрами и прожилками пламя. И с каждым языком дыхание роженицы становилось ровнее, на щеки возвращался румянец, а ещё через несколько минут младенец недовольным криком возвестил мир о своём появлении. «Тёмная целительница, – выдохнула еле слышно Калерия, – сподобилась-таки увидеть...» Но Серафима и малыши ждать не могли, поэтому остальные мысли были отложены на потом. Лишь когда лекарка убедилась, что больше ничего ни матери, ни ребёнку не угрожает, она оставила обоих на попечении помощницы и новоиспечённой бабушки. А сама поспешила в дом.

Остальные обитатели трактира «Весёлый плотник» вместе со священником, который должен будет прочитать над новорождённым оберегающую от нечистого молитву, ждали вестей в общей зале. По случаю рождения первого внука заведение было закрыто, а светильники погашены – и сидящих освещало лишь закатное солнце, весело игравшее заалевшими зайчиками на отполированных до блеска дубовых столах да на сосновых досках стен.

– Внук у тебя, Жанвье, радуйся, – усталым тоном произнесла Калерия. – Да не меня, сестру его благодари, – женщина села на лавку перед остальными и вдруг показалась всем какой-то враз постаревшей. – Хорошая целительница растёт, талант от самой Богородицы. К тому же – Тёмная целительница, – лекарка оглядела удивлённые и непонимающие лица, и её голос вдруг приобрёл жёсткие нотки. – Много таких раньше было, да уже моя наставница про них только слышала. Сила им дана, но помогает она, когда больной к краю подошёл. Тому, за которым пустота.

Калерия вдруг умолкла – и вместе с ней молчали остальные, словно боясь нарушить тишину. Наконец, вздохнув совсем по-старушечьи, женщина сказала:

– Сообщать о таких положено. Вот и я доложу... Только не стоит на ночь глядя-то идти. Жанвье, найдёшь мне комнату? Вот и славно. Отосплюсь, позавтракаю и в город пойду. Чёрные братья у нас только в городе, вот туда и поспешу.

– Не так, – вдруг замотал головой отец Никифор. – Вместе пойдём, медлить не должно. Как я положенное закончу – по тракту поспешим, – сделала он ударение, – стар я лесными тропинками по буеракам ходить. Вот только стар я, спина болит, ноги. Прострел в спине случиться может, так что ты, Калерия, снадобье приготовь...

До своего-то дома я точно доковыляю, а там полечишь меня. До утра. А пока пошла-ка, проведаем, как там Серафина с Изорой. А сестру евойную сюда пришли, устала она, бедняжка. Пусть отдыхает.

Дождавшись, пока лекарка и священник скроются за дверью, Жанвье тоже встал, залез в потайной ящик под стойкой, достал серебряник и положил на стол перед Керидвеном:

– Завтра трактир тоже не работает, но потом открываемся. Сбегаешь вместе с сестрой за зеленью. А пока отдыхайте, мы же, – он с силой ухватил за плечо зятя, который возмущённо порывался что-то сказать, – так вот, остальные, семья, так сказать, сейчас пойдём проведать дочку и внука. Ты понял?

Керидвен моргнул ресницами, дав знак, что понял: такие как Фламина подлежали аресту, те, кто укрывает либо их, либо сведения о них, казни или ссылке вместе с семьёй на рудники. Пастух ты или даже сам боярин – у братьев Святого Доминика хватит силы настоять на своей воле и призвать к ответу виновного.

– Ещё, – уже от самого входа повернулся Жанвье. – Я там, в стойке, всю выручку за вчерашний день забыл убрать, и нож боевой, что седмицу назад постоялец у нас забыл. И ключ от кладовой там же лежит, – пожилой трактирщик вздохнул и, тяжело ступая, пошёл вслед за зятем и младшей дочерью.

Керидвен очнулся от гулко уханья филина, раздавшегося из-за стены. Не может быть! Он и не заметил, как заснул снова. Парень прислушался к внутреннему чувству времени: почти полночь.

– Просыпайся, лучик, – аккуратно потрепал он сестрёнку по волосам, – нам пора.

Спускались осторожно, стараясь не шуметь. Хоть и уехали гончие, но осмотрительность никогда не бывает во вред. Потому-то, прежде чем ступить на лестницу, парень осмотрел просторную горницу первого этажа как можно тщательнее. Хотя толку от этого всё равно было чуть: света нарождавшейся луны едва хватало различить проёмы окон и двери.

Они успели пройти вглубь комнаты всего несколько шагов, как сразу с двух сторон на них кинулись тёмные фигуры. «Фламина, беги!» – успел крикнуть парень и ткнул ножом ближайшего солдата. Стражник отбил неумелый выпад и сильным ударом заставил парня согнуться от боли, а ещё двое возникших в дверях воинов ухватили за руки Эффламину. Почти сразу же за окном вспыхнули факелы, заливая всё вокруг ярким до боли светом. А на руках пленников защёлкнулись оковы.

Во дворе всех встретили остальные ловчие и оба командира:

– Попались, крысята, – лисье лицо ищейки исказила злорадная гримаса. – Жаль, девка мелковата. Вот, помню, ловили мы ведьму в Карантанской марке... – закончить свою скабрёзную историю он не сумел, обжёгшись о полный ненависти взгляд пленника. – Ах ты, гадёныш!.. – замахнулся инквизитор для удара... И задёргался, не в силах высвободить руку из железных тисков полусотника.

Невысокий, широкоплечий и чернобородый, витязь напомнил Керидвену собак лесорубов: такой же спокойный, сильный, знающий себе цену – и готовый порвать горло любому, на кого укажет хозяин.

– Суда не было, – пробасил мужик. – И пока их не признали виноватыми, обижать не смей. Я княжий человек и закон нарушать не позволю!

Всё случившееся потом Керидвен ощущал будто в тумане. И как воинов князя сменила церковная стража в белых плащах, и как в железной клетке везли «отдавшихся злу» через весь Киев. Хорошо хоть дядька, остановивший ищейку, всё время оставался вместе с ними, не давая издеваться над «тёмным отродьем». Впрочем, на площадях, где выставлялась клетка, белоплащаники были даже довольны помощью княжеского дружинника. Слишком громко слышны были возгласы при виде Фламины: «Детей-то за что!» И страха, который возникал на лицах, стал тем, что не дало парню окончательно провалиться в тупую пелену равнодушия к судьбе.

Плохо запомнился и суд. Заседали не на княжеском дворе и не у посадника: для таких, как Керидвен и Фламина, в одном из подвалов Тайного приказа было отведено большое душное помещение, давящее своими низкими каменными сводами и освещённое лишь немногочисленных факелами. Обвиняемые сидели в той же самой клетке, прямо на полу, чтобы члены трибунала могли смотреть на предавшихся искусителю рода человеческого сверху вниз – словно ещё раз показывая торжество божьего закона. Но к этому моменту подросткам было уже всё равно. Даже когда вызвали очередного свидетеля, и дядька Жанвье, мямля и отводя глаза, подтвердил, что да, эти двое служили у него и сбежали, обокрав хозяина, у Керидвена не осталось сил, чтобы хоть жестом, хоть глазами показать враз постаревшему трактирщику – они всё понимают, они не сердятся. Но вот отзвучали последние слова, и прогрохотало решение передать виновных светским властям. Нет, не для казни. Поскольку Фламина считалась ещё ребёнком, суд назначил обоим пожизненное заточение в свинцовых казематах Тайного приказа. Дабы у предавшихся нечистому было время раскаяться и исправиться. К огромному удивлению, пленников из

зала отвели не в казематы. Камера расположилась в полуподвальном этаже высокой каменной башни где-то среди посадов, и сквозь небольшое окошко под потолком даже было видно небо, а на закате заглядывало вечернее солнце. Да и кандалы сняли, кормили их два раза в день, а на полу нашлась изрядная охапка сухой соломы.

Завтрак и ужин приносили всегда в одно и то же время, поэтому, когда посреди ночи лязгнула дверь камеры, пленники вздрогнули от ледяного ужаса. Вряд ли кто захочет платить немалую влазную пошлину²⁷, чтобы пообщаться с колдунами. Эффламина испуганно прижалась к брату: неужели всё? К огромному изумлению, это были не тюремщики. В камеру вошли двое – уже знакомый полусотник ловчего отряда и высокий мужчина с редким для древлян зелёным оттенком глаз. Судя по свите из добротного сукна, но без вышивки – мелкий боярин, способный поставить «в копьё» не больше десятка бездеспешных. Грива чёрных волос, тонкие черты лица... Только вот стоит отвести глаза, и через несколько минут ты уже не сможешь точно описать, кого видел недавно. Витязь молча посмотрел на всех троих, после чего вышел и плотно закрыл за собой дверь.

– Остр, – представился черногривый. – Как зовут вас, я знаю. Так что на этом знакомство считаю состоявшимся и предлагаю перейти к делу, тем более что времени у нас мало.

Гость с удовольствием отметил спокойные лица пленников. Похоже, обойдётся без истерик.

– Завтра утром вас переводят наверх. Под крышу. Или... Могу предложить иной вариант. Если, конечно, согласитесь.

Керидвен криво усмехнулся: нет у них никаких «или» – в камерах, расположенных под самой свинцовой крышей, даже здоровые мужики живут не больше года-двух. Что уж говорить про него или Эффламину.

Остр истолковал всё правильно. Он кивнул, соглашаясь, и продолжил:

– Тогда перед тем как мы отсюда выйдем, несколько условий. Первое – все вопросы потом, как приедем. Второе. Надеюсь, ты, парень, будешь благоразумен. И не попытаешься сбежать или чего учудить в дороге.

Брат с сестрой кивнули соглашаясь. Сразу же после этого Остр коротко стукнул два раза в дверь и, подождав несколько минут пока шаги стоявшего за дверью утихнут, повёл всех к выходу. К изумлению бывших узников задний двор, куда вывела дверь, был пуст, а ворота распахнуты. Лишь один раз с обратной стороны башни послышались чьи-то шаги.

²⁷ Влазная или влазная пошлина – деньги, которые можно было заплатить тюремщикам за свидание с заключённым

Но никого увидеть они не успели – при первом же звуке Остр изменился в лице, толкнул подростков за один из сараев во дворе, и схоронился рядом сам. Коротко бросив:

– Тихо. Не люблю лишней крови, даже чёрных братьев – а другие без спросу ночами здесь не ходят, – и, чуть помолчав, пробурчал себе под нос. – Совсем обнаглели, будто здесь им земли франков или италийцев.

Сразу за посадом всех ждали четверо воинов с осёдланными конями. И вот уже не первый день их маленький отряд мчался на север. Остр мог и не беспокоиться о побеге: в первый и единственный вечер, когда они заночевали на каком-то постоялом дворе, сил у подростков после дня бешеной скачки оставалось только чтобы впихнуть в себя ужин и свалиться спать. А дальше дорога пошла опустевшими после мятежа землями, всё больше и больше забирая на север. И отстать здесь от своих спасителей означало для брата с сестрой такую же гибель, как и в тюремных камерах. Разве что окружать их будет не камень стен и душный воздух нагретой солнцем свинцовой крыши, а высоченные сосны или тёмный ельник да мрачный березняк. Впрочем, желание сбежать даже не просыпалось. Вечером второго дня Керидвен случайно заметил под рубахой одного из воинов шейную гривну княжеского дружинника. И теперь парня мучало жгучее любопытство, зачем кто-то из ближников, а возможно и сам великий князь, рискуют спасти осуждённых Церковью? Фламина же всю дорогу просто таяла от непривычной ласки: заморенная, невысокая и худенькая девочка вызвала у суровых мужиков отеческие чувства. И каждый старался чем-то Эффламину побаловать, на привалах подсадить поближе к огню, а на ночь дать ещё и своё одеяло.

К обеду очередного дня Остр вдруг пустил лошадей шагом, словно давая всем отдышаться. Почти на закате узкая таёжная дорога вывела маленький отряд к крайнему дому то ли большого села, то ли даже небольшого города. Высокие избы, все как одна на подклете – нет ни землянок, ни вросших в землю «чёрных» изб. Никаких стен или частокола, зато целых три широких улицы. А в самой середине ближайшей к ним улицы – несколько огромных трёхэтажных домов. Словно княжеские палаты. Какое-то время Остр задержался на опушке, дав ошеломлённым подросткам прийти в себя. Но потом посмотрел на багровый шар, уже начавший прятаться за верхушки деревьев, и приказал отдать коней солдатам. После чего повёл подопечных к ближней трёхэтажной хоромине.

В сенях они чуть не столкнулись с мужчиной в крестьянской рубахе – не старик, но уже наполовину седой, а всё лицо в морщинах. Завидев его, Остр радостно хлопнул хозяина дома по плечу и гаркнул:

– Здорово, старый сыч! А я как раз хотел детишек здесь оставить и тебя искать. Принимай, пополнение привёз!

– Сколько меня знаешь, а выучить имя никак не можешь. Филин, запомни – Фи-лин!

– И правда, сын мой, – раздался от входной двери мягкий голос. – Не стоит разжигать грех гнева. Ты ведь знаешь, как Филин не любит такое обращение.

– Да и накормить детей надо бы. Знаю я, как ты гонишь, небось с самого отъезда кусок в горло не лез, – добавил кто-то ещё.

Обернувшись, все увидели рыжебородого мускулистого франка, который сопровождал невысокого пожилого священника. Стоило бы испугаться или удивиться... но, видимо, есть у человека какой-то предел, за которым он перестает воспринимать даже самое невозможное как чудо. И сейчас оба подростка смотрели на здешних обитателей лишь со спокойным интересом.

Они не заметили, как куда-то исчез Остр: отец Илларион негромко что-то сказал хозяину, и Филин пригласил всех в горницу.

В комнате пахло травами, свежими досками и едой. Пахло так сильно, что Керидвен и Фламина невольно сглотнули слюну, а в животах призывно забурчало: обед был уже давно, да и пришлось дневная стоянка на какое-то сырое полуболото. Филин истолковал всё правильно, но за ужином всё же сумел удивить столичных «гостей» ещё раз. Когда за столом посадил приехавших с Остром не на место младших, а как равных.

После ужина все расселись вокруг стола и Филин начал:

– Вы хотите спросить: где вы и почему. Так? – и дождавшись утвердительного кивка, продолжил. – Это место называется Тайной школой. А почему... Потому что здесь собрались те, кто не желает становиться холопами патриарха. Это наша страна! – словно мечом рубанул он словами. – И здесь князь вместе с нами собирает тех, кому надоело склонять голову.

– Это наша земля, – эхом повторил отец Илларион. – И только мы имеем право решать, по какому закону нам жить! Нашим порядком, нашей волей и словом Господа. А не словом Рима и забывшего заповеди апостолов патриарха, который травит неугодных и неудобных по своей прихоти и мнимой вине.

Разговор и неожиданная проверка встречавшими, которые оказались наставниками, длились допоздна. Пока новые ученики не свалились от усталости в отведённой для них комнате. А в самый глухой час ночи, тихо, чтобы не потревожить спящих, в комнату зашёл Остр. Он делал так всегда – перед тем, как уехать за следующими.

«Ещё два птенца расправили крылья. Хотя, – мужчина заметил на шее парня и девочки два вырезанных из дерева медальона, на которых были неумело, но старательно нарисованы драконы: когда они приехали, этих украшений ещё не было, – не птенцы. Драконы. И значит у тени, которая закрыла нашу страну, осталось ещё меньше времени».

Остр аккуратно поправил у девочки одеяло и вышел, неслышно притворив дверь. Его ждали другие, которым тоже надо помочь расправить крылья.

Часть III. Степной волчонок

Глава 9

*О гроза, гроза ночная, ты душе - блаженство рая,
Дашь ли вспыхнуть, умирая, догорающей свечой,
Дашь ли быть самим собою, дарованьем и мольбою,
Скромностью и похвальбою, жертвою и палачом?*

Багровое ото сна солнце выглянуло из-под тонкого одеяльца горизонта. Моргнув, осветило нитки ковыля и притихло, испугавшись бесконечной равнины. Словно задумалось – вдруг не осилит охватить степное приволье? Но набравшись смелости, вспыхнуло и принялось нежно ласкать тонкими лучиками остывший за ночь блёклый земной покров. Заверещали обрадовано кузнечики, раздался радостный птичий вскрик, ликующе запиликали цикады. Торжествуя ухнул филин, довольный новым днём. Неслухивзвёздочки рассыпали на прощание слезинки росы и важно стояли в пунцовом небе. А ковыль расправил свои золотистые реснички и восторженно захлопал, радуясь солнцу... И вдруг пригнулся, смятый копытами коня спешащего куда-то всадника.

Джебэ мчался, не обращая внимания ни на недовольство ковыля, ни на птиц, вспархивающих из-под копыт и гневно спешивших кинуться на потревожившего гнёзда человека. Каждая минута дорога! Неподальёку объявилась стая помесёньшей собаки и волка – такие легко пьянеют от крови и запросто учинят резню в стаде. А пастухов слишком мало. Сами не справятся. Поэтому гонцом в стойбище послали пусть и самого молодого – и шестнадцати ещё нет – зато лучшего наездника... Вот только ночью прошёл дождь. Прошёл неширокой полосой, захватил лишь дальние пастбища на другой стороне реки. Вода всё равно поднялась, а ждать, пока река спадёт, или ехать до дальних бродов не было времени. Пришлось сначала переправляться, держась за седло коня, а потом, перемазавшись в глине, помогать животному выбраться на берег. А дальше гнать коня как можно быстрее.

Стойбище встретило Джебэ твёрдой землёй и пряными запахами летней травы, уже несколько дней не видевшей влаги. Парень спрыгнул на землю, сунул повод одному из мальчишек и поспешил к старейшине. Впрочем, искать главу рода не пришлось: Дорчжедарга всегда вставал одним из первых. К тому же просто так гонца не посылают. Поэтому едва увидев мчащегося всадника, мужчина заторопился навстречу. Выслушав рассказ парня, старейшина тут же начал отдавать команды мужчинам и женщинам, собирая помощь пастухам и распределяя, кто отправится сейчас, а кто сменит родичей ночью. Джебэ получил приказ отдыхать. Его черёд придёт тоже ночью: пусть он лучший наездник в роду, даже для него спешный путь оказался нелёгким. Почтительно кивнув в знак согласия, парень отправился чистить и кормить коня.

Глина облепила и всадника, и коня с ног до головы, потому возиться пришлось долго. Джебэ как раз закончил, собрался вымыться сам и почистить халат, как из-за спины раздался звонкий девичий голос:

– Вот это да! Везде сухо, а он нашёл, где в грязь макнуться!

Обернувшись, парень мысленно вздохнул: Навчин! Вот уж принесла нелёгкая! Первая красавица рода, от парней отбоя нет, даже взрослые мужчины из соседних стойбищ на девушку поглядывали, хотя той и пятнадцати нет. Но вот прицепилась она к Джебэ. И поддеть старается при каждом удобном случае. Видимо, потому, что парень единственный внешне оставался равнодушен к её чарам. Хотя сам тоже не раз мечтал красавицу обнять, а, может даже и поцеловать... От таких видений сразу начинало бешено стучать сердце – вот только признаться в этом он никогда бы не решился. Поэтому всегда отвечал, едва с ним заговорят про Навчин: девушка она симпатичная, и в другое время он, может, за ней бы приударил. Как-никак ему шестнадцать, пора и семьёй обзаводиться... Только вот другое призвание его ждёт. Уже сейчас Джебэ лучше всех держится в седле, из лука стреляет не хуже опытного воина. Поэтому не хочет, как отец и старшие братья, всю жизнь провести на пастбищах и торгуя с соседями. Не хочет и как брат Навчин идти в набежники, что время от времени тревожат границы Древлянского княжества... Или нанимаются к тамошним боярам, пощипать соседа и прикрыть державу Киевского князя от таких же вольных степных ватаг.

Навчин тем временем старалась. Язвительно прошлась и по внешнему виду, и по тому, как он плохо относится к коню – это по каким буеракам надо гонять животное, чтобы так измазаться?

– Или ты, наконец-то, решил, – продолжила девушка, – как остальные стать? Из светленького... Ой!

Проходящая мимо женщина отвесила Навчин здоровенный подзатыльник, обругала, мол, если делать нечего, занятие девке она найдёт. И приказала идти за собой. Джебэ только усмехнулся: если уж собираешься сказать что-то нехорошее, смотри вокруг. Да, Джебэ и правда на остальных непохож: кожа очень светлая, русый – в мать-древлянку пошёл. В Приграничье такие браки обычное дело. Мама лучшая во всём аймаке²⁸ ведунья и знахарка была. А когда шесть лет назад какой-то шаман наслал на стойбища моровую язву, не жалея себя с болезнью сражалась. И одолела хворь... Только надорвалась тогда, сгорела. И года потом не протянула. Но соседи добро помнят, и за хулу Навчин влетит изрядно. Так ей и надо!

Спать в родительскую юрту Джебэ пошёл не сразу – сперва решил заглянуть к деду Бяслагу. Бялаг встретил внука на пороге юрты: старик сидел и готовил из чурбачков заготовки для стрел. У других мастеров такой работой занимаются помощники, но бывший ханский нукер всегда делал всё сам, от начала и до конца. И приезжали за стрелами с его клеймом издалека, а платили вдвое против обычной цены. Завидев парня, старик с кряхтением разогнулся, приглашающе махнул рукой и пошёл в юрту. Джебэ понимающе кивнул: опять дед сидел на земле, подложив лишь тонкую кошму. Значит, вечером занует старая рана на ноге, бабушка Ургамал примется делать притирания и ругаться, что старый совсем себя не бережёт. Но это будет вечером. А сейчас бабушка достанет пиалы из тонкого фарфора, которые дед привёз из похода на Чосон, медный чайник чеканки мастеров из Рифейских гор – его Бялаг сторговал, когда ездил в охране посла в Древлянье... Будут разливать душистый чай, дед – вспоминать, как он служил в ханских нукерах: старик успел повоевать и с древлянами на западе, и с шорцами на севере, и со спесивыми ханьцами на востоке. А ещё Бялаг станет делиться с любимым внуком свежими новостями и сплетнями от заезжих торговцев, а бабушка – ворчать, что старик опять забивает молодому парню голову всякой ерундой.

– Особый год, – начал старик, едва пиалы наполнились горячим напитком. – Вот попомните, этот год изменит многое.

– Ты это и четыре года назад говорил, – отмахнулась Ургамал, – когда на цветную кошму сел Мудрейший.

²⁸ Аймак – в тюркских, монгольских и отчасти тунгусо-маньчжурских языках первоначально родоплеменное подразделение (род, племя и даже народ); в феодальную эпоху крупное владение, удел, иногда ханство (у монголов)

– Э-э-э, то был хороший год.

Джебэ закивал: что тот год был хорошим, говорили все взрослые. Великим ханом стал Субудей, которого наградили титулом Мудрейшего, ещё когда он был простым тысячником. А у парня с этим ханом были связаны и свои надежды: поговаривали, что новый правитель Степи отменил наказ своего предшественника набирать учениками только юношей из богатых родов. И под ханскую руку будут теперь, как и раньше, звать всех достойных. Школа знаний Джебэ не интересовала, а вот воинская Академия... Глядишь, и он станет нукером, как дед Бяслаг. Который также уехал полвека назад из родного стойбища в столицу аймака учиться на воина.

Тем временем старик продолжал.

– Сами подумайте. Мы что у древлян-то торгуем обычно?

– Ну... – задумался Джебэ. – Дерево. Лён. Зерно ещё, если своего мало.

– Во! Вот только зерно-то уродилось в этом году хорошо. А всё везут и везут. Мне говорили всех, кого можно позвали, телега за телегой едет. И не конями да кожей с коврами платим, как обычно. Говорят, из казны Великого хана. Золотом, пряностями да шёлком из Чосона и Солнечных островов.

– Да ну? И что с того? – удивился парень.

– А то, что торговать-то со степью древлянам только через этих, с крестом, можно.

– Х-х-х, – усмехнулся Джебэ. – А то мы без этого не торгуем. Да через Приграничье почти все мимо стражи и княжьих тиунов возят. Старшие караванов потому всегда под кем-то из древлянских бояр ходят.

– Не так много, – покачал головой старик. – Было дело, я тогда младше тебя был – также оплошали. Потом лет десять только от чосонцев зерно и возили. Всё это время старейшины с тамошними соседями поссориться боялись, даже в набег туда не сходить было.

– Деда, если знают, чем дело кончится – зачем снова-то?

– О! – старик поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем. – Тут, говорят, приказ самого Великого! Он зря не укажет. Вот только что задумал Мудрейший, нам никогда не угадать. А ещё, – дед подмигнул внуку, – слух был. Мол, Старшие ханы решили войско увеличить. Не потому ли и запасы набирают? Значит, ты можешь...

– Хватит тебе, – замахала Ургамал. – И так парню голову воинским делом задурил, а теперь ещё и ерунду всякую рассказываешь. Ты бы, жеребёнок мой, о другом лучше

думал. Вон как на тебя Навчин смотрит. Если этой осенью посватаешь, смело можешь свою юрту ставить.

Парень тяжело вздохнул: опять бабушка Ургамал за своё. Спорить с ней себе дороже, проще согласиться. А он точно знает: его судьба не растить бороду крестьянина-арата, а носить усы и косу воина. Да и не согласится Навчин никогда. Тем временем бабушка как всегда будто прочитала мысли внука.

– Ну-ну, – улыбнулась женщина. – Опять размышляешь о воинской славе. А если вдруг Навчин сама тебе скажет, что любит?

– Никогда так не случится! – замотал головой парень. – Но если всё же... Конечно я останусь! – и покраснел.

– Вот и договорились, – улыбнулась бабушка. – Только помни наш уговор.

Вечером Джебэ вместе с остальными отправился на дальние пастбища, разговор с дедом подзабылся, смешался с десятками таких же... А через несколько дней вдруг снова всплыл в памяти, словно первый луч рассветного солнца. В стойбище в сопровождении двух нукеров приехал гонец с пайцзой²⁹ одного из Старших ханов! Поглядеть на гостей высыпали все, кто в это время был в селении – и было на что посмотреть. Халаты и шаровары нукеров – не обычных бурых и коричневых, а ярких красных и оранжевых цветов, конические шапки на отворотах украшены лисьим мехом, а сверху – волчьими хвостами. Сёдла ярко блестели стальными клёпками, а на конях лежали цветные попоны. И самое важное: гонец принёс весть, что с этого года повелением Великого хана, да славится его имя в веках, в воинские Академии и в Школы знаний может поступить любой желающий. Если выдержит экзамен. И испытания для будущих воинов из здешнего аймака будут в стойбище, где родился Джебэ! После речи гонца лица взрослых загорелись: принимать гостей, конечно, затратно, зато тогда и осенняя ярмарка будет на их землях. Джебэ этого не заметил. В голову парня, словно хмель от перебродившего кумыса, ударили слова ханского посланника. Все мысли занимало одно: что ему теперь прибыль с торга, доля от семейного дохода, если он сможет уехать в столицу аймака? Стать ханским нукером?.. А потом, когда-нибудь, даже воином из бунчука³⁰ самого правителя Западной Степи!..

²⁹ Нукер (монг., затем тюрк.) - друг, товарищ. Так назывались дружинники ханов, составлявшие постоянное личное войско. Пайца, пайза, пайдза (кит. pǎizi тюрк. байса, монг. гереге — «дощечка», «табличка») — верительная бирка, металлическая или деревянная пластина с надписью, выдававшаяся китайскими, чжурчжэньскими и монгольскими правителями разным лицам как символ делегирования власти, наделения особыми полномочиями

³⁰ Бунчук – древко с привязанным хвостом коня либо яка, служившее знаком власти. Иногда так называли и подразделение личных гвардейцев хана

Сами испытания Джебэ не запомнил. В памяти осталась лишь какая-то мешанина из борьбы на поясах, стрельбы из лука и бешеной скачки, когда он в самое последнее мгновение опередил своего главного соперника на целый лошадиный корпус... И восхищённый взгляд Навчин, которая стояла вместе с остальными возле стойбища, где завершалась скачка. «Пришёл в себя» парень, лишь когда судивший экзамен гонец выкрикнул его имя в числе тех, кто отправится вместе с ним в столицу аймака. Если, конечно, захочет да будет на то воля отца семейства и главы рода... Впрочем, последнее было лишь данью традициям. Глупцов, готовых отказаться от чести и выгоды послать хотя бы одного сородовича в нукеры, не было. И теперь от воинской славы парня отделяло только короткое: «Да!» – которое он произнесёт завтра в ответ вопрос, хочет ли служить хану.

Весь вечер Джебэ не мог уснуть. Всего один день остался... Наконец, ворочаться в своей постели надоело. Парень натянул халат и вышел на улицу. Может, свежий воздух нагонит сон? Солнце уже спряталось за горизонт, но последними лучами ещё цеплялось за край неба. Золотисто-зелёная днём, теперь степь стала темно-зелёной. Уже понеслись первые трели ночной музыки: пересвисты сусликов, трещание кузнечиков, крики проснувшихся с закатом ночных птиц. Парень лёг на землю, закрыл глаза, зарылся лицом в траву и словно начал растворяться в окружающем безбрежном безграничье.

Джебэ заметил, что кто-то подошёл, только когда человек лёг рядом. Вдруг парень почувствовал, как его обнимают тонкие девичьи руки, переворачивают, а губы обжигает раскалённый холод поцелуя. Джебэ вздрогнул, судорожно вздохнул... Кто это? Что случилось?! Руки узнали раньше хозяина. Навчин! Как? Почему? Но руки и губы опять решили за него: за первым поцелуем последовал второй, потом третий. Вдруг на губах стало солоно. Джебэ провёл рукой по лицу девушки, стирая непонятно отчего полившиеся слёзы. И спросил:

– Ты... ты чего?

– Не надо! Не уезжай!

Жаркий шёпот красавицы раздался в ушах грохотом.

– Прошу. Остайся. Остайся со мной!

Джебэ ответил не сразу. Он не знал, сколько они лежали вот так обнявшись, ощущая, что кроме них во Вселенной больше никого не существует. И лишь когда девушка открыла рот, чтобы спросить ещё раз, Джебэ произнёс:

– Ты просишь меня остаться здесь. С тобой?

– Да! Потому что... я прошу... со мной...

И пусть «люблю» так и не прозвучало – обоим всё было понятно и без слов.

– Я... я...

Парень запнулся, не зная, что сказать.

– Нет-нет, не говори ничего сейчас. Ты лучше скажи завтра. Скажешь? Скажешь правильно?

Джебэ кивнул. Девушка в ответ улыбнулась. Сначала несмело, потом счастливо. И радостная вскочила и убежала прочь, пока дома не хватились, куда это она делась. А парень так и остался лежать на траве, бездумно глядя в набухающее чернотой небо. И думая... завтрашний день, такой ясный – вдруг заволокло туманом. Он скажет «да». Вот только как именно оно должно прозвучать?..

Через неделю, когда молодёжь должна была уезжать, проводить будущего воина пришло всё родное стойбище. Джебэ купался в непривычной славе, во внимании старейшин... Ведь нынче парень – не просто один из недорослей, который ещё не обзавёлся семьёй. В аймаке по нему, нукеру самого хана, будут судить о всём роде. Поэтому про ночной разговор Джебэ постарался забыть... Хотя заноза в душе всё равно осталась. Но он ведь честно пытался объяснить Навчин, почему должен ехать. Девушка отказалась перемолвиться с ним хоть словом. Да и бабушка последние дни бросала на парня укоризненные взгляды. Зато дед решение поддержал. И на следующее же утро позвал внука в свою юрту и сказал:

– Молодец. Не слушай ты этих женщин. А теперь на, держи, – старик полез за пазуху халата, достал оттуда стальное колечко с простенькой чеканкой и надел Джебэ на палец. – Давным-давно этот талисман подарил мне один старый нукер и сказал: когда-то его носил великий воин, и с тех пор кольцо приносит удачу тем, кто ищет славы не в золоте, а в булате. Мне завещали передать его следующему воину. Я долго искал и ждал, – в глазах старика вдруг выступили слёзы, и он крепко обнял внука. – Хвала Отцу Степи – дождался. Пусть кольцо принесёт тебе удачу, как когда-то мне.

Раздалась громкая команда. Ханские нукеры и молодёжь лихо вспрыгнули на коней, выстроились в походный порядок. Джебэ последний раз оглядел своё стойбище – и вместе с остальными всадниками растворился в лихой скачке, словно ветер полетел над метёлками ковыля навстречу великой судьбе. Парень не заметил, что провожать его так и не пришла стройная черноволосая красавица, которая всего через три недели должна была отпраздновать пятнадцатое лето и подарить пояс невесты тому, о ком мечтала...

Глава 10

*Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.*

В предрассветном июньском сумраке нехотя вставало солнце. Словно раздумывая: стоит ли уже проснуться, выглянуть из-за горизонта и начать свою работу – или ещё можно подремать? Вот только розовая полоска зари упрямо тянула за собой ленивое светило. Миг назад было серое утро, и вдруг по небу побежали всполохи света, съедая остатки ночи, восток вспыхнул сочными красками, а пастельные цвета нежно раскрасили степь, словно прилёгшая радуга. Заверещали кузнечики, раздался радостный птичий вскрик, ликующе запиликали цикады. А неслухи-звёздочки рассыпали на прощание слезинки росы и важно истаяли в пунцовом небе... Джебэ особенно нравились минуты, когда сияние солнца набегало на город, неторопливо разгоняя тени от городской стены. Почти два года назад его, вместе с десятком юношей, неожиданно выбрали и отправили учиться в столицу Великого хана. Тогда их отряд подъехал к Хэнтей-Батору рано утром, и Джебэ с первого взгляда влюбился в белокаменное кружево ожившей сказки степи... Поэтому, если выпадало свободное начало дня, он встречал утро именно на этом холме. Вот только в этот раз что-то слишком уже задержался, поэтому обратно пришлось возвращаться бегом. Хорошо хоть сегодня не холодно, и тёплое, но тяжёлое дели³¹ осталось в комнате.

«Кажется, смотреть восход до конца не стоило», – подумал Джебэ, на бегу считая оставшиеся кварталы и время до утренней проверки. Хорошо хоть Хэнтей-Батор строили приглашённые ханьские архитекторы и за основу брали столицу Поднебесной. Поэтому в отличие от других городов, Хэнтей-Батор был строго распланирован. Нужен тебе ханский дворец или административные здания – спеши на юг, Школа Знаний, главный храм Отца Степи или остальные храмы – на север, казармы гарнизона или воинская Академия – иди в западную часть исполинского прямоугольника. Не заплутаешь: ведь большие широкие центральные улицы и небольшие узкие дороги остальных улиц делят город на правильные островки-квадраты районов, каждый из которых имеет своё имя. Не то что клубок кривых и путаных улочек, где можно потеряться, отойдя от знакомых мест всего на пару шагов, как в столице родного аймака.

³¹ Дели - внешняя одежда, мешковатый халат из плотной ткани, застёгивающийся у груди. В зимнем варианте может быть подбит мехом

Когда закончились расположенные вдоль восточной стены бесконечные ряды амбаров, Джебэ на несколько секунд встал, высматривая на белёной стене ближайшего забора имя района и орнаменты владеющего им клана. И пытаясь сообразить, куда он вышел, и какой дорогой быстрее добраться до Академии. Первый возможный путь лежал через жилые кварталы вдоль стены, но парень решил, что через Рыночную площадь будет всё же быстрее. Пусть изрядный крюк, зато на широких центральных улицах и дальше можно бежать, а не медленно идти, пропуская идущих к колодцам женщин и спешащих в лавки и мастерские отцов семейств. Джебэ тут же бегом свернул за угол... И чуть не столкнулся с пожилым аратом, шедшим навстречу. Извинившись в полупоклоне и пропустив старшего, юноша несколько минут шёл шагом, чтобы отдышаться. Потом снова побежал. А чтобы отвлечься от подсчёта оставшегося времени, начал угадывать во встречных прохожих, кто идёт перед ним и откуда. Вот, например, этот мужчина, с кинжалом рифейского булата на поясе, в дели, расшитым дорогой каймой на рукавах, и шапке с широкими полосами меха медведя – богач с севера Степи. Можно даже не выискивать на одежде символы клана или аймака. Но и воин явно из хороших: чтобы так украсить шапку, он должен убить зверя в одиночку или получить мех из рук старейшин своего рода. А вон тот – явно купец откуда-то из княжеств Корё или Поднебесной Хань... Торговца выдают золотые браслеты на руках и перстни с массивными камнями – степняк, если захочет похвастаться богатством, нацепит булатный кинжал или подвесит поверх халата дорогую саблю.

Выбравшись наконец-то на проспект, ведущий прямо к рынку и дальше в сторону западных ворот, юноша на несколько секунд вынужден был остановиться, ослеплённый солнечными лучами, радостно прыгавшими по стёклам – в Степи наконец-то научились изготавливать большие куски сами, а не покупать втридорога у ханьцев. И столичные богачи наперебой принялись хвастаться, вставляя в окна вместо плетёных из прутьев решёток или бычьих пузырей крупные, всего из трёх-четырёх кусков стекла оконные витражи. Добавить стены домов из белого камня, белёные известью заборы – и кажется, что в такие дни, как сегодня, город буквально купается и состоит из света. И пусть разум принимал объяснение, что для столичных построек в каменоломнях самым дешёвым оказался белый камень, душа до сих пор замирала перед великолепием города.

Улица вывела юношу к Рыночной площади, где, несмотря на ранний час, уже собралась толпа. Сюда приходили заглянуть в торговые ряды, рассказать и послушать новости, посетить лавки ювелирные, книжные, оружейные, лавки с шелковым товаром,

бронзовыми изделиями и всяческие другие, которых было превеликое множество в домах, окаймлявших эту часть города. Бежать теперь не получалось – можно было лишь медленно шагать через толпу покупателей. И вдруг нахлынули воспоминания.

В прошлом марте, сразу после празднований Нового года, у Джебэ наконец-то появилось свободное время, и юноша с интересом принялся изучать столицу. Старался в свободные часы бродить по улицам, выискивая интересные места и ещё неизведанные уголки. В одну из апрельских прогулок Джебэ и познакомился с библиотекой. Месяц выдался тёплый, но в тот день зима напомнила всем забывшим тёплые дели, что отступила не до конца: к обеду набежали тучи, налетевший ветер принёс с собой запоздалый снегопад и сразу стало зябко и холодно. Джебэ как раз гулял по открытым торговым рядам, когда большая половина площади вместе с юго-западной частью города быстро погрузилась в тень. Но мансарды домов и крыши зданий, расположенных севернее, ещё купались в тёплом свете на фоне голубого неба, и чувствуя, как холод пробирается под лёгкий халат, юноша поспешил туда. Толпа вынесла его к небольшой улице, на которой парень оказался впервые – хотя к этому времени считал, что центр города изучил неплохо. И Джебэ не стал искать знакомую дорогу, а почти бегом заспешил к баням, тем более что улочка шла в нужном направлении.

Заборы всё шли и шли неразрывной стеной, длинной, извилистой и казались нескончаемыми, а холод пробирался под халат всё сильнее, заставляя зубы выбивать лихую барабанную дробь. Поэтому, как только ему попалось здание, вход в которое был разрешён любому, Джебэ не стал выяснять, куда он попадёт. Лишь мельком подивился странному желтовато-золотистому оттенку стен да непривычным в Хэнтэй-Баторе фальшь-колоннам, портику крыльца, и кованым полосам латуни с ручками тёмной бронзы на толстой дубовой двери.

Войдя, юноша оказался в длинном полутёмном коридоре с множеством дверей. Почти все они были заперты, только в самом конце коридора одна приоткрыта и сквозь щель пробивались лучи света. Чувствуя себя донельзя глупо, парень прошёл вперёд, вежливо постучал, не дождавшись ответа, решительно шагнул дальше... и застыл на пороге. Он попал в огромное помещение высотой не меньше чем в два этажа – заполненное книгами! Стеллажи покрывали стены от пола до крыши и казались неисчислимыми. На разных уровнях шли деревянные галереи, которые соединялись такими же дубовыми лестницами – видимо, чтобы легко можно было добраться до того или иного места... Потрясённый, парень озирает окружающее его великолепие. В родном стойбище хранилось

не больше двух-трёх книг – законы и книга Отца Степей, по которым старейшины учили молодёжь читать. В Академии была комната занятий, где лежало, наверное, сотни две книг. Он слышал, что в собраниях Старших ханов, наверное, было и по семь сотен книг и свитков. Но здесь – тысячи! Кому могло принадлежать такое богатство?!

Раздавшийся откуда-то справа голос вывел юношу из состояния протрации. Когда Джебэ вошёл – там было пусто. И, очарованный здешними сокровищами, парень не увидел, как из неприметной дверцы в зал вошёл мужчина-варяг лет сорока с небольшим. А тот, недовольный, что ему не ответили сразу, с видимым раздражением в голосе повторил:

– Так что будущему воину здесь надо? Плац, – в голосе мужчины послышалась насмешка, – в другом месте.

Джебэ, по-прежнему во власти очарования книгами, сарказма не заметил. Вместо этого он сказал срывающимся голосом:

– Это... это все ваше?..

Мужчину вопрос явно развеселил. Он залиvisto захохотал, а потом, слегка успокоившись, ответил:

– Да, неграмотная нынче молодёжь пошла... Это библиотека! – и увидев непонимающий взгляд, пояснил. – Место, где хранятся книги. И где каждый может их прочитать.

Джебэ его слова потрясли до самой глубины души. Он! Может! Прочитать! Их! Все! Дрожащим от волнения голосом парень начал выпрашивать, что нужно сделать, чтобы ходить в библиотеку. Альвар, как звали мужчину, рассказал о правилах. Оказалось, что закрытые двери в том длинном коридоре вели в читальные залы и в помещение каталога. После чего уселся на лавке за небольшим столиком в углу и начал что-то писать палочкой-стилосом на покрытой воском дощечке, коротко буркнув, что заполняет какой-то «абонемент»³².

Воспользовавшись передышкой, Джебэ присмотрелся к библиотекарю внимательней и вдруг с удивлением понял, что не может определить, кто перед ним. На первый взгляд типичный варяг, в столице их жило немало. Довольно высокий, широкоплечий, с густой медно-рыжей бородой и толстыми косами. Вот только... Едва юноша варягов проходил обряд взросления, он начинал собирать волосы в косы и заплетать знаки отличия:

³² Тут автор вынужденно просит прощения за слова-анахронизмы. Но дело в том, что и каталог, и что-то вроде абонемента были изобретены ещё в знаменитой Александрийской библиотеке во времена Птолемея Египетских. А в Каганате к XIII веку уже наверняка узнают от китайцев и о книгопечатании, и о рисовой бумаге. Так что книга будет ценностью, но не такой редкостью как в Европе. Вот только какими словами каталог и абонемент могли называть в XIII веке, я так и не нашёл

посвятившие себя воинской стезе – Одину или Тюру, искавшие славы в море – Ньёрду, в обильных стадах и полях – Фрейру или Тору. Здесь же обе косы спокойно спускались к плечам и были пусты! Чтобы кто-то добровольно причислял себя к неудачникам – такое было вне его понимания!

Удивлённый, Джебэ начал рассматривать библиотекаря внимательнее. Парень был готов прекратить своё занятие в любую секунду, сделав вид, что просто смотрит на стену за спиной варяга. Но мужчина совсем не обращал на него внимания и полностью ушёл в свои записи. Так что уже через несколько минут Джебэ откровенно пялился на Альвара, позабыв о правилах хорошего тона. Дотошно обшарил варяга взглядом несколько раз, пытаясь выловить несуразность. В мыслях как заноза сидело ощущение, что он что-то пропустил. И в какой-то момент Джебэ осенило: глаза! Когда Альвар смотрел на него первый раз, они были пронзительно-голубые, а сейчас – медово-жёлтые! Это же...

– Ну отмеченный печатью Норн я. Или, как говорят у вас здесь – Великий шаман, Одарённый Отцом степи. Можешь потрогать, в воздухе не растаю, – Альвар широко улыбнулся.

Парень почувствовал, как у него начинают гореть от смущения щёки. Мало того, что попался в такую простенькую ловушку, так ещё и выставил себя невежей – за последние полчаса аж второй раз! Про таких как Альвар он слышал, пусть до сих пор видеть и не приходилось. От волнения Джебэ стал крутить на пальце левой руки прощальный подарок деда: парень носил его не снимая. Едва кольцо заметил Альвар, как с библиотекарем произошла разительная перемена. Если до этого мужчина напоминал умудрённого столетиями ворона – то теперь стал похож на хищного ястреба, который приготовился упасть камнем и вцепиться когтями в добычу.

– Откуда это у тебя? – резко спросил маг.

– Колечко? – удивился Джебэ. – Это подарок деда. А что в нём такого?

– Просто колечко, говоришь... – тягуче произнёс Альвар. – Дай ка сюда, – и, взяв кольцо в руки, задумчивым тоном продолжил. – Сейчас посмотрим. Если я не ошибся... – не закончив фразы, Альвар знаком показал юноше следовать за собой и скрылся за дверью, из которой пришёл.

Войдя вслед за Альваром, юноша оказался в рабочем кабинете. Комната была в страшном беспорядке – везде стопками валялись книги и восковые дощечки для записи, на усеявших стены полках вперемешку лежали камни, монеты, куски стекла необычной круглой формы и какие-то устройства. Впрочем, хозяину кабинета подобный хаос, похоже,

не мешал. Сдвинув вощёные дощечки на край стола, Альвар водрузил на освободившееся место масляный светильник, зажёл его, а рядом поставил чашу с водой. После чего пододвинул себе стул и жестом приказал садиться на второй, стоящий с другой стороны стола... Джебэ поморщился, древлянские привычки ему никогда не нравились, но послушно сел. И принялся с любопытством смотреть. Едва одна половинка кольца нагрелась, а на вторую брызнула вода из чаши, парень вскрикнул от изумления. Над кольцом вспыхнула надпись:

«Пусть враги стенают, ибо от Багдада до Магриба

Петь душе Абу-т-Тайиба, препоясанной мечом!»

Альвар довольно хлопнул по колену и весело сказал:

– Вот это да. Вот уж не думал, что встречу это колечко снова.

– Мне подарил его дед. Он рассказывал, что когда-то кольцо носил великий воин, и с тех пор талисман приносит удачу тем, кто ищет славы не в золоте, а в булате.

– Можно сказать и так... – задумчиво протянул Альвар. – Это кольцо много десятилетий назад я сделал моему хорошему другу, Абу-т-Тайибу. Лихому рубаке и весёлому поэту. А потом... Носи и пусть оно и вправду принесёт тебе удачу. Воинский талисман... Абу-т-Тайиб был бы доволен, что кольцо ходит вот так – а не гниёт в земле или склепе...

Тут Альвар словно спохватился, оборвал себя на полуслове и произнёс:

– А в библиотеку заглядывай, рад буду видеть...

За воспоминаниями Джебэ незаметно для себя пересёк всю площадь и остановился, словно вкопанный. Он совсем забыл, что обещал Альвару вернуть второй том «Полной истории» не позже чем сегодня, даже положил книгу в мешок и взял с собой. Но до утреннего построения оставалось уже всего ничего. Времени же забежать по пути в библиотеку не остаётся! И придётся выбирать, куда опаздывать и от кого получать нагоняй: от хозяина библиотеки или от мастеров школы. Колебания длились недолго. Джебэ решил, что лучше рискнёт опоздать к утреннему построению. В самом худшем случае это несколько дней работ по хозяйству. А вот если его больше не пустят в библиотеку...

На построение Джебэ не попал. И как назло, именно сегодня утреннюю церемонию проводил лично глава Школы Тархан, хотя обычно такой рутинной занимались младшие мастера и их помощники. Тархан обвинительно посмотрел на нерадивого ученика и вынес приговор: «Три недели на конюшнях!» За такой проступок, тем более совершённый в

первый раз, выходило чрезмерно сурово. И Джебэ, подивившись излишней строгости, поспешил изобразить на лице страшное уныние. Но в душе парень был доволен: пусть к Альвару он теперь попадёт нескоро, пусть нагонять пропущенное придётся большими трудами – запрета на отлучки за пределы школы не последовало.

Джебэ был бы удивлён, если узнал, что причина такой строгости вовсе не в личной неприязни Старшего Мастера и не в каком-то давнем ослушании ученика. И что виновник всего – Альвар. Через месяц после знакомства с юношей в доме библиотекаря «встретились побеседовать» несколько «старых друзей». Если бы Джебэ оказался в комнате, он узнал среди приглашённых только главу воинской школы Тархана. Остальные лица были бы ему не знакомы: глава столичной Школы знаний Хозяин тонкого письма Хайляс – он последние годы негласно заправлял Кругом Шаманов, глава клана перуницей Велимудр, который занимался внешней разведкой... и сам Великий хан Субудей.

По правилам этикета чай по пиалам разливает самый старший, а помогает ему всегда самый младший по годам. Но здесь пузатый фарфоровый чайник поочередно побывал в руках каждого из присутствующих – как бы показывая, что все собравшиеся равны между собой. Удобно расположившись в небольшой зале, гости пили терпкий душистый чай, брали с низенького столика сладости и вели неторопливый разговор. Хотя дом и принадлежал Альвару, гости сидели по степному обычаю. Только хозяин взял себе небольшую подушку: все знали, что, хотя варяг и провёл в степи много лет, привыкнуть сидеть на кошме так и не смог.

Первым разговор о делах начал Велимудр.

– Только что пришли новости из Древяня. Как мы и думали, князь Александр без труда разгромил мятеж бояр, даже быстрее, чем мы ожидали. Но всё равно не успел. Маркграф Леопольд ударил раньше, пока войско князя ещё штурмовало Борович-городок.

– Всё равно, даже без ополчения Александр был сильнее, – уточнил Тархан.

– Тоже не успел. Патриарший престол сделал вид, что не замечает подготовки к войне и не послал своего представителя в Тагзатцунг Берна. Потому маркграф смог набрать целых пять тысяч горцев-наёмников. К тому же, с ним пошло немало младших рыцарских сыновей, слух о возможности обогатиться прошёл от Наварры до Арагона. Подозреваю, гнесинским шляхтичам обещали долю с добычи – через их территорию войско маркграфа прошло свободно. Поэтому удар вышел неожиданный.

– Когда вмешался Рим?

– Легат патриарха задержался с отъездом, – кивнул Велимудр. – И подоспел как раз, когда Леопольд взял в осаду Киев. Но раньше, чем ударил Александр.

– А дальше – худой мир лучше доброй ссоры, – вступил в разговор Альвар. – Как мы и рассчитывали. Древляню навяжут такие условия мира... Значит, Григорий всё-таки захотел и Великого князя заставить склонить голову. Приятно понимать, что ты, дарга, – в сторону Великого хана последовал уважительный кивок, – опять не ошибся.

– Да, – краешком рта улыбнулся Субудей. – Пора играть дальше. Следующий ход за тобой, Альвар.

– Нынешний тинг уже не тот, что раньше, – Альвар, в отличие от хана, усмехался открыто. – Наживку заглотив с крючком и леской. Сегодня же отправлю нарочного, и клянусь обманщиком Локи, за мой подарок во время Йоля³³ дракары в эту же навигацию сожгут Тоскану.

– После такого, – удивлённо крикнул Тархан, до нынешнего дня в эту часть интриги не посвящённый, – с патриархом тинг рассорится лет на десять.

– Григорий не простит убытков своих родственников, – добавил Велимудр. – А я позабочусь, чтобы слухи о взятке, за которую тинг продал гибель Тосканы, до патриарха обязательно дошли.

Субудей хлопнул в ладоши, показывая, что согласен, решение принято, и воцарилась тишина. Велимудр снова принялся не торопясь разливать чай по пиалам, а Тархан нарезал шербет. Некоторое время все наслаждались напитком: Альвар не зря был известен среди друзей тем, что покупал лучшие сорта чая из Хань и даже с Цейлона – хотя введённый два поколения назад правителями Шривиджайи запрет на торговлю с Великой Степью соблюдался до сих пор. После чего разговоры возобновились, перешли на внутренние дела.

В какой-то момент Хайляс пожаловался, что за время правления хана Хубилая школы изрядно захирели. С помощью Субудея переменялось многое, но всё равно вылезала то одна неприятность, то другая. Вот и сейчас Хозяин тонкого письма посетовал, что отпрыски более знатных родов мешают учиться выходцам из кочевий победнее. Мол, раз богаче – значит, лучше. Не просто так хан Хубилай одно время только таких принимать и решил. И что самое плохое, немало стоящих учеников их слушают, соглашаются и губят

³³Тинг (древнескандинавское *ting*) - древнескандинавское и германское правительственное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области (позже – из родовитых и знатных мужчин). Йоль (*Yule*, *Joll*, *Joel* или *Yuil*) — у германских средневековых народов праздник середины зимы. Приурочен были в разных странах к зимнему солнцевороту (солнцестояния, 21 декабря) или к официальной середине зимы (праздновался 6-9 января)

нужное честолюбие. Великий хан на рассказ Хайляса только морщился: на цветной кошме Хубилай не просидел и восьми лет, но проблем оставил на три правления вперёд.

– А почему бы не возродить интересную традицию? – вдруг подал голос Альвар. – Когда главы Академий и Школ берут себе личных учеников? Начать со столицы, выбрать подходящих способных парней. В следующем году так поступят и в остальных местах...

– А проследить, чтобы брали только по способностям... нам вполне по силам. Пытаясь добиться места личного ученика, все забудут, что соперник богаче и знатнее, – одобрительно покачал головой Хайляс.

– Кстати, для Академии могу кандидата подсказать. Попался мне недавно, и возраст подходящий. Имя – Джебэ, младший сын от второй жены, род с западной границы. Не нищий, но и не очень богатый. В столичную Академию поступал без протекции. К тому же, довольно редкий дар – его не берёт шаманство мысли. Я не смог коснуться его души. И ещё, мне показалось, что у него есть способности обоерукого³⁴.

– И правда, талант, – удивился Субудей. – Даже без твоей идеи, Альвар, негоже оставлять такой клинок без заточки, – Великий хан повернулся к сидящему справа Старшему мастеру. – Тархан, я хочу, чтобы ты взял его своим учеником.

– Кажется, кто-то торопится, Хиуз³⁵. Похоже, забыл, что я не твой нукер. И надумаю брать ученика – решу сам.

Субудей поморщился, своё давнее прозвище он не любил. Позволить себе к нему обратиться так могли единицы – но мастер Тархан был одним из немногих, чьё мнение Субудей ставил даже выше собственного. Поэтому Великий хан промолчал, хотя весь его вид и выражал недовольство.

– Помню такого. И не отказываюсь взять его к себе, – продолжил тем временем Тархан. – Парень как стрела, если уж помчался к цели – то не остановишь. И это мне по душе. Но перед тем как взять в ученики, я проверю его на прочность. Если выдержит – так тому и быть.

О разговоре не знал не только Джебэ, но даже и учителя. «Проверить» же Старший мастер начал со следующего дня... Заставляя гадать всю Академию, с чего это Тархан невзлюбил парня из какого-то захолустья и чем всё закончится. Кто-то из знатных учеников откровенно злорадствовал, кто-то сочувствовал. А наставники частенько втихаря помогали, стараясь трактовать придирки Старшего мастера так, чтобы наказание вышло полегче. Но с решением «о конюшнях» никак схитрить было нельзя, потому уже в обед

³⁴ Обоерукий – воин, способный одновременно сражаться двумя клинками

³⁵ Хиуз или хиус – несильный, но резкий и пронзительный зимний ветер

парень собрал вещи и отправился за город. Отшучиваясь на советы товарищей «не унывать», что везде можно узнать что-то новое и полезное.

Конюшни располагались довольно далеко за городскими укреплениями, в небольшой низине сразу же за полосой полей. И представляли огороженное собственной стеной множество зданий и подворий, где занимались выращиванием и тренировкой не только коней, но и боевых псов. Подойдя к калитке в воротах, Джебэ ненадолго остановился, осматривая место, где ему предстояло жить почти месяц... Когда ему навстречу выскочило чудовище. Джебэ, конечно, знал про специально выведенную породу боевых собак... Но одно дело слушать рассказы наставников, и другое – когда такой вот пёс ростом до пояса, оскалив пасть, радостно прыгает на тебя.

Джебэ замер на месте, прижавшись к стене и чувствуя, как гулко бухает сердце, а душа стремительно проваливается куда-то в сапоги. Выскочивший пёс был ещё совсем молодым, судя по несоразмерно большим лапам, голове и ушам ему было всего месяцев десять – но клыки и когти уже впечатляли. Щенок встал перед парнем, положил свои лапы ему на плечи и уже вознамерился то ли лизнуть гостя, то ли откусить ему голову, когда сзади раздался окрик:

– Лууны, прекрати! Нельзя, кому я сказал!

Молодой парень, по виду ровесник Джебэ, подошёл к щенку, ухватил за ошейник, и стал выговаривать, помахивая при этом здоровенной хворостиной:

– Я сколько раз тебе говорил – нельзя! – и повернулся, обращаясь уже к Джебэ. – Характер у него – сладу нет. Но вырастет славным бойцом.

Тут парень спохватился, что не представился:

– Очирбат.

– Джебэ, – ответ прозвучал с заминкой, слишком уж сильно ещё стучало сердце. Очирбат запинку не заметил: он уже тащил щенка обратно, приглашающе махая идти за собой.

У нового друга оказался весёлый нрав, склонный к забавам и проказам. Слава несносного шутника за ним закрепилась уже давно. Теперь же розыгрыши Джебэ и Очирбат устраивали вдвоём, а очередная жертва под всеобщий хохот краснела, бледнела и грозилась убить паршивцев. Вот только поймает и докажет, что виноваты именно они... Распорядитель конюшни только вздыхал, да бормотал себе под нос:

– Ну, Тархан, ну спасибо. Удружили.

Когда до конца назначенного срока оставалась ещё неделя, у Джебэ появилось ещё одно знакомство – двойняшки-варяги Глоди и Альвхильд: их тоже отправили сюда в наказание. За то, что противились будущему, которое за них выбрали клан и родители. Глоди мечтал учиться в Школе тонкого письма, но как старший сын ярла должен был избрать военную карьеру. Альвхильд же, наоборот, бредила военным делом, но имела талант к целительству. И пусть у девушки просматривались задатки множества других способностей, может, даже Великого шамана – шансов избрать иную стезю кроме лечения не было совсем. Слишком большой редкостью были сильные целители-Одарённые.

Первые пару дней близнецы относились к Джебэ несколько свысока. Но едва узнали, что он хорошо знаком с Альваром, их высокомерие пропало как по мановению руки. Оказалось библиотекарь – живая легенда народа варягов. Говорили даже, что именно он привел викингов в Степь, когда северные воины раскололись: часть приняла христианство, а остальные сохранили веру предков и стали «теми, кто принёс клятву Великому хану» – варягами³⁶. По слухам, библиотекарь входил в состав тинга варяжских кланов до сих пор, но подтвердить или опровергнуть это Глоди не мог. На вопрос же, почему Альвар не носит в косах лент или других знаков, Глоди только усмехнулся:

– А зачем? Его все знают и так. К тому же, если бы носил – пришлось бы оборачивать косы в материю целиком, да по несколько раз и за каждого из богов.

Рассказ близнецов Джебэ обдумывал долго. И пока оставался на конюшнях, и уже вернувшись обратно в Академию. А, увидев Альвара в следующий раз, стал выискивать в библиотекарё признаки великой силы и божественной мудрости, про которые столько рассказывал Глоди. Всё закончилось тем, что варяг внимательно посмотрел на юношу – сегодня глаза были цвета грозового неба – и с насмешкой спросил:

– Что, узнал очередную легенду про Старейшего? Попросил меня, я бы тебе пересказал с десятков или с два. Тем более что половину из них выдумал сам. Был по молодости грешок тщеславия, каюсь.

Вдруг Альвар резко сменил тон на серьёзный и спросил:

– Что скажешь по поводу «Истории»?

Джебэ ненадолго задумался:

– Ну... если опустить вычурный стиль автора...

Альвар усмехнулся:

³⁶ Слово варяг происходит от древне-скандинавского var – верность, обет. Varing – союзник, тот кто обещал верную службу

– Вычурный – это ещё мягко сказано. Хотя автор и в обычной жизни был изрядным занудой, помешанным на красоте речи. Про него, в своё время, шутили, что Захарий даже за обедом, когда попросит передать солонку, обязательно украсит свою речь двумя аллегориями, одной метафорой и учёными рассуждениями о производстве соли. Но всё-таки, – библиотекарь взял со стола увесистый том и покачал на руке, словно взвешивая, – какие мысли по содержанию?

Джебэ ответил не сразу, а начав, говорил не торопясь. Словно обдумывая каждую фразу:

– «История» рассказывает что произошло. Но совершенно не даёт ответа – почему и как?

– Ты задал хороший вопрос. Как. Как всего за десяток поколений владения Каганата дотянулись от Дарья-е хезар³⁷ до Рассветного океана, потеснив и Поднебесную Хань, и чжурчженей? А ещё возьми любую из столиц аймаков – там бетоном покрыты каждая вторая улица, хотя в Милане, где его изобрели, до сих пор мостят булыжником. Я уж не говорю про водопровод Хэнтэй-Батора, в котором насосами качают воду в городские колодцы. Хотя западнее наших границ таким может похвастаться, наверное, только дворец византийских базилисов. Ты ещё не догадался?

Джебэ смотрел на библиотекаря непонимающе, но увлечённый своими рассуждениями, Альвар не обратил на это внимания:

– После разгрома на Туманном поле уцелевших погнали на восток, вытеснив с большей части территорий, которыми они владели до войны. И встала проблема выживания. Причём выживания не только на «завтра», но и на поколения вперёд. Следующий владыка хорошо усвоил урок, который получил последний из хозяев старого Каганата: с седла можно завоевать страну, но владеть ею – сложно.

Альвар встал и начал ходить по комнате, продолжая говорить:

– Это был великий правитель. Именно ему принадлежит идея гражданства. Когда общество делится не на своих и чужих, а полноправных граждан и жителей. И каждый житель, вне зависимости от того к какому народу он принадлежит – может стать гражданином, со всеми правами и привилегиями. Стоит только сделать что-то заметное на благо степного народа. И пришлые чужаки, и свои старались изо всех сил. Оставалось только выбрать стоящее. А ещё в Каганате ни один из пятёрки Старших ханов не может занимать своё место, не доказав, что он не только хороший воин, но и может вести

³⁷ Персидское Дарья-е хезар – Каспийское море

хозяйство в мирное время. Великому хану наследует не ближайший кровный родственник, а один из Старших. Дети всегда получают титул на ранг ниже отца – и если не могут доказать, что достойны, сами никогда не поведут тумены³⁸. Да много ещё...

– Так это же естественно! – горячо воскликнул Джебэ. – Мы всегда были лучшие! С первого дня, ещё когда Бумын-каган объединил Степь милостью Отца мира, мы стали лучше остальных.

– Лучше? – нехорошо прищурился Альвар.

– Да! Умнее и лучше! Не зря то же гражданство придумали именно мы! – напористо произнёс парень. – И ты меня не переубедишь, я, между прочим, вырос на границе. И могу сравнивать.

В глазах Альвара уже не было грозового неба – теперь там перекатывались свинцом тяжёлые штормовые волны.

– Всегда были умнее и лучше, говоришь?! – с нотами гнева негромко произнёс библиотекарь. – Наверное, не стоит кому-то напоминать, что была ещё Латинская республика, и гражданство мы взяли именно у них... – Альвар вдруг ненадолго ушёл и вернулся с кожаной тубой, и которой достал папирусный свиток. – На, читай!.. – швырнул он свиток на стол.

Парень посмотрел на свиток с удивлением: это было что-то очень старинное. Даже представители поэтической школы «ревнителей», которые с жаром придерживались самых устаревших традиций – и те перестали писать в свитках лет полтора назад. Следовательно, этой тубе не меньше двух столетий. А судя по чеканке на застёжке – возможно и больше. Джебэ осторожно развернул папирус и принялся читать вслух:

Не воздам Творцу хулою за минувшие дела,
Пишет кровью и золою тростниковый мой калам,
Было доброе и злое – только помню мёртвый город,
Где мой конь в стенном проломе спотыкался о тела...
– Что это? – удивлённо спросил юноша.
– Ты читай, читай, – с какой-то грустью сказал Альвар.
Помню: жаркой требухою, мёртвой пылью под сохою
Выворачивалось поле, где пехота бой вела,
Помню реку Аль-Кутуна, где отбросили к мосту нас

³⁸ Тумен или тумэн (монгольское) – высшая организационно-тактическая единица монгольского войска в 12-14 вв. численностью 10 тыс. воинов; подразделялся на тысячи, а они – на сотни и десятки; возглавлялся темником

И вода тела убитых по течению влекла,
 Помню гарь несущий ветер, помню, как клинок я вытер
 О тяжёлый, о парчовый, кем-то брошенный халат...
 Помню горький привкус славы, помню вопли конной лавы,
 Что столицу, как блудницу, дикой похотью брала.
 Помню, как стоял с мечом он, словно в пурпур облачённый,
 А со стен потоком чёрным на бойцов лилась смола.

Дальше Джебэ читал уже про себя. Читал горящие строфы, над которыми от пронесённых сквозь века крови и пожарищ замирало сердце.

– Так что это? – дочитав, негромко спросил юноша.

...Над безглавыми телами бьётся плакальщицей пламя,
 Над Итилем бьёт крылами Ангел Смерти, Ангел Зла.

Булгар плачь – ты был скалою, вот и рухнул, как скала!³⁹

Глухим голосом повторил последние строки Альвар, который всё это время стоял, опираясь на стол рядом с юношей.

– Это «Касыда о гибели Булгара», – Альвар говорил негромко и как-то тягуче. – Когда-то было на Итиле такое государство – Булгар. Когда три столетия назад последний владыка Старого каганата захотел расширить свои владения на запад, Булгар одним из первых попал под удар. И оказал яростное сопротивление – жители предпочли гибель позору и рабству. В устрашение остальным тогдашний Великий каган приказал истребить население до последнего младенца.

– Что тебе рассказали?

Альвар внезапно наклонился над Джебэ, а его речь стала резкой и отрывистой.

– Небось, про раскол в тинге из-за того, что нам навязывали христианство? И про добровольный раздел?

По выражению лица парня библиотекарь понял что угадал.

– Ложь! В те времена мы слишком привыкли продавать свой меч любому, кто больше заплатит. Слишком привыкли к безумной вольнице, к тому, что имеющий меч всегда прав.

– Но как же?... – не удержался Джебэ.

Альвар, не слушая парня, с горечью в голосе продолжил:

³⁹ Переделка «Касыды о взятии Кабира» персидского поэта Абу-т-Таййба Аль-Мутанабби

– Мы не могли рассчитывать на судьбу волхвов Перуна и Велеса. Это Великим князьям было плевать на тех, кто покинул Древлянье. Поэтому выжигали только святилища наиболее упрямых, кто не желал уходить из подвластных Киеву земель. Мы мерили остальных по себе, поэтому испугались – базилевс и слуги патриарха придут во фьорды отплатить кровной мстостью за то, что им принесли в той войне. И их поддержать многие вольные бондэры. Люди устали бояться, люди устали сносить кровь, которую лихие удалыцы по привычке не задумываясь лили не только в походах, но и дома. А христиане несли слово о любви к ближнему, прощении и мире. Мы не стали ждать Рагнарёка⁴⁰, когда нас начнут убеждать не словом, а железом. Мы бежали, бросив всё – лишь бы спастись. А красивую историю про поиск новых земель и стремление сохранить свободу мы придумали уже здесь, на востоке.

Домой Джебэ уходил в смятении – его мир, ещё утром такой простой и понятный, рассыпался. А через неделю ждало новое потрясение. Он уже привык к тому, что Старший мастер его откровенно недолюбливает, и старается показать это при каждом удобном случае. Но когда объявляли, кто из мастеров станет наставником того или молодого воина до конца учёбы – Тархан заявил, что решил возродить старинную традицию и тоже взять ученика. И назвал имя Джебэ.

Глава 11

*Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...*

Учёбу Джебэ закончил среди лучших, хотя и не в первом десятке. Это было очень неплохим началом карьеры, таких брали даже в гвардию Великого хана. Да и прощальные слова Тархана тоже грели душу. По традиции, после церемонии выпуска мастера давали небольшое напутствие каждому из своих воспитанников. И ему учитель сказал:

– Джебэ, пусть ты не стал самым первым – зато в тебе есть кое-что иное. Ты умеешь смотреть вдаль, а потом не останавливаясь идти к цели. И пусть пока ты не всегда можешь

⁴⁰ Бондэры – в эпоху викингов в Скандинавии так звались свободные крестьяне, ремесленники рыбаки, корабельщики, мелкие торговцы. Рагнарёк – по скандинавской\древнегерманской мифологии это конец света, где дружины викингов во главе с Одином (древнегерм. Вотан, сканд. Один) будут сражаться с великанами и тёмными силами. На этом поле погибнут боги

видеть малое, это придёт с годами. А вот умение видеть большое ты должен сохранить на всю жизнь. И тогда даже через годы я с гордостью буду говорить, что ты – именно мой ученик.

Из столицы молодые нукеры разъезжались по всей стране. Не стал исключением и Джебэ. Сначала служба на западной границе – хотя и далеко от родного кочевья. А через три года стал гонцом. По всей степи были устроены почтовые станции, и выносливый вестник мог проскакать от восточной до западной границы всего за десять – пятнадцать дней. С почтой Джебэ, как ему показалось, объехал всю страну – ведь гонца куда только не посылают! Когда же ему исполнилось двадцать пять, его вызвали в столицу – готовился набег на восточных соседей, и кто-то решил, что Джебэ неплохо справлялся командовать десятком озраны гонца. И пора ему попробовать себя командиром полусотни.

Джебэ прибыл в Хэнтей-Батор в начале мая и, въезжая в город, рассчитывал задержаться здесь ненадолго. Но уже на следующий день выяснилось, что выступление войска откладывается. Этот набег был необычен: в него уходила только часть войска Хана востока, да несколько отрядов удалых степняков-набежников. А само нападение должно было лишь продемонстрировать силу как часть переговоров с княжеством Согён – одним из множества больших и малых государств, которые причудливой цепью расположились между восточной границей Великой Степи, чжурчженями и Срединной империей. Серьёзных сражений не предвиделось, и вместе с армией Старшего хана Сордона решили отправить побольше молодых нукеров. Но незадолго до того, как Джебэ приехал к месту сбора, в переговорах наметился успех, и набег отложили.

Джебэ такой задержке обрадовался. Появилась возможность обойти учителей и знакомых, которых не видел с самого отъезда из столицы. Тархана и Альвара, друзей-варягов и многих других. И первым, конечно, Очирбата. Друга он нашёл там же, где и много лет назад, и опять тот возился с очередным щенком. Но, увидев Джебэ, тут же перепоручил дело какому-то мальчишке, а сам обрадовано потащил товарища за собой. Оказалось, что Очирбат стал младшим мастером, и рядом с городом ему теперь принадлежит целый дом.

Засев в одной из комнат, друзья – словно и не утекло стольких лет – сели за шахматы. Неторопливая игра, за которой мужчины делились событиями прошедших годов и вспоминали друзей, шла весь оставшийся вечер. И первыми они вспомнили двойняшек. Очирбат рассказал, как Глоди всё-таки осуществил мечту учиться в Школе знаний. Оказалось, что даже начав военную службу, неугомонный парень не оставил своих занятий.

Сумел придумать что-то очень необычное, и когда об этом снадобье узнали в Круге Тонкого письма, то сразу же «наесли» на отца, чтобы тот разрешил сыну поступить в Школу знаний. Мол, использовать такой талант в качестве простого полусотника – это как рубить булатным клинком дрова. Так что упёртый ярл Торбьёрн Фридгейр всё же вынужден был уступить. Джебэ же рассказал про Альвхильд. Год назад он случайно встретил подругу, упрямая девчонка добилась, чтобы её отправили учиться на север. В тех краях частенько нападали хакасы, шорцы и шайки разбойников – так что теперь Альвхильд запросто могла одолеть в поединке иного нукера.

Хвалились друзья и своими успехами. Очирбат поведал, что ещё во время учёбы у него заметили талант воспитывать молодых псов, и поэтому его сразу хотели оставить в столице. Но упрямый парень добился, чтобы сначала ему дали где-нибудь послужить – что это за мужчина, который ни разу не кропил свою саблю в крови врага! Попал на северо-восток: если ближе к Корё было спокойно, а степные и ханьские торговцы свободно ездили с товаром, то на севере кипели непрекращающиеся стычки. Хоть и прошло уже больше века, Сыновья неба так и не простили ханам потерю земель севернее Великой стены. Там Очирбат поучаствовал в нескольких успешных набегах, а только потом вернулся в столицу. И, мол, если бы не отошёл в прошлое обычай украшать коня трофеями с убитых – с его седла свисал бы неплохой ковёр из отрубленных ушей. Джебэ в ответ рассказал о службе гонца, прихвастнул новенькой косицей полусотника. Вот только на расспросы о Пограничье и о том, откуда у него появилась изумительная булатная сабля, отвечал скупно и неохотно...

Приказ, последовавший за торжественным вручением медальона ханских нукеров, стал совершенно неожиданным. Молодого воина направили не в столицу какого-то из аймаков, не в какой-то из отрядов Старших ханов. На следующее же утро Джебэ, вместе с ещё тремя выпускниками получил указание ехать на западную границу. Они мучились догадками всю дорогу, и с опасениями размышляли, какой будет жизнь на новом месте. Обычно новички всегда выполняли задачи попроще, под присмотром опытных воинов: как бы хорошо ты ни учился, служба – совсем иное. К тому же, на новичков всегда «скидывали» самые нудные заботы. Но чем они будут заниматься на заставах?

Когда парни наконец-то прибыли на место, их встретил сам Дарга Западных границ Нугай. Он же и разъяснил, почему их направили в самое пограничье. Неожиданно Джебэ получил ответ и на вопрос, много лет назад прозвучавший в разговоре деда Бяслуга – зачем Великий хан рисковал, заполняя амбары сверх обычной меры. Ещё только узнав, что после

смерти Яромира прямых наследников у Великого князя больше нет, Субудей предсказал мятеж. Слишком спорны были права любого другого боярского рода, слишком многие с вожделием смотрели на резной княжеский трон. Предсказал Мудрейший и войну, по итогам которой Древляню навязали огромную виру с каждого города и веси. А торговля со степными язычниками напрямую отныне запрещалась под страхом отлучения – только через церковных перекупщиков.

Когда к тягостным поборам добавился неурожай, встала угроза голода – и степняки превратились в спасителей. Раньше обитатели приграничья и мастеровые Рифейских гор торговали с восточными соседями и воевали, нанимали отряды всадников и частенько рождались – но всё же относились к чужакам с некоторой опаской. Теперь же, когда гости с востока делились «последним», на них смотрели как на ангелов! Степняки же взамен ничего не требовали – мол, какие могут быть счёты, если сосед в беде? Разве что узнать от приграничных жителей, каким маршрутом пойдёт очередной патруль, да какое прибыло пополнение на ту или иную заставу. Люди соглашались легко. С одной стороны, на воинов Святого патриархата, заменивших наёмные дружины викингов и боярских гридней, смотрели с ненавистью. Слишком те были заносчивы, часто пользовались своей безнаказанностью, да и набирали их сплошь из земель германцев, франков или иберийцев. С другой – вовремя сказанное слово могло спрятать от бдительных сторожей очередную телегу с зерном или товаром: Великий хан запретил «наживаться на чужой беде», остановил покупные цены на уровне «до мятежа»... И всё чаще добытое охотниками или сделанное в мастерских оказывалось на складах Хранителя западной границы. В год, когда приехали молодые воины, настороженные взгляды ещё встречались – но приграничные земли незаметно склонялись к копытам коня Великого хана без единого взмаха сабли.

Нугай с самого начала решил, что после многих лет вражды встречаться с теми, с кем не раз скрещивал на границе клинки, будет не лучшим выбором. Потому и собирали на запад подходящую молодёжь и опытных воинов с других аймаков. А Джебэ сразу же попал в охрану одного из переговорщиков – из тех, что ездили по приграничным посёлкам и хуторам, договариваясь об обмене добытого в лесу на степные товары, и выведывал новости.

Снова было лето, и Джебэ, едва оказавшись под сводами ещё редкого на самой границе степи леса, вдруг почувствовал, что прошедших лет как будто и не было. Так же шуршали в подстилке из сухих иголок мыши, так же переговаривались вдалеке птицы, так же просвечивало сквозь кроны деревьев закатное солнце. Кажется, вот-вот сгустится

вечерний сумрак, в условленном месте моргнёт фонарь – и они выедут на тайную поляну, где в обход стражи уже приехали и ждут древлянские торговцы: сменять степные ковры на рожь и знаменитые рифейские ножи.

Едва отряд вышел к небольшому посёлку из нескольких крытых лапником и сосновой дранкой изб – молодой воин понял, что изменилось многое. В глаза сразу бросилась нужда, в которой жили люди. Вся одежда носила следы аккуратной штопки, а у женщин почти не было украшений, даже простеньких. Хотя когда Джебэ ездил с отцом на торг, так не одевались даже самые бедные из холопов. Ещё тяжелее было смотреть на лица. Куда из взглядов пропал весёлый огонь, та лёгкость и приветливость, тепло и доброта? Пять лет назад в сердцах горели любовь и радость – сегодня только ярость, боль и ненависть.

Увидев потемневшее лицо молодого воина, Сиро, который возглавлял их отряд, только покачал головой. Старик понимал этого юношу слишком хорошо. Выходец с далёких Островов солнца, он попал в Пограничье три года назад. И тогда его сердце также болело и страдало. Общаясь с людьми, принимая их беды и страдания как свои, он каждый свой выезд благодарил богиню Солнца Аमतэрасу, за то, что она дала мудрость Великому хану и позволила ему спасти... пусть не всех, но многих. Вера старика говорила о воздаянии за бескорыстное милосердие, и сейчас он в каждую поездку видел подтверждение этой мудрости. Когда здешние люди всё чаще помогали народу, который дал новый дом бесприютному изгнаннику. Помогали, потому что в трудную минуту Степь протянула руку помощи, не считаясь с собственной нуждой.

Наверно, благодаря своему отношению к местным жителям, Сиро и стал самым успешным переговорщиком. И Джебэ, который объездил со стариком почти всё Приграничье, прошёл замечательную школу. А сам Сиро был доволен, что ему дали толкового помощника, и со следующей весны всё чаще отправлял молодого человека для самостоятельных переговоров или торговли.

В тот день Сиро должен был задержаться на одном из хуторов: старшего каравана ждала встреча с каким-то очень уважаемым в здешних краях человеком. Поэтому старик приказал Джебэ вместе с напарником, невысоким добродушным крепышом Шалкарром, ехать вперёд. А сам пообещал нагнать их с остальными спутниками дня через три или четыре. Солнце палило всюду, было нестерпимо душно, ощущалось приближение грозы – отчего жара казалась совсем непереносимой. В воздухе звенели комары, время от времени больно жала в шею, лицо и запястья. Спокойный и неторопливый дома, в лесу напарник

Джебэ становился непомерно раздражительным: для Шалкара это было первое лето на восточной границе. А к сегодняшнему полудню, доведённый комарами до бешенства, молодой южанин напоминал переполненный паром горшок с плотно закрытой крышкой, готовый взорваться в любой момент. Наверное, именно поэтому, едва всадники выехали на опушку и увидели полтора десятка вооружённых оборванцев, с наглыми ухмылками теснивших к плетню жителей небольшой, всего из пяти домов деревни, Шалкар рассуждал недолго. Он выхватил лук и одну за другой начал посылать стрелы в спины разбойников. Несколько секунд спустя к нему присоединился и Джебэ. Дальше им даже не пришлось обнажать сабли: едва ошарашенные бандиты начали разворачиваться к неожиданным защитникам, на них кинулись мужчины деревни. Всадники подъехали и спешились. Когда отзвучали слова благодарности, Джебэ спросил – не нужна ли ещё какая помощь. Но один из мужчин, рано поседевший охотник со сломанным носом, только покачал головой:

– Спасибо, дальше и сами справимся. Эти падальщики, – он коснулся носком лаптя один из трупов, – уже несколько дней кружили. Но сунуться боялись. А тут, пока мы у Матвея собрались, нас и словили.

Увидев непонимающий взгляд, мужчина пояснил:

– Внучка у него отходит. Совсем мужику не везёт. В мятеж оба сына полегли, сюда перебрался – в голод одна из невесток вместе с внуком преставилась. Да теперь и внучка ещё... вот-вот. Боялись, руки мужик на себя наложит. Вот и пошли к нему в избу. А эти как налетели, только у плетня и заметили...

Джебе ненадолго задумался. Потом мотнул головой и обратился к седому:

– Покажешь куда идти. Я не лекарь, но кое-чему меня учили. Хуже всё равно не будет. Только подожди, сумки со снадобьями достану – и веди.

Шалкар, увидев, что напарник куда-то пошёл, недоумённо посмотрел вслед. Но не сказал ни слова, а продолжил с остальными осматривать тела и делить добычу: обычай «что с бою взято – твоё» был един что в Степи, что за её пределами.

Изва встретила Джебэ тяжёлым духом болезни и отчаяния. Ставни были приоткрыты, и в полумраке вошедшие гости видели, что в дальнем углу на лавке лежит худенькая девочка лет девяти, укрытая старой шубой. Возле лавки сидели мальчик вёсен двенадцати и измождённая женщина, правее, сутулясь и обхватив голову руками, сидел немолодой уже мужчина. Девочка металась в бреду, время от времени негромко стонала, и с каждым стоном по лицу мужчины пробегала судорога, а губы что-то беззвучно шептали.

Джебэ подошёл поближе и осмотрел девочку: даже с его невеликим лекарским опытом всё было понятно. Воспаление лёгких. И вылечить его своими силами здешние селяне не в состоянии. А тут ещё и охотник, который привёл Джебэ, прогудел себе в нос:

– Одарённого бы сюды... Да только где такого найти? А без него никак...

Джебэ словно ударила молния, а глаза начала застилать кровавая пелена. Окажись сейчас рядом хоть кто-то римских святош или солдат маркграфа – и лежать бы им распластованным саблей. А сам Джебэ рубил бы убийц до кровавой пены, до лохмотьев мяса и крошки костей. Сколько таких девочек смерть прибрала за эти голодные годы и сколько умрёт ещё? «Но эту – не отдам! – с холодной яростью вдруг подумал он. – Хотя бы – эту!» Порывистым движением Джебэ тряхнул за плечо женщину и резко спросил:

– Хочешь, чтобы она жила? Обещать не могу, но попробую!

Женщина поняла его не сразу. Потом в её взгляде загорелась сумасшедшая надежда – а вдруг! Сейчас она была готова ухватиться за любую соломинку. Услышав, что чужаку необходимо прокипятить какие-то предметы, нужна чистая ткань и ещё что-то – со всех ног бросилась выполнять указания. Сам чужак, тем временем, к удивлению присутствующих, достал из сумки несколько небольших стеклянных сосудов с плотно запаянным воском крышками. Некоторое время хмурился, что-то прикидывал, потом вскрыл два сосуда и смешал содержимое. Когда всё было готово, Джебэ выгнал из избы селян, чтобы не мешали, и принялся разжимать девочке зубы, чтобы влить лекарство... Мысленно пытаюсь сообразить, как объяснить Шалкару, что они задержатся: готовое лекарство хранилось недолго, а давать его нужно было по нескольку раз и не меньше четырёх-пяти дней. За этим делом его и застал вошедший в избу напарник.

Увидев, чем занят Джебэ, Шалкар на какое-то время потерял дар речи. Затем что-то громко и быстро затараторил на степном наречии. «Лекарь» отвечал ему коротко и резко. Люди, которые были во дворе, поняли из разговора только часто звучавшее имя русоволосого чужака – Джебэ. И что, спасая девочку, тот нарушает какие-то запреты. Наконец, Шалкару спор надоел, и он выбежал во двор, хлопнув при этом дверью. А там громко спросил у собравшихся на шум селян:

– Вы поняли, что этот, – тут он произнёс какое-то непонятное слово, – только что сделал?!

Шалкар замолк, чтобы подбирать нужные слова чужой речи, которой владел довольно плохо. И объяснить, что сумасшедший пожертвовал свой неприкосновенный запас лекарств. Стоили они дорого и готовили их пока только в столице. Поэтому каждый

из нукеров получал с собой всего один набор. И нового Джебэ, скорее всего, не получит до самого конца службы на границе...

Наконец Шалкар медленно заговорил.

– Это снадобье... оно у каждого одно единственное. Может спасти жизнь. Но другого у него больше не будет. Если эта цэцэг⁴¹ не уйдёт к предкам – пусть знает, что Джебе поделился с ней жизнью, – степняк умолк и, под ошарашенные взгляды собравшихся, ушёл рассёдлывать коней.

Девочка осталась жива и, когда через шесть дней подъехал Сиро, уже уверенно шла на поправку. Поступок Джебэ вызвал в душе старика противоречивые чувства. С одной стороны – образец истинного бескорыстия, которое, как полагал старый нихонец, свойственно всем жителям Степи. И это ещё раз убеждало его, что он не зря связал свою жизнь с вольным народом. С другой – получилось так безрассудно! Остальные тоже считали, что Джебэ поступил необдуманно. Но, согласно обычаю, не показали этого ни словом, ни жестом: мужчина сам принял решение – и всё, что связано с этим поступком тоже принадлежит ему. Так зачем разводить пустые разговоры? Когда же о происшедшем узнал Страж Нугай, то ограничился лишь одним высказыванием:

– Джебэ! Не сожалей о сделанном. Воину надлежит быть милосердным – иначе превратишься в убийцу. А взвешивать свои поступки будешь тогда, когда займёшь моё место.

Служба тем временем шла своим чередом. Матвей, в благодарность за спасение внуки, старался помочь чужаку, чем сможет. Никто не знал, кем Матвей был в прошлой жизни – но старик искусно умел свести выгоду жителей посёлка и степных торговцев, которых приводил с собой Джебе. К тому же Джебэ после случая с Настей, как звали девушку, убедил Нугая начать в Приграничье торговлю снадобьями попроще, которые в достатке имелись на заставах. А затем, соблазнив Стража Запада возможностью получить выученных для лесного боя воинов, вместе с местными охотниками вычистил от шаек изрядный кусок Приграничья.

И никого не удивило, что уже через полгода торговлю и разведку, идущую через Перовы выселки, стал возглавлять именно Джебэ. А сама деревня превратилась в удобный торговый перекрёсток для всей округи. Здесь всегда ходили свежие новости, можно было продать и купить что-то у степняков или сменить нужную вещь у соседей. Местные жители быстро привыкли – если тебе нужен какой-то человек, хорошие стрелы и

⁴¹Цэцэг (монгольское) – цветок. Часто является составной частью имён девочек и женщин

инструменты, или продать добытое не за гроши скупщикам, а за нормальную цену – езжай в Перовы выселки, к Матвею.

Сам же молодой воин с удовольствием как можно чаще бывал в гостях у семьи Матвея и Настеньки. А уж как радовалась девочка каждому его приезду! Едва парень успевал спешиться, девочка с криком: «Дядя Джебэ приехал!» – бросалась к нему на шею. И едва гость успевал расседлать и обиходить коня, Настя сразу же спешила утащить дядю в укромный уголок, чтобы поделиться с ним своими радостями и горестями, похвалиться новой куклой или пожаловаться на кого-то из соседских мальчишек, так и норовивших сунуть за шиворот кузнечика. И рассказать надо быстро, пока деда не пришёл ругаться, что мужчину с дороги положено сначала помыть и накормить, а уже потом мучить разговорами.

Впрочем, долго от вездесущего Матвея прятаться всё равно не получалось, и нагоняй получали оба. А потом все садились за стол, и само собой выходило, что Джебэ оказывался рядом с семейным патриархом, на месте, предназначенном для старшего сына или брата главы семьи. Первое время Джебэ отчаянно стеснялся, затем привык. И уже не смог бы точно назвать мгновения, когда впервые после отъезда из родного стойбища почувствовал, что у него снова есть дом. Не стены, в которых ты засыпаешь от усталости или приходишь хоть ненадолго отгородиться от шума и суеты – а место, где тебя любят и ждут.

Джебэ прослужил на границе почти до двадцати четырёх лет. А когда пришло время прощаться, Матвей подарил саблю. Осмотрев изящное совершенство булата, не смотря на немалые годы службы не заработавшее ни одной зазубрины и до сих пор способное, как и в миг, когда руки мастера ещё только закончили акт творения, с одинаковой лёгкостью разрубить и кованый гвоздь и шёлковый платок, молодой воин попытался отказаться. Но старик был настойчив.

– Бери. Негоже клинку без дела лежать. Хотел сыну передать, да не вышло. А внуку – не буду. Из него хороший кузнец растёт, так нечего ему становиться плохим воем. Или, упаси, мстителем за пустые и чужие ошибки, – тут Матвей хитро прищурился. – И ещё. Пусть это будет подарок по твоему обычаю – железом за кровь спасённого родича. Я не смогу прийти под твой стяг, так пусть за меня тебе послужит это железо.

– Принято перед лицом Отца Нашего, предвечного как степь и безбрежного как небо! – только и сумел ответить парень, забирая клинок из рук старика.

Эта сабля была с ним и сейчас.

Глава 12

Гей вы! Слушайте, вольные волки!

Повинуйтесь жданному кличу!

У коней развеваются чёлки,

Мы опять летим на добычу!

Ушёл Джебэ от Очирбата поздно вечером, пообещав через несколько дней зайти ещё раз. Но утром молодого полусотника вместе с остальными подняли в седло по тревоге – с востока пришли плохие вести. Правивший в княжестве Согён ван Ли Чжагём назвал себя новым воплощением легендарного правителя, объединившего когда-то под своей властью весь полуостров, объявил, что принимает титул Квангэтхо⁴² и разорвал все договоры со Степью и соседями. Понимая, что в одиночку осуществить свои амбиции будет трудно, владыка Согёна заключил союз с Паганским царством. А подарком к грамоте «вечной дружбы» Ли Чжагём послал тамошнему правителю всех выходцев из Степи, оказавшихся в пределах княжества.

Даже одного разрыва мирного договора было бы достаточно, чтобы степные ханы двинули армию на Согён. Но после истории с продажей в рабство, война с Квангэтхо становилась войной на уничтожение. Обновлённый Каганат учёл ошибку предшественников, когда все поданные делятся на привилегированных будун – и огузов, в которых принято видеть не человека, а двуногую вещь. И попытка обратить в раба любого их подданных Великого хана теперь считалась тягчайшим из преступлений. Степь поднималась в седло после каждого нападения охотников за рабами. Ответные набеги превращали государства в пустыню, а рабовладельцев и охотников за невольниками степняки сажали на кол и жгли живьём, прекращая разорение только тогда, когда был убит последний из пришедших охотников или пока за каждого уведённого и найденного раба из Степи не была сожжена какая-нибудь деревня или город. И ванам, и Сыну Неба не нужны были государства-развалины. Теперь купцы предпочитали покупать у степняков чужеземцев, а от торговли подданными Великого хана бежали как от чумы... За три поколения урок забылся, его пора было преподать снова.

Начиная войну, Квангэтхо рассчитывал, что армия Степи подойдёт к Согёну только через несколько месяцев – ведь пока гонец проделает длинный путь до столицы, пока Великий хан оповестит вассалов, а те – соберут отряды. Так что времени дожидаться

⁴²Квангэтхо (корейское) – Расширитель земель. Титул под которым в историю вошёл князь, первым объединивший отдельные царства в единую Корею

паганских союзников и захватить для начала остальные корёсские княжества более чем достаточно. А следом можно бросить вызов и наглым степнякам!

Ли Чжагём слишком плохо знал жизнь соседей. Степные ханы не зря гордились своими почтовыми станциями и гонцами. Получив же тревожное известие, Старшие ханы не ждали сбора ополчения, а поднимали в седло свои личные армии и дружины драчливых варяжских ярлов. Гонцы тем временем летели обратно, разнося по аймакам и стойбищам приказы выступить на помощь. Получив тревожную весть, мужчины быстро собирались в отряды и шли к заранее оговорённым местам, где получали всё недостающее для большого похода. Там же из прибывших формировались сотни и тысячи, во главе которых вставали самые опытные воины или нукеры Старших ханов. Меньше чем через месяц у порога «расширителя земель» стояла тридцатитысячная армия степняков под командованием Северного хана Джучи. Самый молодой из Старших ханов давно прославился своими талантами в управлении северной степью, а теперь, слышавший в ранней молодости лихим сотником, искал во главе полков славы дарга-батора. И Субудей, который для себя видел в Джучи преемника, решил дать тому возможность.

Дорогу из Степи стерегла расположенная в устье реки Амноккан крепость Соксон, окружённая высокими толстыми стенами из обожжённого кирпича, с большим гарнизоном и немалыми запасами. Обычно скупой во всём, здесь Ли Чжагём не пожалел расходов даже на Одарённых. Крепость считалась неприступной. Или, по крайней мере, была способна выдержать многомесячную осаду. Но хитрый дарга-батор не стал ни штурмовать город, ни осаждать его. Командующий обороной Соксона тоже думал, что главное войско противника подойдёт только через несколько месяцев. Поэтому когда небольшие, бедно одетые отряды принялись уничтожать посеы и деревни рядом с городом, ачжосси гарнизона за взятку легко пошёл на поводу у местных землевладельцев и приказал уничтожить «бандитов». Солдаты выходили из города, сверкая на солнце доспехами и радуя глаз разноцветными плюмажами. Жители махали вслед и криками призывали привести побольше пленников для развлечений на главной площади.

Корёсцы успели отойти от города всего на три часа пешего хода, когда были окружены вражеским войском. Пытавшихся сдаться в плен рубили нещадно, лишь два или три десятка «случайно» ускользнули из ловушки, чтобы рассказать горожанам о жестоких и неисчислимых полчищах. Так что едва степные тумены подошли к крепости, лишённой защитников, и Джучи предложил выбор – открыть ворота или подвергнуться поголовному

истреблению – жители города не раздумывали. Крепость, которая по расчётам ванна могла продержаться полгода, пала меньше чем за неделю.

Узнав о быстром захвате Соксона, остальные княжества поспешили присоединиться к Джучи. Ещё недавно дрожав от страха перед Расширителем земель, теперь они жаждали извлечь выгоду из грабежа соседа. Армии трёх ванов и множество отрядов свободных дворян двинулись вглубь Согёна, стремясь первыми собрать богатства страны – пока этого не сделали степняки. Дарга-батор, глядя на неорганизованные отряды «союзников», обременённые обозами и маркитантами⁴³, только посмеивался. Медленные, постоянно боящиеся потерять награбленное добро, склонные к буйствам и насилию... Прекрасный щит перед армией врага. Пусть же изломают друг друга! А когда ослабленное сражениями войско Ли Чжагёма придёт к нему, то станет лёгкой добычей.

У степняков, если в набег отправлялся не малый отряд, а армия, сбор и хранение добычи шло совсем по-другому. Вся добыча отдавалась десятнику, который вёл строгий учёт: что и кем было принесено. Десятники сдавали полученное сотникам, а те – тысячникам. И дальше всё уходило в особый обоз под охрану. Там же подсчитывали доли, отделяли положенное хану, роду, который выставил тот или иной десяток, и охране обоза. Но саму добычу воин и семья получали только дома. Когда же город, который брали на щит, был недостаточно велик или не было возможности отправить на грабёж всех воинов – например, как в Соксоне – то город делился на кони и раздавался по тысячам, а они выделяли часть сотен для сбора добычи.

Джебэ въезжал в городские ворота, с любопытством рассматривая не только дома, но и босоногих жителей, непривычно обряженных в заплатанные кофты и шаровары. Соксон молодому воину не понравился, хотя крепость и стала первым восточным городом, который он увидел. Покинув лачуги предместий и проехав мимо городской стены, полусотня сразу же уткнулась в маленькие кривые улочки, полные грязи и мусора – о мостовых здесь не было и речи. Безликими громадами стояли огромные плохо высушенного кирпича трёх и даже четырёхэтажные кубы доходных домов, которые заполняло множество комнатушек, набитых желтокожими жителями в бурых от времени и грязи одежках. Словно ты уменьшился и стоишь рядом с исполинскими муравейниками. А перед тобой не люди, а суетливые безликие насекомые. Ощущение было настолько сильным, что Джебэ даже вздрогнул, сбрасывая противный морок. А ещё вонь... Запахи отходов, нечистот и человеческого тела смешивались в такие отвратительные ароматы, что

⁴³ Маркитанты (немецкое Marketender, от итальянского mercatante – торговец) – мелкие торговцы, сопровождавшие войска в походах

после Хэнтей-Батора бедные кварталы Соксона вызывали тошноту. Даже нищета не вызывала сочувствия – скорее какую-то брезгливость, да желание покинуть эту помойку как можно скорее.

К счастью, в кварталах бедноты полусотня не задержалась, стоящей добычи в них всё равно не взять. Именно поэтому здешних обитателей почти не тронули. Лишь пара сотен опытных воинов поугали возможностью грабежа, старясь не отобрать «ценности», а утратить как можно сильнее. Словно сам собой после нескольких дней «разорения» возник слух, будто если город прогневит степного владыку или подымет против него оружие – Соксон сровняют с землёй, а жителей лишат даже одежды. После этого жители были готовы разорвать на части любого, кто хотя бы заикнётся об изгнании захватчиков. Лишь бы сохранить нетронутым своё убогое достояние... Что вполне устраивало Джучи: крепость была важна для остальной военной кампании.

Замирив чернь, степняки принялись потрошить город «по-настоящему». Именно в районы позажиточнее да в роскошные особняки богачей в центре города и направлялся отряд Джебэ. Выехав из «чёрных» кварталов, Джебэ на несколько минут удивлённо придержал коня: там, где жили люди с достатком, доходных домов не было. Улицы стали чистыми, без мусора и отходов, хотя и представляли собой лишь утрамбованную до твёрдости камня землю. Выстроено всё уже не из дешёвого сырцового кирпича, а обязательно из дерева, двускатные крыши здешние хозяева делали не из связок плохо просушенного бамбука, а покрывали аккуратными соломенными матами или черепицей, конёк обязательно украшали головами драконов. Да и семьи не ютились по много человек в одной комнатке – в каждом доме обязательно были две жилые комнаты и кухня, выходящие во двор. Когда же полусотня добралась до особняков богатых купцов, чиновников и знати – и Джебэ, и остальные воины из тех, кто был в корёском городе впервые, замерли, удивлённо разинув рот. И дело было не в том, что здесь кровли состояли из небольших металлических пластин, выкрашенных в различные цвета от тёмно-красного до густо-синего. Сами крыши удивляли необычным видом, словно показывая: мы не плоские как стол навесы, чуть выступающие за стены домов нищих кварталов, мы не простые крыши с коньком и наклоном, выступающие от стен меньше чем на полметра. Мы – дитя от союза денег и мастерства! Чешуйки пластин были подогнаны так тщательно, что казались натянутой шкурой какого-то исполинского зверя, а сами крыши словно не имели ни одной прямой линии и, чуть загибаясь по углам вверх, широко раскидывались за пределы стен, укрывая просторные веранды. Да и опорные столбы были произведением

искусства, изображая драконов, кошек, каких-то мифических зверей – и ни разу не повторялись.

Степные пришельцы, наверное, могли бы стоять в немом удивлении ещё долго. Но пожилой десятник, не раз бывавший в княжествах, объяснил, что местные жители верят, будто такие изогнутые линии отпугивают злых духов. А поскольку построить «кривую» кровлю стоит недёшево, позволить себе защиту могут только небедные люди. Веранды же, как и широкие козырьки, спасают обитателей дома в душные месяцы лета и в период зимних ливней. Наваждение, навеянное необычными кварталами, ушло. Хотя все дни, пока шёл сбор добычи, молодые воины нет-нет да и засматривались на особо искусную резьбу.

В богатых домах, которые достались его отряду, Джебэ пришлось выдержать свой первый экзамен в должности командира. Душный воздух и липкий страх перед грозными пришельцами окутывали кварталы, словно липкая паутина – так и подбивая молодых воинов, которых в полусотне собралось немало, проявить свою удаль и власть над склонившимися перед саблей. Потому-то и должен был командир сдержать железной рукой горячие головы, приучая молодёжь в любой ситуации оставаться с холодным и ясным разумом. Не зря Воинская яса⁴⁴ строго карала за мародёрство, женское насилие и прочий разгул: всё это не совместимо с воинской дисциплиной как основой армии. Конечно, степняки, при нужде, спокойно творили по отношению врагу и местному населению такие жестокости, что перед ними бледнели самые чудовищные непотребства княжеских армий – но только по приказу командиров. Сейчас приказа не было, поэтому лишь изредка слышался звон оружия особо рьяных защитников своего добра или чей-то крик разрывал тишину.

Сбор добычи продолжался четыре дня, и ещё несколько дней степная армия стояла лагерем. Ждали, пока «союзники» подойдут поближе к столице. Но едва дарга-батор получил новости, что войска Согёна ринулись на перехват, он тоже направил армию в сторону столицы – только не напрямую, а обходя сцепившихся противников по широкой дуге. Тумены степняков, словно огромное страшное чудовище, неторопливо двигались вперёд, широко раскинув щупальца разъездов. Оставляя на своём пути опустошённую землю: встреченные города и посёлки стирались с лица земли нещадно. Жителей же, если они не пытались брать в руки оружие, продавали соседям. Очень скоро любое сопротивление прекратилось. Сражаться пытались лишь небольшие отряды дворян, которым было что терять.

⁴⁴Яса (монгольское)– наказ или закон, а также налог, подать. Уложения Чингисхана, определявшие правила поведения в войске и на территории империи Чингизидов

Едва армия покинула Соксон, кто-то вспомнил о службе Джебэ на границе и немалом опыте лесных боёв и засад. И его полусотня стала одной из тех, что вели разведку или тревожили врага лихими рейдами. Здесь Джебе впервые почувствовал вкус и горечь войны. Он нападал – и убегал. Познал кипящую удаль схваток, когда враг падает под ударом сабли – и хоронил павших товарищей. Сегодня отряд проезжал через сожжённые поля и деревни, а завтра жёг их сам. И каждый день войны: слёзы и плач ребёнка, который встречается с первой в жизни серьёзной потерей и не понимает, почему родители, такие умные и сильные – не пытаются потушить горящий дом, а лишь покорно становятся на колени перед страшными пришельцами; убитая горем женщина, стоя над телом мужа, с ненавистью смотрит на чужаков, грабящих её дом; раздирающая на себе платье девушка, чей жених пал под саблей, пытаюсь защитить любимую от «насильников»... Каждый такой час и миг оставлял на сердце небольшой шрам, всё больше и больше уводя молодого полусотника от мальчика, когда-то с восторгом слушающего по вечерам рассказы деда о походах.

В один из вечеров, глядя на своих удальцов, жгущих очередное поместье, Джебэ вспомнил стихи поэта из библиотеки Альвара, что война возвышает человека, и горько усмехнулся. Война может сделать жёстче и сильнее. Она может выковать характер и волю... Но никогда не сможет возвысить человека до созидания прекрасного. Война – разрушитель, а не творец.

Все дни, пока его конь топтал пыль корёских дорог, Джебэ не переставал изумляться живущим в Согёне. Если бы враг вторгся на его родину – ему пришлось бы брать с боем каждый овраг и каждую травинку. Здесь же предпочитали открывать ворота, пытаюсь откупиться имуществом. А если крестьян угоняли для продажи – они спокойно укладывали в заплечные мешки свой нехитрый скарб и послушно двигались, куда укажет плеть завоевателя. Эту странность объяснил всё тот же старый десятник. Старинные законы о земле и правах обрабатывающих эти земли уже много поколений существовали только на рисовой бумаге. Свободные арендаторы давно превратились в ноби, которым запрещено даже покидать свои надель. Их единственное отличие от раба в том, что ноби, согласно закону, не могли по прихоти убивать да продавать на рынках как скотину. Вот только вся остальная их жизнь проходила по своеволию владеющего землёй дворянина. Поэтому война для ноби – подарок, шанс отыскать себе лучшего хозяина.

Джебэ слушал старого десятника внимательно и охотно, частенько обращаясь к тому за советами – ведь старик ходил в набеге ещё тогда, когда не родился его отец. А

убелённый сединами воин делился премудростью, про себя восхищаясь молодым командиром: далеко пойдёт. Умён, рассудителен, не стесняется спрашивать то, чего не знает – но решает всегда сам. В бою страшен, но от крови не пьянеет, а полусотней командует, будто своей рукой. Потому-то и льнёт к нему воинская удача.

Впрочем, оказалось, что удача – девушка капризная, и вскоре их полусотня хлебнула её переменчивого настроения полной мерой. В одном из рейдов они неожиданно наткнулись на армию Согёна: та скрытно шла наперерез врагу, уничтожая все встреченные на пути разезды. Спасла предусмотрительность старика, который своей волей поставил десяток в подозрительном месте и принял на себя удар латных конников гвардии вана.

Их отряду первому удалось вырваться из западни и принести весть своим, но почти половина осталась лежать на пыльных дорогах. Среди погибших оказался и весь отважный десяток. Старый воин, наверное, был доволен – он умер не в постели, а с саблей, и ушёл, захватив с собой немало врагов. А Джебэ после доклада самому дарга-батору первым из ушедших в этот поход молодых офицеров получил в награду косицу сотника и серебряный венок отличия. Уцелевшие воины и друзья шумно поздравляли удачливого командира и товарища, и Джебе, натянув на лицо маску веселья, также радостно шутил и принимал похвалы. Только вот и награда, и смерть старика стали ещё одним шрамом на сердце – самым глубоким, самым страшным за всю войну.

Получив важную новость о подходе врага, степняки успели подготовиться. И когда войско Ли Чжагёма, утомлённое маршем, вышло на поле боя, их встретили свежие воины. В сече Джебэ не участвовал – вместе с новой сотней он в составе тысячи лёгкой конницы ждал в резерве. С небольшого холма Джебэ с восхищением наблюдал за искусством дарга-батора. Как по задумке полководца в самом начале сражения, запутав противника дымом от подожжённой травы, степняки выманили на спрятанные колья и волчьи ямы кавалерию корёсцев, а затем кинулись осыпать стрелами беззащитную пехоту. Строй под разноцветными знамёнами заколебался, пытаясь прикрыться щитами и ответить на обстрел своими стрелами, и пропустил атаку железных клиньев варягов. Степная пехота разрезала строй врага, словно раскалённый нож масло, разбив ровные линии на отдельные полки и дворянские дружины. Корёсцы ещё могли переломить ход сражения, всё-таки их было куда больше... Но потеряв в дыму соседей, избиваемый врагами и падающими стрелами, каждый из отрядов думал, что остался один, что всех остальных перебили. Отступление почти сразу превратилось в бегство, и лёгкая кавалерия ринулась истреблять объятых ужасом солдат.

Преследование длилось почти неделю, поэтому на вторую часть битвы, когда степная армия громила спешащих к Ли Чжагёму союзников, Джебэ не успел. Лишь потом он узнал, что паганцев резали словно скот: хорошие в родных джунглях пращники оказались бессильны против луков, а пузатые торговые транспорты-джонки – против хищных драккаров варягов и галер нанятых «свободных капитанов» с Солнечных островов. Берег покраснел от крови, а море почернело от тел.

После бойни на побережье судьба Расширителя земель была предрешена: едва Джучи подошёл к столице, дарга-батору поднесли выкуп – три бочки золота вместе с головами Ли Чжагёма и его семьи. Взамен княжество Согён получало мир и обещание со стороны Степи, что в течение следующих десяти лет границы останутся неизменны – тюркютские ханы были заинтересованы в сохранении статус-кво. И хотя последний пункт договора вызвал недовольство со стороны князей, выступивших на стороне Джучи, жаловаться никто не решился. Война закончилась.

Глава 13

*Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,
Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.*

Снова был май, и снова Джебэ вступал в белоснежные стены Хэнтэй-Батора. Внешне он повзрослел всего на год, но в душе стал много старше. И въезжал он сегодня не одиноким нукером, а вместе с войском, заслуженным сотником, отмеченным серебряным венком. Городу же было всё равно – его стены и дома видели немало таких способных молодых людей, и готовы были увидеть ещё больше.

День прибытия прошёл в хлопотах – ещё в дороге тёмник выбрал Джебэ одним из помощников. И если простые воины, и даже десятники с остальными сотниками могли

спокойно располагаться на заслуженный отдых, то порученцы вынуждены были носиться по всему городу: появление большого отряда требовало сразу же решить огромное количество проблем. Джебэ обошёл столицу раз десять или пятнадцать, увидел немало старых знакомых... Но времени хватало только на то, чтобы поздороваться и бежать дальше. Лишь когда день начал клониться к закату, Джебэ удалось добраться до комнат, которые ему отвели под жильё. К офицерским казармам он подходил, собираясь рухнуть в постель и дать роздых усталым ногам. Сбыться этим мечтам было не суждено – в комнате его ждал пожилой кряжистый варяг.

– Себьёрн, – представился тот. И, показав пайцзу со знаком Великого хана, приказал следовать за собой.

Мужчины торопливо пересекли центр города и углубились в переплетение небольших улочек за Рыночной площадью. К этому времени стало уже довольно темно, и дорогу освещали лишь висящие перед входными дверями светильники, призванные отпугивает всё нехорошее, что гость случайно может привести за собой. Но света такие лампы давали мало, а фонарь варяг почему-то зажигать не хотел. В подступающих сумерках знаки кланов и имена районов на стенах и оградах разобрать было довольно трудно, и когда, наконец, отыскался нужный квартал, темнота успела окончательно укутать город. Мужчины пересекли крохотный дворик и вошли внутрь дома. В длинной прихожей-коридоре их встретил рослый воин в дели из простого полотна, без украшений и знаков. Увидев лицо Себьёрна, воин не проронил ни слова. Только махнул рукой в сторону одного из дверных проёмов и встал таким образом, чтобы не увидеть лицо Джебэ, шедшего следом. Себьёрн также молча кивнул и двинулся в указанном направлении.

За входной занавесью оказалась небольшая пустая комната, на полу которой были расстелены три кошмы, а в центре стоял тускло горящий светильник на земляном масле. На дальней кошме боком к двери сидел пожилой мужчина, чья внешность молодому воину показалась смутно знакомой – вспомнить мешали полумрак, царивший в комнате, да прыгающие тени неверного света. Услышав, как вошли Себьёрн и его спутник, мужчина прибавил в лампе огонь и развернулся к гостям. Джебэ мысленно ахнул: яркий свет выхватил из темноты лицо, которое в Степи, наверное, знала даже самая ничтожная мышь! Перед ними сидел сам Великий хан! Но воин должен уметь владеть собой, поэтому на лице удивление не отразилось. Субудей же помедлил несколько секунд и сказал:

– Неплохо. Только руки должны быть твёрже. Они дрогнули, показав удивление, – и, не обращая внимания на лёгкий румянец, проступивший на щеках Джебэ, жестом приказал обоим садиться.

Едва все сели, как Субудей вдруг обратился к молодому сотнику каким-то мягким и сладким голосом:

– Наслышан про твои достоинства. Очень наслышан. Если бы не твой рейд – неизвестно, как повернулось бы сражение. Думаю, ты заслужил большего, чем косица сотника. Вот, возьми, – он достал откуда-то из складок одежды серебряную пайцзу, которую положил перед молодым сотником. Как бы приглашая взять себе.

Джебэ вдруг почувствовал, будто внутри него натягивается тетива. И с каждым мгновением всё сильнее, угрожающе звеня и приготовившись лопнуть. Про владыку Степи не зря говорили без похвальбы, что тот способен узреть спрятанное на два роста под землёй. И не зная, кто именно спас полусотню, Великий хан не мог – в этом Джебэ был уверен. Потому молодой воин не стал торопиться. Конечно, услышать подобные слова лестно. И возможности получить личную пайцзу в двадцать шесть достаиваются немногие. Но взять её – значит согласиться, что готов выполнить дело, которое потребует Великий хан. А если выполнить не сможешь... Отказ повредит куда меньше. Джебэ склонил голову и ровным тоном спросил:

– Я рад, что Великий хан высоко оценивает своего нукера. И я готов выполнить любой приказ. Но перед тем как принять столь высокий знак ответственности, прошу рассказать мне, что требуется владыке? Дабы, если моих сил будет недостаточно – попросить передать дело в руки более достойного.

Субудей усмехнулся, сверкнув зубами. И уже нормальным тоном, в котором привычно зазвучали властные нотки, произнёс:

– Одобряю твой выбор, Себьёрн, – и резко перевёл взгляд на Джебэ. – Годишься. Ты слышал про посольство на Острова солнца?

Джебэ утвердительно кивнул:

– Да. Об этом говорят в городе.

– Хорошо. Ничего особенного. Простое подтверждение договора, как и каждые пятнадцать лет. Ердэн переговорщик опытный, да и на островах бывал не раз... – Субудей поджал губы. – Меня что-то тревожит. Слишком долго тянули свободные капитаны с ответом на наше предложение... щедрое предложение. И слишком уж суетятся чьи-то прознатчики в нашем порту на берегу Рассветного океана. Поэтому отправится посольство

через свободный город Тонгён, и поплывёт в составе большого торгового каравана. Вот только вторым по старшинству будет Себьёрн. Человек тоже бывалый... Но этого мало. Слишком многие знают, кто сможет прийти на смену Ердуну. Мы решили, что стоит иметь кого-то, способного, если понадобится, временно заменить посла. Случайно ввести в охрану удобнее всего тебя.

Молодой нукер утвердительно склонил голову, показывая, что понял и принимает наказ своего господина. К молодому сотнику присматриваться не будут, а то, что он неплохо владеет языком нихонцев, разбирается в обычаях Островов солнца и почти два года сам был переговорщиком – в столице никто не знает. Не медля, Джебэ взял пайцзу и перевернул... Мерцающий свете лампы осветил выгравированный знак Великого хана. Но рядом виднелись и знаки остальных Старших! Теперь Джебэ возгласа изумления сдержать не смог: он стал не просто рукой Великого хана, теперь его Слово – это Слово всей Степи!

Субудей словно не обратил на изумление молодого нукера никакого внимания. Он хлопнул ладонями и торжественно произнёс:

– Волей моей и властью Курултая старших ханов! Стань взором нашим и словом нашим, а когда настанет час – дланью нашей, карающей и милующей, – после чего уже деловым тоном продолжил. – О твоём истинном статусе будет знать только Себьёрн. Он же и скажет тебе подробности. Для всех остальных ты – десятник охраны посла.

Едва Субудей умолк, как варяг, получив разрешающий кивок, начал пояснять детали:

– Через два дня в родительский дом возвращается Альвхильд. Ты вхож в семью Фридгейров, поэтому никого не удивит, что вместе с братом встречать её поедешь и ты. Влюбишься и начнёшь за девушкой ухаживать. Тем более что как нукер Великого хана и сотник ты вполне можешь просить руки дочери ярла. Когда заболит младший целитель посольства и вместо него на Острова солнца отправится Альвхильд – никого не удивит, что ты попросишься вслед за ней. По статусу чин сотника равен десятнику посольской стражи, поэтому благоволящий тебе ярл Торбьёрн легко поможет устроиться в охрану...

– Сейчас Себьёрн проводит тебя к Фридгейрам, – прервал вдруг Великий хан, – там и договоритесь о деталях. Ярл Торбьёрн и Альвхильд уже знают и дали согласие, – и Субудей махнул рукой в сторону двери, показывая, что ночь коротка и следует поторопиться.

В доме Фридгейров Джебэ встретил сам глава семьи, Глоди... и Альвхильд! С последней встречи она не просто стала старше. Угловатые линии подростка скруглились,

Теперь перед Джебэ стояла рослая красавица, с широким и гордым разворотом плеч, высокой полной грудью и изящной талией. Волна волос червонного золота струилась по всей спине, закручиваясь в пышные кольца, и словно подчёркивала опалово-молочную кожу.

– Вильде, ты великолепна! Будь передо мной кто другой, – он весело подмигнул, – я обязательно бы приударил!

Девушка смущённо заалела от комплимента, а потом с радостным визгом кинулась Джебэ на шею.

– А со мной поздороваться не хочешь? – раздался из угла голос Глоди. – Сестрёнка, не удуши его. Оставь и мне немного, – и, отстранив Альвхильд, крепко обнял друга. – Добро пожаловать, брат!

Джебэ, который не видел Глоди несколько лет, смотрел на друга с удивлением. Да, за прошедшие годы побратим тоже очень изменился. Если Альвхильд до сих пор выглядела едва на шестнадцать, то Глоди в свои двадцать был вылитый отец. Такой же медведь с пшеничными бородой и косами. Разве что нет седины, да меньше лент Одина – в косе побратима ленты были посвящены покровителю кузнецов и учёных Велунда.

Восторги и обмен новостями длились полночи, и лишь потом все трое с азартом начали обсуждать детали – словно и не утекло много лет, и опять они готовят какую-то проказу. А ярл Торбьёрн смотрел на сидящих рядом Джебэ и Альвхильд и с грустью думал, что не отказался бы от такого зятя и взаправду. Увы – эти двое всегда относились друг к другу как брат и сестра, а Торбьёрн принимал Джебэ как одного из своих сыновей. А жаль...

Глава 14

*Там, под землей, под этим низким кровом
 Полны тобой опять ее мечты.
 На переправе, на мосту суровом
 Она высматривает: где же ты?
 И ангел оборачивается в рыданиях,
 И ждет тебя, и ждет тебя она.
 Освободи же ее, ты от ожиданья
 В объятиях с ней, в сокровищнице сна.*

Велик и неизменен океан, неторопливым рокотом несущий свои пенные воды от северных льдов до южных джунглей. Словно сама вечность решила принять форму, чтобы

стать мерой всего уже случившегося и только предначертанного – и возникла хрустальная гладь без конца и без начала. С шумом и фырканием плещутся киты и дельфины, белогрудые чайки молнией носятся над синей и изумрудной глубиной, то окунаясь в лазурную волну, то взлетая высоко в прозрачное голубое небо. Живое существо не может потревожить спокойствие сияющих вод: ни среди зелёной солёной пустыни, где в неизменности растворяется даже время, ни у побережья, где волны равномерно и неизбежно отсчитывают мгновения.

Но вот ровный доселе берег поворачивает, и плывущая в безмятежности стайка дельфинов испуганно начинает пересвистываться, спеша как можно дальше уйти в море: за мысом воды залива кипят и бурлят от сотен кораблей и тысяч лодок, спешащих к причалам славного Тонгёна. Много веков назад повелел тогдашний правитель здесь, где река смешивается с водами Восточного океана и меняет оттенок своих вод от благородного жёлтого к тёмно-коричневому, построить порт. Нет уже давно ни того владыки, ни государства – а город тысячи мостов всё стоит, цепко держа в своих руках славу некоронованной торговой столицы моря Тонхэ⁴⁵.

По всему побережью и далеко за его пределами известен Тонгён. И мастерами, которые живут в своих кварталах, отделённых от остального города высокими стенами: чтобы остались секреты выделки самого тонкого фарфора и самого яркого шёлка скрыты от чужаков. И верфями, на которых можно построить любое судно по желанию и мощне заказчика – хоть торговую джонку или когг⁴⁶, хоть драккар варягов или хищную галеру самураев. И своими развлечениями: пестрят улицы и площади яркими балахонами комедиантов да разноцветными кофтами уличных жонглёров, факельщиков, плясунов. А дальше, в кварталах под белыми и серыми фонарями ждут ищущих удовольствий девушки и юноши, готовые исполнить любую мечту и утолить жажду желаний любого путника.

Ни на минуту не затихает город-порт. Вдоль глухих высоких заборов, отделяющих широкие улицы от дворов, снуют рикши и паланкины важных чиновников-мандаринов, кричат о подаении сидящие на перекрёстках нищие, бегают мальчишки, на продажу везут в тележках и тащат в коробах свой товар ремесленники и крестьяне. Вот прошёл купец из Великой Степи: рослый и важный. Он плотно запахнул свой халат и, кажется, даже не глядит на нанятых в пригороде узкоглазых желтолицых носильщиков-корёсцев, которые колонной трудолюбивых муравьёв тащат вслед за ним нескончаемую вереницу тюков с

⁴⁵ Тонхэ (корейское 平海 – Восточное море, японское 平海 нихонкай) – Японское море

⁴⁶ Когг – судно с высоким надводным бортом и круглым корпусом имело длину, превышающую ширину в три раза, две мачты с латинским парусным вооружением и круглыми «вороньими гнездами» (место для вперёдсмотрящих) и два традиционных рулевых весла на корме.

товаром. А здесь кричит и хватается за меч оскорблённый ханец, но тут же отпускает рукоять и, нацепив на лицо маску презрения к «сырым варварам», спешит прочь – к месту ссоры уже направляются стражники, и зачинщика могут лишить въезда в город. Впрочем, охранники порядка торопятся не сильно – знают, что первым остужать горячую голову задиры бросятся соседи. Слишком дорожат все жители и гости Тонгёна статусом нейтральной территории.

Ближе к заливу и причалам город меняется. Исчезают высокие заборы дворов, домà и склады всё сильнее теснятся друг к другу. У здешних обитателей нет времени на долгие церемонии встречи гостя у ворот, обязательные для уважающего себя корёсца. Да и гости из других стран не поймут подобной задержки, особенно ночью – вот и приходится купцам и хозяевам гостиниц «забывать» про священные традиции дедов и прадедов. Ну, да духи предков поймут оборотистых потомков – сами испокон веков были такими же. Другие в здешних местах и люди. Возле порта нет места крикам да лохмотьям нищих, залатанным одёжкам крестьян и цветастым балахонам фигляров: платья, кофты и шаровары здешних хозяев пошиты из хорошего сукна, бархата и шёлка. С рассвета до заката, а зачастую и ночью, кипит порт, встречая и отправляя суда со всего мира. Без усталости и отдыха целый день снуют грузчики и матросы, рыбаки, слуги и приказчики, чтобы вечером, едва побагровеет и уйдёт за горизонт шар солнца, вместе с обитателями гостиниц поспешить в город – окунуться в водоворот развлечений, спуская в балаганах и кварталах удовольствий заработанное за день.

Впрочем, сегодня живущим в гостинице «Хрустальный мост» вечера было ждать не обязательно. Все, от Старшего стража до последнего писаря, со смехом наблюдали, как делает выговор своему воину один из офицеров охраны посольства Великой Степи. Самый молодой в своём десятке и в охране, он даже в мелочах старался следовать воинской Ясе. Из-за чего, под усмешки и шутки остальных над невезучими товарищами, регулярно устраивал подчинённым разносы. Как за кажущиеся проступки, так и за настоящие – но настолько мелкие, что любой мало-мальски опытный командир постарался бы их не заметить. Утихомирить его могла только младшая целительница, из-за которой он, по слухам, и добился назначения в стражу. Но сегодня девушка вместе со старшим лекарем выхаживала отравившегося рыбой помощника посла, и испортить развлечение не могло ничто.

– И если я ещё хоть раз увижу, что кто-то позорит высокое звание охранника самого посла Ердена – пеняйте на себя!

Под конец голос сорвался, дав петуха и все, кто находился в большой трапезной зале, зажали рты, чтобы не расхохотаться. Видно было, что и сами воины десятка, и «виновник» тоже удерживают на лице серьёзное выражение с трудом. Один лишь заместитель десятника Хаульфдан сохранил невозмутимость, не позволив даже тени насмешки. Заметил всё это и Джебэ – поэтому ругать пожилого варяга, который годился ему в отцы, при всех не стал. Гордо подняв голову, парень тряхнул волосами, забранными по обычаю варягов в две косы, и двинулся к лестнице на второй этаж. На ходу бросив, чтобы заместитель шёл следом. Мол, с ним они поговорят без посторонних.

Едва тяжёлая дверь комнаты захлопнулась, заглушая любые звуки изнутри, вид молодого командира резко переменился. Исчезла гордая ребячья надменность, исчезли следы юношеской обиды и непонимания человека, который всё делает правильно – но от остальных получает сплошные насмешки. Лишь усталость, до этого почти незаметно прятая в уголках глаз, казалось, захватила всё лицо.

– Я больше не могу, Хаульфдан, – сказал Джебэ и, раскинув руки, с удовольствием упал на перину. – Если бы ты знал, как я устал играть молодого остолопа.

– Таков приказ начальника охраны Себьёрна, – старый варяг присел рядом, всем своим видом показывая, что хоть и понимает командира – ничего сделать не может.

– Да знаю я, знаю. Вот только если отправка каравана и отъезд задержатся ещё на неделю – я точно рехнусь. Будто я не понимаю, что парни тоже готовы лезть на стену от безделья. И все их глупости... А, – он махнул рукой и, не вставая, зашарил в стоящем рядом с кроватью дорожном мешке, – они ведь и дальше так будут, а я вынужден скандалить. «Не подобает так вести себя охранникам посла Великой Степи», – передразнил он сам себя, – вот, передай парням моё извинение, – Джебэ наконец-то нашёл то, что хотел, и удивлённому взору младшего десятника явилась пузатая бутылка тёмно-жёлтого стекла с пробкой, залитой зелёным сургучом.

– Да это же... – полушёпотом взволнованно произнёс Хаульфдан.

– Ага. Настоящее сахарное вино⁴⁷ из Малайи. Сам знаешь, в прошлогодней войне я в передовых разъездах ходил. Хорошо тогда погуляли... Вот из добычи, что с одного поместья взяли, пара бутылок мне и досталось. И ещё, – он сел на кровати, останавливая уже собравшегося уходить заместителя, – передай парням, пусть ко всему приглядываются. Не нравится мне эта задержка с выездом. Я ещё когда на границе служил,

⁴⁷ Имеется в виду ром. Считается, что впервые его изобрели в древних Индии или Китае, откуда он и распространился в остальные части света. Одним из лучших считался «брам», изготавливаемый малайцами. Европа познакомилась с ромом через Марко Поло

усвоил, – тут он сморщился от неприятного воспоминания, – если в начале всё слишком уж приятно идёт – жди потом в рейде нехорошего. А наотдыхались и наразвлекались за деньги Великого хана мы в здешних краях по полной. Вплоть до покушения на посла.

Десяток уже ждал Хаульфдана в большой лапшичной, куда остальные стражники и посольские никогда не заглядывали. Пользуясь тем, что все расходы посольства брал на себя Великий хан, они предпочитали проводить свободное время в ресторанах, у лицедеев да в парчовых заведениях весёлых кварталов. И потому здесь варяги могли говорить спокойно. Бутылку и пожелания командира все встретили восторженным гулом.

– О! Это же настоящий брам!

– Да ради такого я готов получать нагоняи и наряды хоть каждый день!

– Зим восемь, не меньше!

– Какой восемь, смотри печать на сургуче! Да ей все десять, а то и пятнадцать!

– Тихо, тихо, парни, – улыбаясь, Хаульфдан начал разливать напиток по чашкам. – Нарядами вне очереди, Кольгрим, я тебя и так обеспечу. Только вот таких бутылочек, извини, не будет – одна всего. И вообще, зажрались вы мужики. Гостинчик им по стоимости хорошего клинка каждый день подавай...

Разговор смолк: все наслаждались напитком, мелкими глотками поглощая концентрированное блаженство. Наконец, когда на дне чаш не осталось ни капли, Хаульфдан продолжил:

– В общем, так. Командир просил передать – не расслабляться...

– Да ладно тебе, Хаульфдан. Ну что такого может быть? Гуляй вокруг посла, да бряцай железом – вот и всё... – начал было ерепениться Кольгрим.

– Сам думай, сам. А не повторяй за остальными. С чего наш десяток в охране появился?

– Да мой род живёт в Великой Степи уже двенадцать поколений!..

– Мой – пятнадцать. Но по традиции варягов в охране всегда не больше трети, остальные – столичные нукеры Великого хана. Парадные вояки, – с презрением бросил Хаульфдан. – Вот и думай, зачем нас в охрану ввели. Или, – тут он хитро прищурился, – ты, как и остальные, и вправду решил, что мальчик, который только гарнизонной службы нюхал да в числе простых сотен воевал, влюбился в нашу Альвхильд? А ярл дочку поскорее замуж решил сплавить, вот и устроил будущему зятю непыльную работёнку?

– Джебэ? – рассмеялся кто-то из сидящих. – Да он, кажется, влюбиться вообще не способен.

Кольгрим смущённо замолк, пытаясь подобрать ответную колкость, как внезапно заговорил сидящий с другой стороны от спорщиков Сигфаст. Широкий и рослый, он был похож на огромного медведя, который вдруг обзавёлся секирой и сел вместе с остальными за стол.

– «Полная рука», – прогудел он. Кто-то решил незаметно ввести в охрану «полную руку». Альвхильд – целительница, и никто не знает, что она ещё и воин-шаман. При ней охрана. Джебэ для всех – ханский нукер, и десяток тогда тоже. Считается по командиру. Пара обоеруких, ты, – Сигфаст ткнул рукой в несостоявшегося задиру, – и командир. Два берсеркера, – он показал на сидящего рядом брата, – остальные копейщики.

– Во! – назидательно поднял палец Хаульфдан. – Все поняли? Так что, чувствую, будет нам. И вокруг посла, и железом позвеним...

Все умолкли, задумавшись каждый о своём. Слишком уж неожиданными были слова Сигфаста и Хаульфдана. До этой минуты большинство выполняло приказ «строить дурака» не задумываясь, теперь же приятная прогулка на цветущие Солнечные острова обернулась к ним иной стороной: будущей схваткой, а может ранами или гибелью. Но прежде чем свои мысли успел высказать кто-то ещё, у стола возник запыхавшийся мальчишка-писарь из посольства.

– Всем обратно, – начал паренёк, важно надувая щёки от оказанной ему самим Себьёрном чести. – Корабли пришли, загружаем.

Острова солнца встретили гостей дождём и ветром. Порывы шторма были так сильны, что мешали разговаривать и грозили сорвать неосторожного с мокрой палубы. Джебэ за время службы на западе не раз слышал от своего наставника Сиро о красоте здешних мест – но пока сквозь водную пелену едва просматривались очертания тёмных скальных стен, о которые разбивались пенные буруны волн. Побережье, вдоль которого шёл когг, было почти голым, лишь изредка попадались заросшие кустарником холмы, чем-то похожие на диковинных животных, уснувших на берегу и окаменевших. Когда суда зашли в портовую бухту, стало тише – но всем было понятно, что скоро шторм доберётся и сюда.

За мысом характер берегов резко изменился: теперь склоны густо покрывал лес, над которым то здесь, то там исполинскими султанами вздымались сосны. Рука человека этих лесов никогда не касалась, но после пустого побережья выглядели они настолько гармонично и радостно, что казалось, будто бухту украсил неведомый садовник. Едва показался порт, Джебэ с жадностью начал рассматривать город, но наткнулся на

снисходительный взгляд Ердена и, смутившись, ушел на корму. Всю дорогу, пока парень играл роль молодого влюблённого офицера, суматошного и очень наивного – посол, словно вспоминая себя в его годы, нередко «направлял на путь истинный» способного, но ещё не знающего как следует жизни и поэтому слишком уж бестолкового молодого человека. Как старший, не раз давал ему советы «на будущее». И сейчас Себьёрн, заметив почти отеческое выражение на лице посла, мысленно усмехнулся. Задумка владыки удалась: если поверил даже такой старый лис – поверят и другие. Для тех же, кто не поверит... Тут командир охраны вспомнил подслушанный перед отплытием разговор варягов. Для таких есть и другое объяснение. И сохрани нас Один, чтобы о настоящей причине появления молодого десятника в охране до последнего дня знали только он и Джебэ.

Корабли флотилии сделали разворот и пошли вдоль деревянных причалов, на которых полуголые матросы спешно швартовали суда и лодки, выискивая свободное место, стараясь успеть до того, как шторм ударит по бухте всей своей мощью. Следовало поторопиться и двум коггам посольства, но капитан самого первого судна словно что-то искал, медленно обходя пузатые купеческие лохани и хищные профили самурайских галер. Наконец, увидев у пирсов самой южной части порта пять драккаров, старший кормчий направил оба когга именно туда.

«Целых пять «случайно» оказалось здесь вместе с нами, – мелькнула в голове молодого десятника мысль. – Похоже, Великий хан что-то узнал, и это его тревожит».

На причалах гостей с родины ждал сам Хамба – глава посольства Степи на Островах. Важный и толстый, он даже не взглянул на рядовых гостей, лишь бросил спесивый взгляд на варягов и нукеров охраны. Простых писарей и помощников Хамба вообще не соизволил заметить. Зато перед старшим послом он сразу же рассыпался в угодливых приветствиях и приглашениях поскорее прибыть в здание посольства. Мол, приближается не просто шторм, а тайфун – и потому срочно необходимо укрыться. На вопросы о разгрузке Хамба только отмахнулся – потом, потом! Сейчас же – скорее под крышу! И, не слушая возражений, повёл Ердена и Себьёрна к носилкам. Вслед за начальством потянулись и остальные.

Джебэ так и не понял, что его насторожило в поведении встречающих. Но то чувство опасности, которое не раз выручало его на войне, сейчас громко било тревогу.

– Согласно Ясе охрана всегда должна быть наготове, чтобы защитить посла! Или хотя бы иметь с собой копьё! – громко сказал он.

Все посмотрели на молодого стражника как на полного идиота: сам обвешался железом и над остальными издевается. Ну зачем, спрашивается, копьё под защитой воинов посольства? Да ещё на пиру, который обязательно будет для приехавших? Вот только остальные из десятка его поняли правильно: с недовольным видом, под негромкие замечания со стороны остальной охраны про «дорвавшегося до власти молокососа», воины один за другим отходили за копьями. Только Джебэ заметил, что теперь под плащами и дэли незаметно надеты брони, у кого-то в сапогах появилась пара метательных ножей, а кто-то нацепил на пояс ещё один кинжал. И что Хаульфдан несёт в своём мешке кольчугу для Альвхильд.

В посольстве уже ждали столы, накрытые в длинной пиршественной зале. Но Джебэ удивил всех и здесь: пока прибывшие гости рассаживались, ожидая Хамбу и начальника стражи посольства, молодой десятник быстро уселся за посольский стол напротив Альвхильд. И при этом посадил пировать только половину своих воинов – прочие остались стоять вдоль стен. Формально он имел на это право – но столь вопиющая наглость вызвало у Ердена негодование. Глава посольства скривился, как от прокисшего молока, и потребовал от сидящего рядом Себьёрна урезонить «зарвавшегося щенка». Перед девушкой ему захотелось покрасоваться, значимость свою показать! Вон как переглядываются!

Старшего стража поведение Джебэ тоже встревожило, но совсем по другой причине. Он знал, кто эта пара на самом деле – и заметил, как на немой вопрос девушка отрицательно покачала головой. Да и недовольство остальных варягов на его взгляд было чересчур наигранным! Хамба почему-то тоже задерживался... Себьёрн открыл рот, чтобы ответить раздраженному послу – когда всех в зале на несколько мгновений словно окутало душное липкое облако.

Пирующие свалились будто подкошенные. Сознания не потеряли лишь нечувствительные к шаманству духа Альвхильд и Джебэ, да так ничего и не попробовавшие воины вдоль стены. Девушка тут же кинулась выискивать в своей сумке противоядие и вливать его в рот остальным из десятка: ведь они только делали вид, что едят, поэтому отравы и злое шаманство сильно подействовать не должны. Тем временем мужчины спешно кинулись закладывать окно и огромную входную дверь мебелью, безжалостно скидывая блюда с яствами на пол. Лишь со стола посла, по требованию Альвхильд, пищу аккуратно положили в дальний угол – ей хотелось проверить, не положили ли ещё туда и яду. Но потом, если все они уцелеют. Дом строили не по нихонскому обычаю, а по степному –

стены были сделаны не из бумаги, а из камня. Шанс продержаться, пока не подспеет подмога, был...

Едва успели привести в чувство остальных, и десяток выстроился напротив двери, оставив в глубине зала Альвхильд и двух обоеруких в резерв и прикрывать спину, как толстые, окованные медными полосами двери с грохотом и треском пошли деревянной щепой от ударов. Миг – и на защитников кинулась волна дико кричащих фигур в чёрных масках и балахонах. «Ночных убийц» ждала неудача – с короткими клинками не пройти сквозь баррикаду и частокол копий, а несколько брошенных ножей отскочили от кольчуг.

Впрочем, синоби⁴⁸ не остановила ни гибель товарищей, ни то, что их мечи бессильны против варягов – и на приступ двинулась сначала вторая волна, а потом и третья. Но это лишь отвлекающий манёвр – пока все заняты схваткой в проходе, одна из стен вдруг затрещала, и сквозь прикрывавшую воздуховод оштукатуренную бумагу полезли чёрные балахоны. Успели четверо – на пятом Альвхильд метнула нож, разбрызгав вокруг кровь неудачника, застрявшего в воздуховоде – не протолкнуть. Но что остальным до погибшего собрата? Ведь главное – любой ценой дотянутся до стоящих в проходе.

Отойти от стены и ударить в тыл не дали Джебэ с Кольгримом, зажав четвёрку врагов между своими клинками и кучей не пригодившейся для баррикад мебели. «Нас четверо, вас двое!» – кричали мечи синоби. – «Нас четверо и вас четверо!» – пели в ответ клинки защитников. – «Наши хозяева не боятся смерти, мы сильнее», – завывали мечи убийц. – «Зато наши – лучше выучены», – огрызались степные сабли. Долго такой бешеный танец продолжаться не мог, и скоро одна из чёрных фигур совершила ошибку, попавшись на ложную атаку Кольгрима. Ещё несколько минут и остальные «чёрные балахоны» были убиты. Повернувшись к двери, Джебэ увидел, что и там последний натиск захлебнулся, а со стороны коридора слышны крики и шум от идущей на помощь посольской стражи. Они победили.

После того, как бежали последние синоби, перед обитателями посольства навис призрак катастрофы: погибла большая часть охраны, а все приехавшее посольство, кроме младшей целительницы да десятка Джебэ оказалось приковано к постели. И лекари в один голос заявляли, что даже пострадавшие меньше всего смогут приступить к обязанностям не раньше, чем через полгода.

⁴⁸ Ниндзя или синоби (японское «тот, кто прячется») – группа кланов в средневековой Японии, стоявшая вне сословий и поставлявшая диверсантов, шпионов и наёмных убийц. Ниндзя выходят на историческую арену в X в., в конце эпохи Хэйан

С охраной решили просто: для неё пригласили варягов с драккаров, стоявших в порту. Такого количества опытных воинов хватало взять «на щит» иной город – что уж говорить об одном небольшом посольстве. С заменой Ердена и Себьёрна было сложнее, но и тут всё вроде бы сложилось удачно. Когда уцелевший в резне Хамба заявил, что готов выступить на переговорах вместо раненых товарищей. К тому же, как добавил он в пространной речи, призванной ответить всем несогласным, только он и имеет здесь соответствующий статус и полномочия. А любого другого спесивые даймё не примут.

В хлопотах прошло три дня, нарушаемых лишь позвякиванием доспехов и оружия старательно охранявших посольство варягов. Джебэ, как самый старший из оставшихся офицеров, даже приказал, чтобы несколько воинов постоянно были при Хамбе на случай повторного покушения. А на четвёртое утро Джебэ приказал собрать всех во дворе. Хамбу, который и так все эти дни морщил нос от «засилья неотёсанных варягов», бесцеремонное отношение к своей персоне привело в бешенство: как его смеют тащить в такую рань из постели – словно ничтожного слугу! Едва увидев Джебэ, Хамба надулся от спеси и закричал, срываясь на визг:

– Да что ты себе позволяешь, щенок!

Договорить ему не дали. Из-за цепи воинов, окружавших двор, вышел Хаульфдан и медленно, громко и чётко выговаривая каждое слово произнёс:

– Хамба! Обвиняю тебя в том, что ты открыл ворота врагу!

Толпа загудела: обвинение было серьёзным. Хамба покраснел от гнева и возмущения, но оправдаться не успел. Вслед за Хаульфданом выступил следующий варяг:

– Воина, стерегущего калитку, закололи в спину. Закололи, после того, как он снял запоры. Отдать приказ открыть ворота мог только ты. Или командир стражи – но его убили ещё до нападения.

– Я как целитель подтверждаю время смерти командира стражи посольства, – звонким голосом добавила Альвхильд.

Хамба покраснел от негодования, собираясь указать наглым лжецам их место, как к нему подошёл Джебэ, и шепнул вполголоса: «Пятый двор по главной улице синего квартала».

После чего достал на всеобщее обозрение свою пайцзу, и прозвучал приговор.

– Как рука и голос Великого Курултая! Моим словом и именем Степи! Смерть!

Хамба повалился на землю и начал о чём-то молить, пытаясь целовать сапоги Джебэ, но тот брезгливо посмотрел на бывшего посла и пошёл в дом. Судьба предателя его

не интересовала – пусть скажет спасибо за эти три дня жизни и за то, что его казнь будет длиться всего сутки. Виновного они вычислили уже к утру – но для Островов солнца открытые ворота и нападение были внутренним делом Степи. И хозяева предателя наверняка использовали бы это в переговорах, попытавшись убедить остальных даймё отказать Джебэ в признании равной заменой. По заметкам и записям командира стражи они сумели выяснить, куда ходил Хамба, посещая городские кварталы, и сегодняшней ночью взяли нужный дом штурмом. Теперь враги не смогут оспорить статус нового посла, даже если успеют собрать совет даймё за несколько часов, оставшихся до начала переговоров. За обнаруженное в доме на окраине «синего квартала» смертный приговор полагался и на островах.

Впрочем, на следующий день Джебэ уже думал, что Хамба отделался слишком легко. Кроме договора, из-за которого ехал Ерден, на обсуждении оказались ещё почти полтора десятка соглашений. И если бы задумка предателя и его хозяев удалась – Солнечные острова оказались бы закрыты для Степи. Джебэ каждый день с благодарностью вспоминал Сиро и Торбьёрна. Первого – за знание языка и обычаев своей родины, а второго – за подобранных варягов. Умелые воины его десятка оказались и неплохими дипломатами.

Весь следующий месяц шли выматывающие переговоры, на которых Джебэ насмерть дрался за право степных коггов и драккаров, как и раньше, свободно заходить в порты Солнечных островов. Чем мог, помогал Ерден – но, прикованный к постели, он не мог заменить молодого посла на встречах и приёмах, многому пришлось учиться «на ходу». Впрочем, через несколько дней, когда спало первое напряжение, Джебэ с удивлением понял, что эти разряженные в шёлковые кимоно вельможи не так уж и сильно отличаются от крестьян и охотников, с которыми он общался во время службы на западной границе. Так же ненавидят соседа, так же скандалят и торгуются. И так же готовы всучить залежалый товар, если знают, что удастся сделать это безнаказанно.

После торжественного приёма в честь подписания последнего из договоров, Джебэ, к полной для него неожиданности, пригласил в родовой замок князь Тайра. Главный министр страны Тайра-но Киёмори в случае неуспеха терял больше всех: и сейчас он горел желанием отблагодарить посланца Великого хана, приняв того в своем доме. Это было высокой честью, особенно для чужеземца. И согласился Джебэ только поэтому, хотя уже ненавидел церемонии и торжественные приёмы до глубины души.

Родовое гнездо клана Тайра пришлось молодому послу по душе. Замок расположился не на высоком холме или берегу быстрой реки, а на болотистой равнине.

Напоминая чёрным цветом стен и распростёртыми «крыльями» боковых башен умудрённого столетиями ворона, прикорнувшего вздремнуть неподалёку от берега моря, едва закончились годы усобиц. Тех кровавых десятилетий, когда князья и даймё нещадно сражались друг с другом, стараясь оказаться единственным владыкой красивой островной страны. Конечно, строения замка изрядно переделали – особенно восточную сторону «лунных покоев», предназначенных теперь не высматривать вражеские армии, а предаваться созерцанию красоты Луны. Суровое обиталище одной из знатнейших и влиятельнейших семей Островов превратилось в средоточие комфорта и роскоши. Но в своих корнях, угольно-чёрных, окружённых тройным рвом внешних стенах, башнях и бастионах, замок так и остался неизменен. И до сих пор был готов, при необходимости, стать неприступной твердыней и защитить своих обитателей.

Внутри замка царили обычаи Ниппон, ничуть не тронутые новшествами из-за океана. Стенные и дверные ширмы были расписаны по старинным канонам, над каждым входом висели бумажные фонари. Девушки-служанки носили цукэсаге с волосами, заколотыми кандзаси. Стража ходила только в до-мару и рогатых шлемах⁴⁹. Едва сменишь по приезду халат на клановые кимоно и дзори – и кажется, будто иного мира там, по ту сторону моря, нет совсем.

Ниже замка расположилась гавань: когда-то неприступные ворота к сердцу рода, а теперь удобная пристань для прогулочных судов и пляж для отдыха. Впрочем, купаться Джебэ не очень любил. Но почти каждый день, невзирая на погоду, спускался смотреть на океан. В тот раз он был на пляже один – штормило, и никто из купальщиков не рисковал испытывать судьбу в столь неуютном море. Да и смотреть на пенные валы, раз за разом накатывающие на берег, среди местных считалось не очень хорошим занятием – слишком часто приходили в штормовую погоду ураганы, оставляя после себя смытые поля и обломки домов. Но Джебэ в приметы не верил и такие дни любил особенно. На пустынном берегу его охватывало какое-то странное чувство, когда ты словно растворяешься в

⁴⁹ Цукэсаге – кимоно со скромными рисунками, которые покрывают лишь часть кимоно — главным образом ниже талии. Кандзиси – украшения для волос, используемые в традиционных китайских и японских причёсках. Дзории – плоские и с ремнями японские сандалии, сделанные из рисовой соломы, или волокон других растений, ткани, лакированного дерева или кожи. До-мару – средневековый японский доспех, состоящий из сплетённых между собой шнуром пластин. На развитие этого специфического доспеха повлияли как требования гибкости и подвижности доспеха (для сражений на пересечённой местности), так и нехватка в Японии собственного хорошего железа. Поэтому основой до-мару были усиленные накладками пластины из специально обработанного дерева и многослойной кожи. Кольчуга («кусари») в Японии появляется сравнительно поздно, только в XIV веке. И массово так и не используется, чаще – как усиление слабых мест до-мару

безбрежном пространстве, ощущая себя одновременно и невесомой песчинкой, которую несут волны, и океаном, вечным и обнимающим мироздание.

Прогуливаясь вдоль берега, Джебэ вдруг заметил служанку, которая кого-то ждала. Удивлённый, мужчина подошёл ближе, и в эту минуту из воды вышла купальщица. При первом взгляде девушка не производила большого впечатления: невысокая и слишком худощавая. Но, присмотревшись, Джебэ подумал, что, пожалуй, именно такой можно представить себе богиню Солнца: розовое, будто святящееся личико, и свежие, точно для поцелуя сложенные, губки, и карие бездонные глаза, и пышные чёрные волосы цвета вороного крыла, и стройная шея, и божественная линия плеч, и гибкая, тонкая фигура. Нежная и свежая, словно только что распустившийся цветок. А юная богиня, не стесняясь наготы, прошла через пляж, укуталась в кимоно и, оставив неожиданному свидетелю своего купания изящный вежливый полупоклон, скрылась за поворотом дорожки к замку.

Снова он увидел девушку на следующий день. Оказалось, что Хикари⁵⁰ – дочь одного из даймё, вассальных клану Тайра и вхожих в родовой дом. И вторая встреча оказалась короткой. Разговор строго по канонам вежливости и этикета – но оставляющий после себя чувство, что тебе нахально указали место среди остальных претендентов. Они могут надеяться – но никогда не добьются успеха. И раззадоренный Джебэ начал искать поводы к новому разговору, к новой встрече – чтобы доказать и ей и себе, что юная гордячка ошибается, что ему не нужна благосклонность этого рассветного воплощения девы солнца Аматаэрасу омиками. А как опытному дипломату нужно лишь полезное вежливое знакомство с родственницей одного из важных даймё Солнечных островов. Они танцевали друг вокруг друга словно мотылёк и свеча, часто, но незаметно, меняясь ролями, поочерёдно рискуя опалить крылья на сияющем огне, манящем в ночи одиночества.

Так пролетели три недели, а когда Джебэ отправился обратно в столицу, как-то само собой получилось, что Хикари последовала за ним: обычаи Островов позволяли незамужней девушке многое, пусть дело не заканчивалось браком – если, конечно, её избранник был более знатного рода, влиятелен или прославил себя как известный воин или капитан. И Джебэ был рад, что этот обычай эпохи усобицы сохранился до сих пор... Влюблённости были у него и раньше, но Хикари вдруг стала первой, кто воплотил в себе смысл жизни. Месяцы в столице пролетели незаметно – только любовь и страсть, то взлетавшие жарким всежигающим пламенем, то горевшее ровным тёплом домашнего

⁵⁰ Хикари (японское) 光 – свет. Но иногда имя ведут от иероглифа 光 /хоси/ «звезда», а также образуют фонетическим набором иероглифов 日 花 /хи-ка-ри/ «день/солнце»+«цветок»+«жасмин», от которых имя получает значение «солнечный цветок жасмина»

очага. Едва кончались ежедневные рутина и посольские дела, Джебэ спешил к своему солнцу – или Хикари приходила к нему. И они оставались неразлучны до тех пор, пока свет утренней зари не окрашивал в жемчужные тона стёкла и мозаики окон. Ничто не возмущало их покоя, ни одна сила мира не могла их отделить друг от друга. Она клала голову ему на грудь, и они разговаривали друг с другом не произнося ни слова.

По утрам, когда девушка покидала его дом, Джебэ ещё долго смотрел на мир, на город, на товарищей и на жизнь как сквозь сон. Все казалось ему чужим, далеким, напрасным, пустым и не существующим. Не волновал даже странный взгляд Ердена, который смотрел на молодого человека почему-то грустно и понимающе: словно хотел что-то ему сказать, но не решался, или боялся это сделать. Так пролетело шесть месяцев, Ерден, наконец, выздоровел достаточно, и Джебэ пришла пора собираться домой...

Две недели перед отъездом он звал свою любовь ехать вместе, но хотя Хикари и плакала, представляя разлуку, все разговоры заканчивались словами: «Я не могу оставить семью и предать свой род. Не могу нарушить свой долг перед ними». То же самое повторилось и в последний день. Но внезапно, словно набравшись наконец-то решимости, девушка не заплакала, а вдруг горячо воскликнула:

– Оставайся ты!

– Ты предлагаешь мне покинуть Великую Степь, и поселится здесь? – с удивлением произнёс Джебэ.

– Да, да! Я знаю, чужеземцам тяжело у нас, – горячо затараторила Хикари. – Но я говорила с отцом, он сказал, что готов принять тебя, клан согласится с его решением! Ты не будешь чужаком, ты станешь одним из нас, и мы будем вместе! – и, словно уловив в глазах возлюбленного сомнение, добавила: – Ведь в Степи тебя ничего не держит, у тебя не осталось там семьи!

Ответное молчание длилось бесконечно долго, пока, наконец, Джебэ не посмотрел на девушку с глухой смертной тоской и не произнёс:

– Не могу... – он достал из-под рубахи медальон, который получал каждый нукер перед началом службы. – Когда я первый раз взял его в руки, я дал клятву служить моему народу и моему хану. И обещал, что выше этого служения для меня не будет ничего, – и, помолчав, добавил. – Я хочу... я прошу тебя – уедем вместе. Но остаться не могу...

– Я тоже не могу... прощай.

– Прощай, – Джебэ резко развернулся и пошёл в сторону порта. Зная, что стоит ему хоть на мгновение остановиться – и он уже никуда не уедет.

Корабль споро уносил его прочь от островов, где каждое утро рождается солнце и откуда в мир приходит новый день. Хотелось выть, катаясь в бессилии по доскам палубы. Там осталось его сердце, там осталась половина его души. Но иначе поступить он не мог.

В столице молодого посла ждали торжественная встреча и награда – весть о событиях на островах давно достигла хозяев Вечной Степи. И Джебэ, блестяще справившийся с таким трудным делом, стал одним из «голосов Великого хана». Это было неслыханным успехом, парень знал многих, кто ради того, чтобы хоть на день стать обладателем личной пайцзы владыки, не раздумывая, отдал бы всё что имел и даже жизнь – но сейчас высокая награда была ему безразлична. Время лечит. И, когда-нибудь, воспоминания померкнут. Потеряют свою остроту, боль затянется илом свежих встреч и знакомств.

Сразу после пира, взяв коня, он выехал из города ещё затемно – чтобы встретить восход в одиночестве. Где-то там, далеко на рассвете была его Хикари. Джебэ вдруг со всей силой и горечью вспомнил их расставание. Увы, для него не было иного пути. Только сейчас он понял, что все те месяцы хотел, но не решался сказать Ерден. Понял слишком поздно. Но и второй раз он сделал бы также – потому что шагнувшему на путь служения иной дороги нет. Он знал, что поступил правильно – но откуда же тогда такая щемящая пустота в сердце?..

Комментарии как эпилог

Школяр Жиль, как и его возлюбленная Николетт персонажи, естественно, выдуманные. Также как и баронесса де Муффи. А вот наставник героя «Вагантов» отец Аббон, или Аббон де Флёри жил в конце X века во Франции. Был советником короля Роберта I, позже – настоятелем монастыря Флёри-сюр-Луар, крупного духовного и интеллектуального центра Средневековья. Аббон де Флёри оставил большое количество трудов по каноническому праву, грамматике, истории, толкованию Библии, а также в различных областях научных знаний. Погиб около 1000 года во время монашеского бунта в Реоле. Также реальное историческое лицо и друг Жилия, Пьер Абеляр (родился в 1079, умер в 1142), французский философ, теолог и поэт. Родом из окрестностей Нанта, из благородной семьи. Избрав карьеру учёного, отказался от права первородства в пользу младшего брата. Образование получил у известнейших богословов своего времени: Ансельма Ланского и Гильома де Шампо. Состоялся в реальной истории и спор Абеляра с Гильомом де Шампо, после которого каноник стал непримиримым врагом молодого богослова и Пьер вынужден был покинуть Париж.

Реальные прообразы имеют и митрополит Григорий, аббат Гумберт и архидиакон Иоанн. Григорий (при крещении получивший имя Хильдебранд, под именем Григорий VII правил с 1073 года) родился в небогатой семье тосканских землевладельцев в Соване примерно в 1020 году нашей эры. Современник византийского патриарха Михаила Керулария. Человек яркий, властный. Окончательно утвердил в католической церкви целибат – безбрачие духовенства. Боролся за централизацию церковной власти в руках римских Пап. Кроме того именно он принудил императора Священной Римской империи Генриха IV явиться к себе с покаянием в тосканскую крепость Каносса. Гумберт (Гумберт Сильва-Кандидский) – современник Григория, кардинал. Родился в Бургундии, был монахом в Лотарингии, в 1050 году был хиротонисан папой Львом IX в сан архиепископа Сицилии и возведён в ранг кардинала. Современники говорили про Гумберта как про человека наглого и хамоватого. Именно Гумберт был во главе посольства, отправленного в Константинополь для решения вопроса о главенстве церквей, римской и константинопольской, публично оскорбил константинопольского патриарха и тем самым дал повод для формального разрыва взаимоотношений православия и католичества. Архидиакон Иоанн в нашей истории – Иоанн XXII – был сыном сапожника из Каора (Франция, 1244 год) и при рождении получил имя Жак д'Юэз. К власти рвался всю свою жизнь, не останавливаясь ни перед чем. Так, вступив на папский престол, он распорядился отдать под суд епископа родного города, на том основании, что священник якобы был уличён в колдовстве. Однако даже современники были уверены: причиной казни бывшего благодетеля стало то, что епископ слишком подробно был знаком с ранней биографией будущего Иоанна XXII.

Историческим лицом является и граф Раймунд VI Тулузский. При нём культурное и экономическое противостояние между Северной и Южной Францией достигло апогея, закончившегося тем, что в 1208 году, воспользовавшись гибелью в Тулузе папского легата Пьера де Кастельно, папа Иннокентий III отлучил графа и его вассалов от церкви под предлогом покровительства ереси альбигойцев. (Альбигойцы или катары – широко распространённое в те годы на юге Франции религиозное учение манихейского толка, никак не связанное с христианством вообще. Манихеи учили, что материальный мир есть порождение Мрака, который обволок Свет. Цель человека – разрушать материальные оковы мира и воссоединиться со Светом). Иронией судьбы было то, что руководил крестовым походом парижский король Филипп Август, отлученный от церкви за смертные грехи, а сам граф Раймунд был ревностным католиком. Оценив силу крестоносцев,

Раймунд VI сопротивления не оказал. В июне 1209 году он согласился пройти в Сен-Жиле унижительную церемонию публичного покаяния и присоединился к крестоносцам. Не согласившийся с решением своего графа город Брам был взят штурмом, жители истреблены до последнего человека. Именно про это и говорит отец Аббон: «Вот только для этого придётся вернуться к человеку, чей отец один раз предал тех, кто приносил ему оммаж».

Вполне реальная история описана и с Хартией, которую купила деревня Жиля. Начиная с тысячного года сеньоры и короли стали предоставлять сельским и городским общинам Хартии вольностей, ясно оговаривающие права и обязанности общин. В них были систематизированы обычаи и зафиксированы кутюмы, ограживающие крестьян от произвола и вымогательства сеньоров, определены их обязанности как подвластных лиц и отменены наиболее тяжёлые повинности. В некоторых случаях хартии передавали крестьянам права административного управления и отправления правосудия. Поэтому крестьяне были готовы заплатить любую цену за Хартии вольностей, иногда они по уши влезали в долги... Обретенная свобода в результате приводила к ещё большей экономической зависимости от сеньора. Особенно если у общины возникали разногласия, и сюзерен пользовался правом произвольно устанавливать величину косвенных податей, чтобы надавить на своих противников. «Шевалье де Крона за это на них здорово взъярился. Пошлины и поднял – что на соль, что на мельницу, что на остальное».

На XIII век пришлось и отголоски споров о celibate (обете безбрачия, принятом по религиозным соображениям). Кафолическая Церковь и наследовавшая ей Православная Церковь пришли к выводу о допустимости брака, если его заключение предшествует посвящению в дьяконский и священнический сан (решения Шестого Вселенского Собора от 680 года и Трулльского собора от 691 года). Однако при этом соблюдаются требования, которые озвучивает Аббон: «Пастырь только на малом приходе стоящий. А тем, кто власти от лона Святой Церкви достигает, заповедано от мирских соблазнов отстраняться». То есть любой высокопоставленный иерарх обязан блюсти celibat. В Католической церкви споры по поводу обязательности celibata для священников любого ранга шли до XI века, когда папа Григорий VII ввёл отлучение от церкви за нарушение celibata. Однако на практике до самого прихода Чёрной чумы в середине XIV века, закон продолжал нарушаться отдельными иерархами и простыми священниками: к этому подталкивала «мирская» часть прав и обязанностей духовенства.

Дело в том, что если в Византии поместье (бенефиция) никак не было связано с государственно-общественным статусом владельца, а также его правами и обязанностями, то в Европе именно обладание землёй создавало владельцу этой земли ряд юридических прав. Например, право творить внутри своего феода суд. Поэтому, как только монастыри и церкви обзаводились землёй и деревнями для прокорма, они сразу же вовлекались в чисто светские отношения. И уступать хотя бы часть своих «внецерковных» возможностей католические иерархи, становившиеся ещё и светскими феодалами, категорически отказывались. Так, например, в 1202 году документы описывают тяжбу о статусе бывшего виноградника Брюно, ставшего частью города Парижа: епископ хотел сохранить за собой право вершить правосудие и вступил тогда по этому пункту в спор с королём, который требовал этого права для себя. Тяжба длилась 20 лет, но в конечном итоге конфликт разрешился в пользу епископа.

Однако, несмотря на все трудности и разногласия, положение Церкви к XIII веку было незыблемо. Даже инквизиция (существовала еще с III-IV вв. н.э., само слово употреблено впервые на Турском соборе 1163 года), которая с XIII века была передана в ведение монахов-доминиканцев, выносила в основном оправдательные приговоры. А только донос доказательством не считался, и обвинивший соседа в колдовстве, но не предоставивший доказательства доносчик мог по решению инквизиции выплатить в пользу пострадавшего и Церкви огромный штраф. Поэтому, несмотря на формальный догматизм, на многие вещи смотрели, что называется, сквозь пальцы. Расцвело увлечение оккультизмом и астрологией, а для этого велись исследования в области астрономии и небесной механики, переводились смелые труды арабских философов о гелиоцентричности мира. И хотя до математического обоснования Коперника оставалось ещё два столетия, идеи Птолемея о Земле как центре Вселенной уже тогда начинали отступать. Расцветает алхимия, многие знатные дворяне заводят личных алхимиков. Опять же стоит оговориться, что в обществе на тот момент царит «истинная» алхимия, смысл которой виделся «вернуть людям истину, потерянную в первородном грехе». И все исследования ведутся именно с этой точки зрения, а все алхимики – люди крайне набожные. Не зря Мануэль говорит, что если он вступил на путь свободного философа, алчущего тайны мира, ему не должно потакать греху земному. Эта «истинная» алхимия просуществовала до XVII века, о чём мы можем судить по письмам Ньютона к Галлею. Алхимики же, преследовавшие узкокорыстную цель научиться превращать простые металлы в золото или на худой конец в серебро во все времена служили для истинных алхимиков объектом насмешек и

ассоциировались в общественном мнении с нищими делателями золота. Их презрительно именовали лжеалхимиками и суфлерами – по названию воздуходувных мехов, которыми такие искатели, словно простые кузнецы, посильнее раздували огонь в печи, спеша сварить «философское яйцо», от которого до самодельного золота уже рукой подать...

Сочетание твёрдых позиций Церкви с очень неожиданной потребностью в грамотных людях, в юристах и так далее породило и ещё один дотоле не существовавший феномен: Университет (от латинского «universitas», первоначально – любое объединение людей, связанных общими интересами и имеющих особый правовой статус). А в городах появилась новая, непознанная и непонятная прослойка общества – школяры-студенты. И неважно, были ли это богатые пансионеры (то есть те, кому родительские деньги позволяли жить не думая о зарплате), или стрижи (так звали студентов, которые на учёбу и пропитание зарабатывали сами), всё равно это были люди умеющие читать. Для Европы, где в отличие от Руси и Византии к этому времени не существовало разветвлённой сети светских и монастырских школ, а грамотные были редкостью, появление в крупных городах большого числа людей с очень широким для своего времени кругозором вызвало переворот в сознании.

Средневековые университеты тоже достойны отдельного упоминания. Формально первым высшим учебным заведением в Европе стал Константинопольский университет, основанный в 425 году и получивший статус университета в 848 году и называемый Магнавской высшей школой, или иначе Пандидактерионом (греческое Πανδιδακτήριον). Там преподавали грамматику, риторику и философию, а также естественные науки — арифметику, геометрию, музыку и астрономию. Но своей главной задачей Магнавская школа ставила всё же подготовку унифицированных высших чиновников, дипломатов, военачальников. И почти до самого падения Византии так и оставалась специализированным учебным заведением с соответствующими требованиями к профессуре. Но Европа, при малом количестве людей, способных обучать, привередливой к профессуре быть не могла, и приглашала в университеты любых выдающихся деятелей своего времени, не обращая внимания на их взгляды. Даже если эти взгляды зачастую шли вразрез с какими-то официальными догмами и научными положениями. В европейских университетах было четыре факультета: подготовительный (или младший) факультет искусств («семи свободных искусств» – то есть занятий, которые античные педагоги считали прерогативой свободного человека и противопоставляли механическим искусствам, предназначенным для рабов; в «свободные» включались грамматика, риторика,

логика или диалектика, арифметика, музыка, астрономия и геометрия) и старшие факультеты: теологии, права и медицины. Во главе каждого факультета стоял декан. В университетах бурно обсуждались основные вопросы христианской доктрины, различные идеи и способы познания мира, совершались открытия в области математики, геометрии. Постепенно, не желая оставаться в жёстких рамках античных представлений, профессора и студенты занимались не только богословием и свободными искусствами, но и механикой, физикой и так далее. А Европа вместе с ними начинала свой долгий путь к Возрождению и научно-технической революции.

Отдельно стоит сказать про князя Игоря. В нашей истории это Великий князь Киевский, имел прозвище Игорь Старый. В школьных учебниках в основном говорится, что Игорь был воспитанником князя Олега, был женат на его племяннице Ольге (первой христианской княгине Ольге Святой)... И был убит, когда решил взять с племени древлян двойную дань. Дальше учебники подробно описывают месть Ольги за мужа, её правление и принятие христианства. А ведь Игорь правил Русью больше тридцати лет! И, на мой взгляд, этот выдающийся государственный деятель забыт сегодня незаслуженно.

Историк Николай Михайлович Карамзин тонко подметил особенность великого князя Киевского: «Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников Государя великого, или презирают недостойных». Игорь Рюрикович в отечественной истории получил прозвище Игорь Старый. Его прозвали так за долгие годы державной работы, состоявшей не только из постоянных военных походов во все стороны от стольного града Киева. Мы помним, как Вещий Олег прибил свой щит на воротах Константинополя – но в 944 году именно Игорь заставил византийцев снова трепетать в страхе, что киевское войско опять всего в нескольких переходах от столицы империи. Именно Игорь Старый занимается превращением Руси из аморфного собрания племён, выплачивающих дань киевскому князю только как сильнейшему – в державу. Где не покорённые народы выплачивают разовую произвольную дань сильнейшему, а княжеский тиун и посадник собирают с провинций раз и навсегда установленные налоги. Дружина именно при Игоре становится не вольницей, которая служит князю за добычу, а войском, которое служит за славу, статус и постоянную плату. И гибель Игоря связана именно с сопротивлением тех, кто не хотел расставаться с прежними порядками. После него в русской княжеской семье будет немало Игорей – Игорь Ольгович, Игорь Святославич и так далее. Прозвище Старый (то есть старейшина) остался

носить только один из них. А созданная им и его женой Ольгой держава просуществовала несколько столетий и стала образцом для создания уже Русского государства.

В XI-XII веках восточные славяне переживали свой культурный пик. В первой трети X века князь Игорь Старый и его жена Ольга Святая заложили основы целостного славянского государства – как державы, а не как военного союза племён. С единой властью князя, едиными законами, налоговой и судебной системой. Их внук, Владимир Креститель, дело продолжил и принёс на свою родину новую христианскую веру, которая смогла стать государственной идеологией. Владимир Креститель первый начал чеканить свою монету (самая дорогая была златник, за ней шёл сребреник, потом куна, ногата, резана и самая мелкая – вервица; на аверсе золотых и серебряных денег чеканилось изображение и имя князя, на монетах помельче – святые, на реверсе герб Киевских князей). А свои монеты – это не только финансовая устойчивость страны, не зависящей теперь от чужеземных динаров, но и показатель политической и экономической мощи средневековой державы. Следующий шаг сделал князь Ярослав I Мудрый (великий князь Киевский с 1016 года): провёл судебную реформу и заменил родовые судебники единым государственным письменным законом, который к тому же делил всё население не по племенной принадлежности, а по общественному положению. Он же искоренил кровную месть, заменив её денежной заповедью – то есть штрафами и вирами. Последний шаг по превращению Руси в современное государство сделал Владимир Мономах (великий князь Киевский с 1113 года). Он окончательно отменил родовые обычаи и ввёл вертикальное наследование от отца к сыну: «каждый сидит на своей земле и за неё отвечает». То есть князья и бояре перестали переезжать с места на место и из города в город «на кормление», а стали классом феодалов, заинтересованных в процветании своей личной вотчины.

На карте Евразии появилась могучая сверхдержава, славная своими воинами и мастерами, которых звали на службу даже в златой град Константинополь. С великими князьями мечтали породниться от Тёплого моря, как на Руси называли Средиземноморье, до суровых норвежских фиордов. Соответственно и к иноземцам на Руси относились чуть покровительственно и снисходительно, хотя принимать и не отказывались: трудовые мигранты были известны уже в ту эпоху. Славянские купцы не боялись ездить в дальние путешествия, ведь за ними стояла сила могучего государства. К тому же следует учесть, что Русь приняла и сохранила византийскую систему взаимоотношений внутри пирамиды власти: поместье было наградой, но не создавало служебных обязательств. Поэтому место в вертикали общественных отношений в первую очередь определялось родом и близостью к

князю, а уже во вторую очередь – размером земельного надела. А это накладывало существенные отличия на мышление, требуя, чтобы личная инициатива была не в ущерб остальной семье. Характерно, что даже титул правителя – князь – происходит от слов «кон» (закон) и «аз» (я). Восточнославянские поселенцы в эту эпоху стремительно осваивали новые земли, окончательно заселили Биармию и Поморье (нынешние Карелия и Архангельский край), продвигались к сегодняшней Перми и Уралу (или, как их тогда часто называли на греческий манер, к Рифейским горам).

Любое государство состоит из людей. И если купец Харитон, как и княжич Яромир, и Глеб, и Хотим Медведь персонажи выдуманные (они скорее некий усреднённый образ человека эпохи на данной ступени социальной лестницы), то молодой князь Александр – лицо вполне историческое. Александр Ярославич Невский один из самых известных и одновременно самых загадочных исторических персонажей нашей истории. Все знают о его победе на Неве и о Ледовом побоище, многие знают о его переговорах с Ордой. Но вот подробности его деятельности как первого русского князя, с которого и началась будущая Московская земля, мы знаем куда хуже. А ведь именно ему принадлежит идея союза с монголами. И именно Александр едет на Волгу в город Сарай, где заключает договор о вхождении в Орду части славянских земель на правах конфедерации. Поэтому описанные в новой ветви истории события – переговоры со Степью о союзе против вторжения со стороны Европы – тоже имели место. И следующие полтора века, несмотря на периодические разногласия и даже военные стычки, русичи и степняки не раз приходили друг другу на помощь. Интересен факт, что после успешного штурма Копорья в 1241 году, Александр попытался сходу захватить Псков, но не сумел. Затем следует загадочная поездка Александра в ставку монгольских ханов ... И уже на следующий год сначала новгородцы отбили Псков, а следом князь нанёс немцам ряд настолько серьёзных поражений, что оправиться от них Орден сумел почти через два десятилетия. Официально Александру помогали войска владимирского князя. Вот только величина «присланного» войска непомерно велика, куда больше того, что мог позволить себе город, не оголив свою оборону. И сразу же после разгрома в Прибалтике Папа римский Иннокентий IV направляет к Александру Невскому посольство с предложением принять католичество, якобы в обмен на свою помощь... Направляет только тогда, когда европейская экспансия в сторону Новгорода уже прекратилась – видимо понимая, что сил на ещё одно вторжение и захват военным путём больше нет.

Исторической личностью является и великокняжеский префект Ярослав. Его прообразом стали сразу два князя с таким именем. Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского – яркий, осторожный и вдумчивый политик, на чьё правление наложилось вторжение Батыя. И который первый попытался собрать из раздробленных в пыль осколков Киевской державы новое государство. Его попытка не принесла плодов, время нового культурного витка ещё не наступило. Но она помогла его сыну заложить первый камень в фундамент будущего Московского царства. Второй Ярослав – это Ярослав I Мудрый, великий князь Киевский с 1016 года. Личность выдающаяся во всех отношениях. Человек невероятной физической силы, один из образованнейших людей своего времени – не зря именно он разработал свод законов, ставший основой не только Киевской Руси, но и первых столетий Московского княжества. Блестящий полководец, хотя и терпевший поражения в отдельных сражениях, умевший всегда закончить войну в свою пользу. А ещё человек исключительной хитрости и коварства. И интрига, описанная в книге вполне в его духе. К примеру, в нашей истории, когда Святополк Окаянный убил одного из старших братьев будущего великого князя – Бориса, и готовился убить второго, Глеба... знавший о готовящемся покушении Ярослав бездействовал. Так как смерть старших братьев расчищала ему дорогу к престолу.

Два с небольшим века. Много это – или мало? Если мерить на срок человеческой жизни, то много. Десять поколений. А для государства, наверное, мало. К примеру, королевства крестоносцев на Ближнем Востоке просуществовали чуть меньше двух столетий, и иначе чем с насмешкой про эти осколки великого вторжения европейцев мы не говорим. Но ведь и Киевская Русь просуществовала примерно столько же! Если взять период между первым всеславянским князем Игорем Старым (середина X века) и последним Великим князем, чьё слово безоговорочно признавали все города и области страны Вячеславом Владимировичем (середина XII века) прошло как раз два столетия... Но мы не просто помним о Киевской Руси. Во всех летописях и хрониках она остаётся равной Византии, которая просуществовала больше тысячи лет. Потому что Киевская Русь была не просто государством – державой. Державой, о которой помнили и которая вдохновляла на подвиги не один век после своего крушения. Державой, соединившей в себе Восток и Запад. И тем больнее в потомках отозвалось крушение этой державы.

Уже через два поколения после Владимира Мономаха начался стремительный закат. Законы природы неумолимы, любое явление имеет начало и конец, культуры и народы рождаются и умирают. Если пик могущества Киевской Руси пришёлся на период «золотой

осени» восточнославянского этноса, то дальше исторический виток завершился. К XII веку настала старость Киевской Руси, началась фаза распада.

Скрепляющая сила любого общества – это идейные люди, у которых есть внутреннее стремление объединиться ради достижения какой-либо цели. И не важно, осознанное это стремление или нет, реальна цель или призрачна. Будь это идущие на Царьград или воевать степняков храбрые витязи Олега и Игоря, или испанские конкистадоры в Америке – все они были готовы терпеть трудности и лишения, подчиняться суровым и жестоким командирам... Лишь бы достичь этой самой цели, лишь бы прославить себя и Родину. Но в фазе распада доминируют «жизнелюбы». Всё меньше становится людей деятельных, готовых с великими трудностями открывать никому не ведомые земли или «не жалети живота за други своя». Всё чаще интерес замыкается своим ближним окружением и сиюминутными желаниями. Вместо девиза «Ты это заслужил» лозунгом эпохи распада становится «Бери от жизни всё». Выпить – непременно сейчас, пожрать, найти женщину в своё удовольствие, избить того, кто не понравился. А уж подчиниться кому-то – да никогда! Ведь все равны, так почему командиром должен стать мой сосед, а не такой удалой парень, как я? И неважно, насколько по отдельности умелые и способные люди составляют в такой момент общество – образовавшееся сборище индивидуалистов и эгоистов всё равно обречено. Показателен пример битвы при Калке всего через сто лет после смерти Мономаха. Сражение начиналось при численном перевесе русичей... Но отряды славянских князей вступали в бой только тогда, когда была истреблена дружина соперника. Ведь после победы это давало возможность захватить земли соседнего правителя, оставшиеся без защиты.

В нашей истории Киевская Русь стремительно деградировала. Держава распалась, так как для существования государства нужен кругозор чуть дальше собственного носа. Общность городов быстро забылась. К эпохе монгольских завоеваний Киевское государство существовало лишь на карте, а его осколки отчаянно воевали между собой. Не зря во времена Батыя штурмовать Рязань и Владимир монголам с энтузиазмом помогали нижегородские князья. Поселения на востоке и юго-востоке страны повторили участь скандинавов в Гренландии и Америке – без притока свежей крови и поддержки государства колонисты вымерли или растворились среди местного населения. Тем временем войны и завоеватели стремительно прореживали жителей наиболее густонаселённых областей... До нашего времени от огромной державы уцелел лишь небольшой народ русинов, обитающий в Карпатах и на территории современной Молдавии. И в новом культурном витке,

начавшемся в XIII веке, московским князьям пришлось заново создавать государство на пустом месте.

В варианте истории рыцаря Дэнэоля русам пришлось и проще, и сложнее. Впрочем, многие исторические тенденции всё равно остались прежними. Ряд исторических моментов, связанных с противостоянием русско-евразийского и западноевропейского суперэтнотосов произойдут неизбежно. Пусть вероятно и с запозданием.

Например, священник Илларион. В нашей истории это первый русский митрополит в Киеве. Если до него занять кафедру митрополита всегда присылали из Константинополя, то отец Илларион стал первым, кого назначили решением князя и киевских епископов. Происходил из знатного боярского рода, один из советников Ярослава I Мудрого. Автор ряда церковных и философских трактатов, дипломат и по некоторым сведениям участник посольства во Францию для переговоров о свадьбе дочери великого князя и французского короля. Именно Илларион первый провозгласил, что киевская митрополия – митрополия особая, и должна стать не просто самой дальней провинцией византийской церкви, а церковью автокефальной.

Неудивительно, что и в новом варианте истории Илларион станет идеологом перемен и поддержит устремления молодого князя... Да и само противостояние Рима и Киева в новом варианте истории тоже неизбежно, и придётся именно на XIII век. Ведь именно в это время Папы сумели наконец реализовать придуманные ещё Григорием VII планы об утверждении своей власти над Европой. Амбиции и могущество римских первосвященников достигли наивысшего развития, а повеления Папы (или в другом варианте патриарха – логика событий от этого не изменится) стали законами для народов и королей. Но именно в XIII веке римские первосвященники столкнулись с яростной оппозицией и в светской, и в религиозной жизни. Только в нашем варианте событий противостоял Риму император Священной Римской империи Фридрих II, который не только сам попытался объединить Европу под своим скипетром, но и на подвластных землях начал отделять церковь от государства. Человек независимых взглядов и широчайшего образования, он скептически относился к католическим догматам и не боялся выражать симпатию даже к исламу. Также наплевательски он относился и к отлучениям и интердиктам – в его государстве неудобные императору указы Папы Римского попросту не исполнялись. (Сохранился один из циркуляров императора времён противостояния, в котором говорится: «Не мы первые и не мы последние страдаем от папских злоупотреблений церковной властью, подвергающих обидам всех от самых высших

до самых низших. На самих вас лежит часть вины в этом, потому что вы повинуетесь лицемерам, у которых жажда власти так велика, что не утолили бы ее все воды Иордана».)

В нашей истории союзников в борьбе с притязаниями римских первосвященников Фридрих II не нашёл, и после его смерти они ненадолго одержали победу... Которая оказалась пирровой. Растратив силы на борьбу, Папы склонились перед могуществом французских королей и переехали в Авиньон. И хотя в позднейшие века время от времени и добивались новых успехов, прежней силы и светской власти глава Церкви так никогда и не добился. Также, а скорее всего даже быстрее повторится и в другом варианте развития событий. Ведь новый, русский культурный виток славян стал куда более евразийским, поэтому русские легко находили общий язык и с обитателями Великой Степи, и с народами сибирской тайги. Находили там себе друзей и союзников, чтобы в горниле войн и политических бурь выковать себе новое государство, ставшее самым большим в мире – Россию.

На Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии появление крупного политического и экономического игрока взбаламутит весь регион. И если на западе граница государства тюркютов ляжет вдоль славян, с которыми степняки, в принципе, всегда ладили, то на восточных рубежах пойдёт непрерывная война с тамошними державами. С Китаем – где аналог национальной династии Мин, возродившей ханские идеи превосходства над варварами, теперь придёт к власти намного раньше. С дальневосточным народом чжурчжэни, который в XI–XII веках попытался создать свою империю и со степняками воевал на истребление. Культурные и политические противоречия осложнят экономические разногласия, поддержанные войной и прибылями Великого Шёлкового пути.

Понятий мировая экономика и мировая торговля в средневековье ещё не существовало – но, тем не менее, эти явления, охватывающие весь доступный тогдашним людям мир, уже были. И выделанная где-то в Японии шёлковая ткань предназначалась для Византии, чтобы владеющий землёй феодал-дайме мог в ответ позволить себе тонкую чашу или превосходный клинок работы ромейского или киевского мастера. Вот только в нашей истории начиная с XI века главная торговая артерия, объединявшая Евразийский континент и Северную Африку, всё стремительней принялась деградировать. В 1055 году пала династия Аббасидов, единый арабский халифат, по землям которого и шли в основном караваны, развалился на отдельные государства. Правители отчаянно воевали между собой, на это им нужны были средства, они старались содрать как можно больше

денег с проходящих мимо купцов и не дать сделать это соседу. Купцы, опасаясь грабежей, отправлялись в путь всё реже, пошлин от этого становилось всё меньше, и грабить оставшихся смельчаков начинали всё беззастенчивей... Процесс разрушения торговли усиливал сам себя.

Страдали от этого не только эмиры и содержатели караван-сараев. Страдали и страны, находившиеся по обе стороны торговой цепочки, особенно государства Юго-Восточной Азии. Так снижение спроса вызвало падения экспорта из Японии и государств Корейского полуострова, уменьшилась морская торговля. Возникшая на южном морском торговом пути островная империя Шривиджайя (включала Суматру и часть нынешней Малайи и контролировала проливы, ведущие из Бенгальского залива и Андаманского моря в Тихий океан) исчезла без следа, Япония замкнулась в границах своих островов. Долше всех продержался Китай, но и там к середине XIII века всё сильнее были заметны признаки экономического упадка.

Об островной стране Ниппон (что переводится как «источник солнца») в новой ветке истории стоит упомянуть отдельно. В годы расцвета у японцев был немалый флот, причём помимо быстрых и хищных галер, в его состав входили и тяжёлые грузовые суда, плававшие к берегам Китая и Явы, к арабам и в Африку. И пусть средневековые Острова солнца имели размер меньше современной Японии – самый северный остров Хоккайдо до XVI сохранялся за племенами айнов, напоминавших бородатых светлокожих якутов; на остальных островах айны уже к X веку почти везде смешались с переселенцами из Кореи, породив тем самым специфичный облик и специфичную культуру японцев – страна успешно контролировала большинство идущих через Японское море торговых маршрутов. Всё похоронила экономическая катастрофа и наложившийся на неё конец предыдущего культурного витка – начавшийся в IX веке период Хэйан стал «золотой осенью» покорителей айнов. К XII веку правившая страной аристократия окончательно деградировала, императорский двор был декадентским, утончённым до женственности, щеголи даже ходили в женских одеждах, красили брови и чернили зубы, подобно женщинам. Изысканность чувств и слезливость переживаний стали законом, ухищрения придворного этикета доведены до сложнейшей игры, нарушить правила которой считалось святотатством. Зато на севере и северо-востоке страны, где ещё шло покорение новых земель – их отвоёвывали у гор и лесов, у айнов – вырабатывался особый характер воина и свободного землепашца. Самурая. Неудивительно, что наступил день, когда эти люди захотели взять власть в свои руки. (Очень показательна разница в психологии между

самураями и декадентством Хэйан отражает парковое искусство. Хэйан – вычурная роскошь, обилие цветов и экзотических деревьев, парк как место развлечений. В эпоху сёгунатов парки становятся подчёркнуто-лаконичны вплоть до абстракционизма – тот же сад камней. Ценится спокойствие и изящность простоты, сад как символ единения с природой, Буддой и место очищения мыслей для размышлений).

Правивший в Японии эпохи Хэйан клан Фудзивара пал почти сразу... И в стране наступила фаза культурного перегрева (точь-в-точь как в Европе в эпоху крестовых походов). Слишком много на пяточке отрезанных океаном островов скопилось людей, жаждущих построить новое общество, жаждущих воинской славы, богатств и почестей. И готовых встать под знамёна любого, кто может им это дать. В стране насмерть схватились дома Тайра и Минамото. Победили сначала Тайра, затем они проиграли Минамото... но и новые победители вскоре оказались проигравшими. Страна напоминала подогретый котёл с закрытой крышкой и была обречена кипеть, пока кто-то извне не стравит избыток пара – как это и случилось с приходом португальцев. Но если Острова солнца не окажутся отрезаны от остального мира, то схватка сильнейших не затянется на столетия, а жаждущие славы и богатства смогут легко отыскать их на море в сражениях с флотилиями Шривиджайя, в набегах на континент... И как Европа трепетала при виде кораблей викингов, так и Азия будет трепетать при виде галер самураев.

А на суше будет царить, переливаясь травяными волнами, цветущая степь. Для славян – обитателей леса – особый мир. Чуждый не меньше, чем нам сегодняшним – иная планета. И одновременно близкий, куда ближе, чем, скажем, чужая своими обычаями Европа. (Самый наглядный пример: сколько раз во время усобиц князя приглашали в помощь степняков... Но стоило одному из князей – Святополку – пригласить на Русь европейцев, как он сразу получил прозвище Окаянный.) Потому что как Степь не могла прожить без Леса, без дерева, мехов, пеньки, мёда и множества других продуктов – так и Лес не мог прожить без Степи. Ведь только оттуда шли кони, племенные быки, не тронутые обмельчанием на тощих лесных пастбищах, шли кожи и множество того, без чего земледельцу обойтись очень трудно. Поэтому хоть и ссорились Лес и Степь, но легко мирились. Выдавали за соседских сыновей девушек, шли на службу. Так что происхождение героя книги Джебэ для границы между славянскими землями и степью отнюдь не уникально. А ещё Степь была сухопутным океаном, который связывал между собой разные части света. Именно поэтому эпитафиями к главам тоже стали стихи русских и персидских поэтов. 9 глава – перс Аль-Мутанабби, 10 и 12 главы – Валерий Брюсов, 11

глава – Федор Тютчев, 13 глава – Афанасий Фет, серебряный век русской поэзии. 14 глава – ещё один великий персидский поэт, Низами Гянджеви.

Неудивительно, что в таком месте, как Степь, родились немало людей, оставивших след не только на Родине, но и среди соседних народов. Субудей (Субеетай, Субеетай-Баатур, 1176 – 1248 годы) – один из лучших монгольских полководцев, соратник Тэмуджина-Чингисхана. Участвовал во всех его походах, потом в походах его сына. За свою свирепость и хитрость получил прозвище Одноглазого тигра и Свирепого пса. Именно он нанёс поражение русичам в битве на Калке. На курултае 1206 года имя Субудея прозвучало в числе 88 правящих монгольских князей и нойонов. Он был 51-м в списке, который составлялся в порядке заслуг и вклада кочевой знати. Большую часть жизни Субудей провёл в походах, в походе на болгар он и умер. По легенде его могила была спрятана, чтобы разорители гробниц не смогли её отыскать и снова выпустить на свободу воплощение Бога войны. Реальное историческое лицо и Джучи (ок. 1184 – ок. 1227). Старший сын Чингисхана и его первой жены Бортэ, великий полководец империи монголов. Кроме того, Джучи был известен ещё и тем, что первым среди монгольских правителей начал проводить политику не только военно-политического, но и экономического объединения покорённых земель в единую державу. Исторический прообраз имеет и Хубилай (1215 – 1294 годы). И славу о себе этот внук Чингис-хана как и в книге тоже оставил плохую. Европейцам он известен благодаря Марко Поло под именем «Кублай-хан» и как основатель монгольской династии Юань в Китае. Именно с него начался распад единой Орды, так как, проиграв в династической борьбе Мункэ-хану, Хубилай отказался признать его главенство и сам провозгласил себя Великим ханом. А когда его не поддержали, вышел вместе с подвластным ему Китаем из состава Орды и провозгласил себя Сыном Неба и основателем новой династии (впрочем, после его смерти продержались чужаки в Китае не очень долго).

Историческое лицо и Ли Чжагём, живший в начале XII века на Корейском полуострове. Он принадлежал к знатной семье, его вторая дочь стала главной женой правившего тогда в княжестве Корё вана Ечжона. С помощью интриг он добился немалого влияния при дворе, особенно усилившегося, когда на престол вошёл его внук, а младшего брата покойного Ечжона убили. Был известен неуёмной властью, проводя выгодные для себя указы и частенько подделывая нужные документы, постоянно захватывал чужие земельные владения. Кончилось тем, что Ли Чжагём поднял открытый мятеж, надеясь с помощью китайских императоров династии Цзинь свергнуть внука и самому стать

правителем. Но проиграл, в 1126 году был схвачен и отправлен в ссылку. В истории Кореи этот человек остался как вдохновитель первого из серии мятежей аристократов, итогом которых стал распад Корё на несколько небольших государств.

Пару слов стоит добавить и про архитектуру. Прообразом столицы Каганата Хэнтэй-Батора (от монгольских «хэн-тей» – «сердитый», и «батор» (батыр) – «богатырь») стала столица Поднебесной Империи – город Чанань. И за исключением единой Рыночной площади (у китайцев рынки символизировали лёгкие, и поэтому два рынка симметрично располагались в западной и восточной части), планировка и описание степной столицы повторяет Чанань эпохи Юань и Мин. Врытые в землю водопровод и канализация, где качалось всё насосами, там появились намного раньше Европы. Не является анахронизмом и бетон: впервые его применили еще древние египтяне, затем активно использовали в строительстве домов и дорог римляне. И лишь во времена Тёмного Средневековья бетон, как и множество достижений римлян, был забыт и заново открыт в лишь эпоху Возрождения. Существует и описанный в книге «Замок ворона» – это Мацумото-дзё, расположенный в городе Мацумото, префектура Нагано, остров Хонсю. Не стоит удивляться и общественному устройству Каганата: отдельные элементы описанного социального устройства существовали в разные годы и в Китае, и в Корее, и в степных государствах. Вполне естественно для эпохи подъёма и требование не наследственности власти от отца к сыну, а право на трон самого сильного. Неудивительно для степняков XIII века и отношение к продаже соотечественников в рабство: в этом показательна история ещё одного осколка империи тюркютов – Хазарского каганата. Когда страна раскололась на принявших иудаизм – привилегированную часть, и всех остальных... которыми свободно торговали на рабских рынках, регулярно отправляя «излишек» на пополнения казны. Через полтора столетия после принятия иудаизма после нескольких военных поражений покорённые народы восстали и вырезали принявших иудаизм почти полностью.

Отдельного упоминания стоит ещё одно историческое лицо: Тайра-но Киёмори (1118 — 1181), глава самурайского дома Тайра. Талантливый и очень харизматичный лидер. Именно с Киёмори начинается Сэнгоку дзидай – Эпоха воюющих провинций, которая продолжалась вплоть до начала XVII века. В 1156 году он вместе с Минамото-но Ёситомо, главой клана Минамото, подавляет династическую смуту и окончательно отстраняет Фудзивара от власти. Это возвысило самурайские кланы Тайра и Минамото над остальными... И уже в 1159 году Киёмори открыл новую вражду и низвергнул своего вчерашнего союзника. С 1167 году Киёмори назначен на должность главного министра

страны и фактически правил Страной восходящего солнца от имени императора. В 1170 году Киёмори внезапно заболел, и после выздоровления принял монашество... Захватив тем самым в свои руки ключи к третьей (духовной) ветви власти. Киёмори возможно даже стал бы основателем новой правящей линии (по примеру Фудзивара в 1171 году был организован брак между императором Такакура и дочерью главы дома Тайра-но Токуко). Но справиться с фазой культурного перегрева в условиях изоляции страны даже такому выдающемуся человеку оказалось не под силу. Монополия Тайра на власть не устраивала ни отвергнутую столичную аристократию, ни провинциальные воинские кланы. Даже те, что в прошлом были союзниками Тайра, искали власти для себя... И после смерти Киёмори война разгорелась с новой силой. Дом Тайра пал, но сам Киёмори стал одним из главных героев средневековых японских легенд.

На этом, пожалуй, книгу можно завершить. Добавив лишь несколько слов о том, что в книгу не поместилось: ведь если говорить обо всем, то книга либо превратится в сухой справочник, либо разрастётся до размера многотомной энциклопедии. А я старался написать живую историю обыденной жизни XIII века, помочь на мгновение заглянуть в эту далёкую эпоху. Приходилось выбирать – и я выбрал те места, где бывал сам или которые меня заинтересовали и вдохновили (Естественно, пришлось говорить и о соседях – иначе картина стала бы неполной). Но нет в книге Византии, нет арабского Востока. Нет Индии и Китая, нет Кавказа и Средней Азии. Разумеется, неплохо было бы обо всем этом написать. Но тогда получилась бы совсем другая книга. Она не написана... вместо того чтобы заглянуть, хотя бы мельком, на все улицы и улочки незнакомого далекого города по имени XIII век, я предпочел неторопливо прогуляться по некоторым из них и не спеша взглядеться в обитателей этих улиц. А ещё очень хочется верить, что книга даст моим читателям некоторое представление о людях средневековья и их делах. И станет приглашением к новым путешествиям, уже по страницам научных книг по истории. Поэтому не прощаюсь, а говорю:

– До новых встреч.

Сентябрь 2013 – июнь 2015.

С благодарностью моей жене Марине за помощь в работе над книгой, и Елене Шмидт за её терпение при вычитке.

От Владимира Крестителя до Владимира Мономаха

Часть первая

Каждый народ хочет иметь корни, и поэтому в обязательном порядке творит мифы о великих предках. О своём происхождении от богов (или от героев), о великих деяниях пращуров. Даже Соединённые Штаты, которым всего-то от силы два с половиной столетия – и те уже успели обзавестись мифом про отцов-основателей. Что уж говорить про народы куда более почтенного возраста. Римляне воспевали Ромула и Рема, которые якобы вели свой род от Геракла, Карфаген возводил своё происхождение к Трое. Немцы в XIX веке, создавая единое государство из раздробленных княжеств, воспылали тягой к Нибелунгам. Не избежали этого в какой-то мере и мы, русские. Для нас подобным «доисторическим» периодом стала эпоха Киевской Руси.

Всплеск интереса к древним героям очень часто совпадает с трудными периодами в жизни народа – ведь из своей исторической памяти и деяний предков мы черпаем силы бороться с невзгодами настоящего. Вот только есть в такой мифологии, пусть она и создаётся с благими целями, одна опасность: мы легко можем подменить реальные события выдумкой, особенно если плохо знакомы с настоящей историей. Самый простой пример – былинный князь Владимир Красное Солнышко, который стал собирательным образом двух князей: Владимира Крестителя и Владимира Мономаха. А ведь между этими людьми полтора столетия и два разных мировоззрения только что крестившегося язычника и христианина в пятом колене. То же самое можно сказать и о том, какими представляют себе многие наши современники живших в XI веке горожан, дружинников и крестьян-смердов. Для сравнения: в сегодняшнем языке «смерд» слово уничижительное, а в X-XII веках смерд – это крестьянин, зависящий только от князя или воеводы, но, в отличие от холопа или закупа, лично свободный. И поэтому в социальном статусе стоявший лишь на самую малость ниже купца или воина. У большинства россиян XXI столетия образ идеализированного предка-славянина в лучшем случае рисуется с Волкодава из одноимённой книги Марии Семёновой. Но ведь она-то, хоть и профессионально занималась дохристианской и раннехристианской эпохой, писала художественный фантастический роман! И вынуждена была многое изменять в угоду канонам именно фантастического романа. Да что там, даже о происхождении славян в нашем сознании перепутались множество мифов. В лучшем случае многие вспомнят теорию о том, что русы, варяги и норманны – одно и то же, или рассуждения о предках-скифах.

Но с тех пор, как возникли эти теории, прошло больше сотни лет, наука не стояла на месте. Даже такой удивительный феномен, что корень «рус» имеется во всех славянских языках, пусть языки давно пошли по разным путям развития – и тот обрёл объяснение.

(Слово вошло ещё в язык праславян во время эпохи миграций и восходит или к иранской основе «белый, блестящий», или от индоарийской основы «светлый, белый».) Итак, по сегодняшним представлениям самая вероятная родина древних славян – Средний Дунай. Именно здесь обитали праславяне. (Можно конечно упомянуть и предков праславян – древних ариев, пришедших на Дунай и смешавшихся с туземным населением, но это было настолько давно, что уже к 1 тысячелетию д.н.э. от ариев остались лишь еле различимые следы в языке и культуре.) В 1 тысячелетии до нашей эры сформировался новый виток этногенеза, культура древних славян. Молодой и агрессивный этнос тут же начал экспансию на восток. Так предполагается, что часть скифов, упоминаемых Геродотом («скифы-земледельцы»), на самом деле была славянами. Экспансия достигла Поволжья (именьковская культура на территории Татарстана), достигла нынешних Новгородской и Петрозаводской областей. А дальше материнская земля попала под удар новых народов, оставшиеся в Европе славяне оказались рассеяны и ассимилированы, немногие уцелевшие осколки стали самостоятельными, но угасающими культурами. Нынешний ареал расселения славянских народов обязан своими границами начавшейся реэмиграции и экспансии в 5-6 веках нашей эры. Именно тогда зафиксированы первые набеги славян на территорию той же Византии (империи ромеев, как они себя называли).

Какие они были, наши предки? Ничем особо от нас не отличались. Две руки, две ноги, одна голова. Работали, растили детей. А что Интернета и телевизора не существовало – так насыщенность «информационного поля» с лихвой компенсировалась множеством существ, населяющих окружающий мир. В доме – дедушка Домовой, в овине – Овинник, а ещё есть Банник, Дворовой, Леший и Водяной в реке. Если добавить сюда завезённых скандинавами фоссегримов, скрёмтов, утбурдов и прочих потусторонних созданий, скучать не приходилось.

В деревнях выращивали хлеб, в городах ремесленники делали товары, купцы торговали. Вроде бы та же Европа или Византия, разве что поверх расклешенной рубахи до бедра надевали свиту (что-то вроде расклешенной книзу неприталенной туники до колена, с длинными рукавами, пошитой из грубого сукна), да обязательно, вне зависимости от сословий, одевали штаны-порты и подвязывали верёвочкой-гашником. Климат был суровее, и даже летом голым ногам становилось холодновато. Поэтому, кстати, свой аналог портов нередко носили и женщины, хотя юбки, которые они надевали вместе с рубахами, и были до лодыжек. Второе внешнее отличие – на Руси гораздо раньше западных соседей внедрили строительство изб из поднятых на венцы срубов, а не из выстеленных

плахами полуземлянок, когда выступающая над землёй часть обмазывалась глиной. Но опять же, вопрос климата – зимой в срубе теплее. Да и крепости предпочитали строить не из камня, а из дерева – цепочка срубов, засыпанных изнутри щебнем и глиной, по прочности не уступала камню или кирпичу. А обходилась в славянских землях куда дешевле.

А Киевская Русь? (К слову, термин «Киевская» введён уже современными историками, сами обитатели этого государства называли себя просто русами). Летописец Нестор начинает историю земли Русской с князя Вещего Олега в конце IX века. Именно тогда, воспользовавшись случаем – в Новгороде киевские родичи спрятали от междоусобных разборок малолетнего Игоря – Олег женил его на своей племяннице и отправился в Киев «восстанавливать справедливость и права несовершеннолетнего родственника». После захвата удобного торгового перекрёстка Олег сделал город столицей нового военного союза племён. Главной задачей в период своего правления полагал расширение границ княжества и укрепление торговли, ради которой и затевалась столь сложная комбинация. Именно Олег привёл к покорности соседние племена и своим знаменитым походом на Царьград добился от базилевса торговых преференций.

Но если судить строго, государства Олег Вещий так и не создал. Союз держался на авторитете киевского князя, который этим авторитетом собирал дружину и кормил с дани. Дань же собирал угрозой расправы. Именно государство как единое экономическое и юридическое пространство создал правивший следом князь Игорь, Великий князь Киевский с 912 по 945 год. В школьных учебниках, как правило, говорится, что Игорь был женат на первой христианской княгине Ольге Святой... И был убит, когда решил взять с племени древлян двойную дань. Дальше учебники подробно описывают месть Ольги за мужа, её правление и принятие христианства. А ведь Игорь правил Русью больше тридцати лет! И, на мой взгляд, этот выдающийся государственный деятель забыт сегодня незаслуженно. Историк Николай Михайлович Карамзин тонко подметил особенность великого князя Киевского: «Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников Государя великого, или презирают недостойных». Игорь в отечественной истории получил прозвище Игорь Старый. Его прозвали так за долгие годы державной работы, состоявшей не только из постоянных военных походов во все стороны от стольного града Киева. Мы помним, как Вещий Олег прибил свой щит на воротах Константинополя – но в 944 году именно Игорь заставил византийцев снова трепетать в страхе, что киевское войско опять всего в нескольких переходах от столицы империи. И пусть историки спорят про итоги договора: проиграл ли

Игорь, вернув ромеям немало добытых Олегом предпочтений, или сумел отстоять хотя бы часть, а не потерять всё... Грозная репутация правителей Киева, готовых в любой момент сжечь Царьград, немало помогла потомкам. Именно Игорь Старый занимается превращением Руси из аморфного собрания племён, выплачивающих дань киевскому князю только как сильнейшему – в державу. Где не покорённые народы выплачивают разовую произвольную сумму сильнейшему, а княжеский тиун и посадник собирают с провинции раз и навсегда установленные налоги. Дружина именно при Игоре становится не вольницей, которая служит князю за добычу, а войском, которое служит за славу, статус и постоянную плату. И гибель Игоря связана именно с сопротивлением тех, кто не хотел расставаться с прежними порядками. После него в русской княжеской семье будет немало Игорей – Игорь Ольгович, Игорь Святославич и так далее. Прозвище Старый (то есть старейшина земли Русской) остался носить только один из них. А созданная им и его женой Ольгой держава просуществовала несколько столетий и стала образцом для создания уже Русского государства.

Часть вторая

После смерти Ольги начался период упадка государства, как всегда в блеске внешней славы. К власти пришёл Святослав Игоревич. Неплохой полководец и воин, настоящий викинг по натуре. Смысл жизни видел в походах и завоеваниях, реорганизовал дружину во многом по старому образцу, власть строил на личной преданности. Страна начала понемногу распадаться. Впрочем, стоит отметить, что центробежные тенденции тогда просматривались чуть ли не по всей Евразии. Распался Иберийский халифат, в Китае – смута эпохи пяти династий и десяти царств, хаос в Индии и в арабском халифате Аббасидов. В Европе заканчивается мясорубка, связанная с образованием более-менее постоянных государств на обломках Римской империи и державы Карла Великого. Да и Византия, хоть вроде бы успешно воюет в Малой Азии и Средиземноморье, имеет серьёзные проблемы с лояльностью Южной Европы, а также с лояльностью пограничных полководцев. Не всё хорошо и в Восточной Европе – именно в 10 веке она постепенно начинает культурный дрейф из состава древнеславянского этнокультурного витка в сторону западноевропейского.

Именно в этот хаос и вмешался князь Святослав, когда закончились печенеги (их-то он рвал в клочья). Вмешался с фатальными последствиями. В IX-XI веках восточные славяне переживали свой культурный пик, господствующие в обществе настроения – ремесло и торговля. Такие люди без труда берутся за меч, отстоять свою родину и семью,

но жаждут не воинской славы, а славы пахаря и созидателя. Подданные понимали и поддерживали войны против кочевников: остановить набеги. Но не поддержали идей болгарских походов и вмешательства во внутренние дела Византии. Святослава подвела логистика, страна оказалась элементарно не в состоянии (да и не желала) финансировать его заграничные походы. В итоге войско оказалось уничтожено, князь погиб Киев в упадке и больше напоминает крепость северных ярлов: место обитания воинов да укрепленная точка для местных жителей, прятаться от набегов. Деньги любят спокойствие, так что сначала купцы, а за ними и ремесленники потянулись в Новгород – северные торговые ворота, где начинался путь из варяг в греки... И в Полоцк, начавший всю наступать Новгороду на пятки.

Тем не менее, бюрократическая система, созданная Игорем Старым, в целом устояла. Когда в 972 году до Киева доносится весть о гибели князя Святослава, налоги по прежнему собирались, и тиуны судили. Государство к этому моменту поделено между тремя сыновьями. Олегу достался, как бы сейчас сказали, депрессивный и разоренный Древлянский край, но на большее он и не претендовал. Старший Ярополк княжил в Киеве – престижно, но не очень денежно, пусть пошлина с плывущих мимо купцов в казну и поступает (пусть не так много и не так регулярно, как хочется). Владимир сидел в Новгороде: далеко от политического центра, зато денежно. Судя по всему, он показал себя неплохим полководцем и дипломатом, ибо, когда началась свара между братьями, и Владимир захотел вмешаться – «золотые пояса» дали денег для найма армии. (Впрочем, возможно сыграло и то, что Ярополк поторопился взять под контроль стратегический город и попробовал пропихнуть посадником своего человека). В 980 году Владимир возвращается на Русь с наёмным войском из викингов (впрочем, войско – наполовину родня тем же северным славянам).

А дальше... Вместо прямой атаки Киева молодой полководец зачем-то идёт на Полоцк. По официальной версии заручиться помощью, но, не сдержавшись после оскорбления княжны Рогнеды «ты сын рабыни», Владимир город сжёг. История, прямо скажем, шита белыми нитками. Если Владимир уже имел солидное войско, зачем ему ещё и помощь Полоцка, за которую надо тоже платить? Да ещё и оскорбление... Мать Владимира – Малуша – дочь Малка Любечанина, которого историки отождествляют с Малом, последним князем Древлянским. Взята в плен, увезена в Киев, стала наложницей Святослава. Владимир куда родовитей полоцких князей со всех сторон. Другой разговор,

что ему нужен был повод... Чтобы начать штурм Полоцка и тем самым расплатиться с новгородцами за помощь, уничтожив молодого, но опасного торгового конкурента.

Так же темна история и со смертью старшего брата во время переговоров. Но хорошо проявляется хитроумие Владимира как дипломата и вообще специалиста по закулисным играм. Титул правителя – князь – происходит от слов «кон» (закон) и «аз» (я). То есть «давши слово – держи». Но Владимир сумел отбрехаться и от обвинений в нарушении слова (для князя, который от этого мог потерять расположение богов, обвинение куда страшнее, чем братоубийство). Сумел Владимир договориться и с киевскими христианами – а ведь они видели в Ярополке надежду на утверждение своей веры среди славян. Но положение оставалось очень шатким. Нет легитимности, после смерти брата многие смотрят на молодого князя «лучше этот, чем усобица». Набеги осмелевших печенегов. Войско хочет служить не за жалованье, а за добычу и грозит князя скинуть и поставить «получше». Денег же на хороший поход попросту нет, да и не пойдут смерды и ремесленники воевать. Уже насмотрелись на Святослава. Владимир провёл ряд успешных походов (в 981 году против поляков, в 982 усмирил вятичей, в 983 установил контроль над Судовией, что открывало путь к Балтике, а в 984 Владимир совершил поход на радимичей; в 985 воевал с Волжской Булгарией и обложил данью Хазарию). Но как дальновидный политик князь понимал, что это – тупик. Он скатывается во времена Вещего Олега и полностью оказывается в зависимости от дружины.

Первая попытка придать своей власти легитимность – реформа языческого культа по образцу скандинавов. В Киеве восстанавливают капище с идолами шести богов славянского язычества, объявленных главными – Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши. Велеса из основного пантеона выкидывают. Восстанавливаются человеческие жертвоприношения... Очень скоро Владимир сталкивается с оппозицией волхвов. Это были отнюдь не лубочные умудрённые седобородые старцы в белых хламидах. Это были властолюбивые языческие жрецы, почуявшие безнаказанность и запах власти. Показателен пример, когда в жертву приносится дружинник-христианин Фёдор, а князь ничего не смог сделать. Его порвала бы на части возбуждённая религиозным экстазом толпа. Этим жертвоприношением языческие волхвы подписали себе смертный приговор. Делиться с таким трудом добытой властью Владимир не собирался. Плюс, вслед за дедом и бабкой, он был державником – а старая вера с множеством богов не соответствовала фазе единой государственности с одним властителем. Да и не очень подходил культ, лишь недавно отказавшийся от человеческих жертвоприношений и запросто к ним вернувшийся,

как основа стабильности. Поэтому Владимир легко отказался от старой веры и занялся поиском новой: слова «Париж стоит мессы» скажут много столетий спустя, но принцип уже существовал.

Православное христианство оказалось самым перспективным выбором. Это торговые связи с Константинополем и крупнейшие христианские общины в стране (те же купцы – в массе уже христиане, а это деньги). Не зря и старший брат двигался в том же направлении. Это идея «единой власти от Бога». И главное – за годы сосуществования с властолюбивыми базилевсами Церковь хорошо усвоила принцип «Богу Богово, а кесарю кесарево». В 986 году Владимир Святославич начал переговоры с Византией относительно женитьбы на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII принцессе Анне. В обмен на руку Анны киевский князь предлагал императорам военную помощь, в которой те остро нуждались (катастрофический провал военной экспедиции против болгар, мятеж Варды Фоки и восстание Херсона – а через город шёл крупнейший торговый поток Чёрного моря). В конце концов ромеи приняли предложение русской стороны. Владимир двинулся на Херсон. И снова проявил себя как полководец и дипломат. Каноническая история про монаха, из человеколюбия выдавшего тайну акведука Херсона и спасшего тысячи жизней, не допустив штурма – скорее всего опять липа для оправдания. Армия Владимира выучкой намного уступало дружинам деда и отца, не зря, чтобы не допустить бегства, он даже приказал вытащить ладьи на берег. Штурмовать город с такими солдатами – получить чудовищные потери. Но это не отменяло грозной репутации русов, на которой, скорее всего, и сыграли разведчики Владимира, убедив кого-то в городе выдать тайну «за выкуп без резни».

Анна могла выйти замуж только за христианина. В 988 году князь Владимир принял святое крещение с именем Василий. Свадьба с Анной окончательно повернула историю Руси в сторону великодержавности. Новая, простая и понятная христианская вера хорошо вписывалась в культурные требования «золотой эпохи труженика». Без особого труда смогла стать государственной идеологией – Русь не знает многочисленных мучеников, павших от руки язычников за веру. (Что интересно, в Европе подобная страна всего одна: Ирландия. Там язычество тоже сдалось почти без боя.) Язычников преследовали хоть и жестоко по меркам нашего времени, но для своей эпохи – вполне гуманно. Резни, подобной Варфоломеевской ночи, наша история тоже не знает. Владимир первый начал чеканить свою монету (самая дорогая была златник, за ней шёл сребреник, потом куна, ногата, резана и самая мелкая – вервица; на аверсе золотых и серебряных денег чеканилось

изображение и имя князя, на монетах помельче – святые, на реверсе герб Киевских князей). А свои монеты – это не только финансовая устойчивость страны, теперь не зависящей от чужеземных динаров, но и показатель политической и экономической мощи средневековой державы. Не зря именно при Владимире столица расцветает, восстанавливаются и строятся многочисленные каменные и деревянные здания. Киев вновь становится не только политическим, но и финансовым центром страны. Владимир нанёс смертельный удар родовым неписаным обычаям: заявил, что наследовать ему будут только законные сыновья от официального брака, а старший сын от пленной княжны Рогнеды прав не имеет – ибо рождён в блуде. Владимир с помощью дружинников-христиан окончательно усмирил амбиции войска, закончив «гвардейскую эпоху». Отныне и до конца существования дружина лишь инструмент, но не самостоятельная политическая сила. Именно при Владимире закрепляется римско-византийская модель государственной власти. Поместье (бенефиция) и служба чётко разделяются: земля и доход могли стать наградой, но привязывала к господину клятва верности. Источником власти и закона может быть только правитель.

Подводя итог правления Владимира Крестителя, хорошо вспомнить слова Иоанна Грозного: «Как человек я, может, и не очень свят – но как правитель хорош». Это была другая, жестокая эпоха. И нам, гуманным потомкам, сложно судить, насколько хорошим и праведным был князь Владимир. Несомненно одно: он сформировал сильное государство, которому остался всего небольшой шаг до превращения в сверхдержаву.

Часть третья

Начало XI века выдалось относительно стабильное. Византия успешно подавила мятежи на окраинах, справилась с внутренними проблемами. Европа затихла, замерла, накапливая как хищник силы перед прыжком – в 1096 году начнётся Первый крестовый поход. Но пока на западе Евразии относительно мирно, бароны и горожане занимаются хозяйством, поднимают экономику. К слову, вполне успешно: уже к середине XI века этот расцвет соизволят заметить и Русь, и Византия (этим европейцы вообще неплохо обломают бока, когда ромеи попробуют вмешаться во внутренние дела Европы). А страны Восточной Европы, претендовавшие на роль центра европейской цивилизации, почувствуют, что у них появились конкуренты на западе, с которыми уже надо считаться. Относительно стабилен пока ещё халифат Аббасидов, южная ветвь Великого Шёлкового пути через него вполне процветает и конкурирует с маршрутом Булгар/Киев. На другой стороне в Китае худо-бедно, но правит династия Сун, которая сумела на пару столетий частично обратить вспять

процесс распада страны. В Японии – золотая осень эпохи Хэйан. С обеих сторон Великого шёлкового пути есть и производство товаров на продажу, есть и те, кто желает заморские товары иметь. Не зря примерно на эту эпоху приходится расцвет островной империи Шривиджайя (включала Суматру и часть нынешней Малайи и контролировала проливы, ведущие из Бенгальского залива и Андаманского моря в Тихий океан), которая претендовала на безраздельно владение морской торговлей Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Именно в это время родился и вырос будущий Великий князь Ярослав Владимирович (Мудрый) (родился около 978 года). Судя по его дальнейшей биографии, характером и способностями он больше всех пошёл в отца. Умён, властолюбив, тщеславен, но без вредящей делу гордыни. Думаю, не в последнее очередь сыграло и образование. Хорошее для своего времени, а ещё христианское и значит во многом византийское. Ибо с приходом христианства новая удобная азбука быстро начала теснить бытовавшие до этого виды письменности (древненорвежские руны, а также предположительное древнее письмо – четы и резы). Учили, естественно, в первую очередь по Библии и монахи. Проповедовать же тогда ехали люди образованные, а уж Великий князь мог подобрать детям лучших из лучших педагогов. Именно от византийцев Ярослав наверняка и научился ждаты и смирать натуру ради далеко идущих планов. А ещё Ярослав был очень силен – медведь на гербе города Ярославля появился в честь истории, когда будущий киевский князь в одиночку заломал медведя.

В молодости отец отдал ему в управлении Ростовскую землю, тогда окраину страны и довольно глухое место. Ярослав не только основал новый город в стратегически важном месте, но и мудрым управлением заложил основы грядущего процветания Ростово-Суздальской земли. Во многом благодаря Ярославу через сто лет город с гордостью начнут называть Ростовом Великим. Неудивительно, что примерно в 1012 – 1013 году в управление Ярослава отдали второй по важности город земли русской. Новгород.

И тут же проявился властолюбивый характер Ярослава. Он быстро нашёл язык с местными «золотыми поясами» и с горожанами. Возможно, наобещал с три короба. В 1014 году Ярослав отказывается платить налоги Киеву и фактически провозглашает независимость. А когда разъярённый Владимир собрался послать дружину для усмирения непокорного отпрыска, выяснилось, что Ярослав уже нанял викингов за деньги новгородцев. Вместе с ополчением, включавшим отряды купеческой стражи, войско получалось очень серьёзное. Малой дружиной такое не разгромить, надо собирать

собственную армию. Киевский князь так и сделал... В 1015 году печенеги начали вторжение на Русь. Армия вместо усмирения мятежного севера двинулась на юг, защищать свои земли и уберечь важнейшую торговую артерию Шёлкового пути. Возможно, Ярославу повезло. Но хотя свидетельств не осталось, и вообще летописи рисуют «мужа благородного», пусть и буйного иногда нравом – судя по делам и биографии, Ярослав либо сам спровоцировал войну с печенегами... Либо, что более вероятно, знал про вторжение, но не поделился информацией с Великим князем, а старательно подгадал.

В пользу такого взгляда на характер Ярослава говорит следующий факт. Нанятые для войны варяги бесчинствовали в Новгороде. Новгородцы перебили наиболее наглых и виноватых. Ярослав, узнав об этом, послал горожанам весть: «Хоть и сделали вы большое зло союзникам моим, но их мне уже не воскресить. Приезжайте ко мне мириться». Новгородцы поверили дружелюбию Ярослава, избрали лучших мужей (то есть наиболее богатых и влиятельных в политике) и отправили их в ставку князя. Ярослав же велел их всех перехватать и перебить. Но в ту же ночь Ярославу пришла весть от его единоутробной сестры Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве. Убил он уже Бориса и к Глебу послал убийцу. Берегись его!» (Так и хочется всплакнуть: ну как всё удачно и точно совпало, прямо знак свыше.) Сильно встревоженный и опечаленный этим известием Ярослав собрал на другой день новгородцев на вече и сказал им: «Вчера, в безумии, перебил я многих из дружины моей, а сегодня пришла мне весть, что отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев моих. Хочу идти на него! Пусть не будет между нами вражды, ибо за каждого убитого готов я откупиться золотом» (Подозреваю из подвалов тех самых перебитых мужей). Новгородцы же отвечали: «Хотя, князь, и иссечены братья наши – можем за тебя биться!» В итоге князь и при армии (четыре тысячи, из которых половина – отборные головорезы-северяне, очень серьёзная сила), и при деньгах, и без оппозиции за спиной.

Но это будет чуть позже, а пока после скоропостижной смерти Владимира великокняжеский стол занял Святополк I (наиболее вероятная версия – двоюродный брат Ярослава, по древним обычаям после смерти брата усыновлённый Владимиром). Опираясь на помощь польского короля Болеслава I, совершил переворот, убил своих братьев Бориса, Глеба и Святослава. Опять же, некоторые летописцы утверждают, что Ярослав имел свою разведку в Киеве, уже после смерти Глеба и Святослава знал про следующее покушение, но его гонец «удачно опоздал». Не очень боялся Ярослав и Святополка, человека не очень сильного волей и не очень хорошего управленца. В сражении под

Любечем Святополк расположил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиной. Новгородцы неожиданно ударили и прижали киевлян к озеру. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, Ярослав вступил в Киев.

А вот дальше вмешался политический гений и амбиции создателя Великой Польши Болеслава Храброго. При этом выдающемся правители Польша изрядно приросла землями и богатствам, не стесняясь лезла в дела соседей. Именно Болеслав первым из польских правителей получил титул короля. Потому-то сразу увидел возможность зачерпнуть золота из богатого торгового потока – ведь под Киевом сходились Великий Шёлковый путь и путь из варяг в греки. Святополк же согласился признать вассалитет... Чем заработал себе прозвище «окаянный». Ибо официальная версия – за убийство братьев – не выдерживает никакой критики. Тот же Владимир ради престола убил старшего брата, и ничего – святой. Резали родственников и после, но вот такой всеобщей анафемы, и церковной, и народной, другие князья не удостоились.

В 1018 году король Болеслав вместе со Святополком выступил на Ярослава. Ярослав ждал их на берегу Буга и проиграл. Польский король был храбрый воин и очень талантливый полководец, Ярослав же командиром был средним. Зато, даже проиграв сражение, умел выигрывать войну. С горсткой оставшихся людей Ярослав снова оказался в Новгороде. И дальше летописи опять приводят красивую историю, как, дескать, Ярослав хотел из Новгорода бежать дальше за море, к варягам, но посадник Константин, сын Добрыни, вместе с горожанами изрубил все ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком!» У меня этот рассказ вызывает откровенное недоверие, ибо очень уж напоминает историю Рима во время вторжения Ганнибала. И запросто мог быть взят летописцем именно из истории. И новгородцы, и Ярослав прекрасно понимали: рисковать войском Болеслав не станет и на север не пойдёт, а без его мечей Святополк – пустое место. Скорее всего, Ярослав своим красноречием убедил купцов, что останься поляки в Киеве, они потеряют важный торговый маршрут. И Новгород опять тряхнул мощной для найма викингов.

В Киеве тем временем дела шли плохо. Недовольный вассалитетом и поведением чужаков город медленно закипал, Святополк тоже дурил, то задабривая старшин городских концов (город тогда делился не на районы или приходы, а на ремесленные концы) и бояр, мечтая отказаться от опеки тестя, то, наоборот, соглашаясь со всеми условиями Болеслава и казнил несогласных. Болеслав очень быстро понял, что его идея

провалилась: он хорошо знал историю и наверняка помнил, чем для викингов закончилась попытка силой включить в свои земли Новгород и оседлать торговлю с Византией. Северную армию вторжения вырезали до последнего человека. Потому, едва дошла весть, что Ярослав с новым войском идёт на Киев, поляки, похватав всё, что плохо лежит, поспешили убраться. Святополк бежал к печенегам, попробовал с их помощью вернуть власть, но был разбит в жестоком сражении на Альте.

Заняв столицу, Ярослав был вынужден бороться с волной сепаратизма. Иногда военные победы оказывались за ним, иногда он вынужден был подписывать мир на «расширенных правах самоуправления» как со своим братом Мстиславом... в таких случаях Ярослав умел ждать, чтобы со временем всё равно повернуть дело к своей пользе. Заодно в этих трудах он окончательно обрёл репутацию поборника единства земель русов и гаранта закона и порядка. Про то, что сам он начинал с такого же мятежа, никто и не вспоминал. Заодно усмирил новгородцев. Едва в 1036 году Мстислав умер, не оставив наследников, Ярослав тут же завладел Черниговом, начал самовластно править Русской землей и силой посадил в Новгороде посадником своего сына. Наверняка были несогласные. Но тут началось крупнейшее вторжение печенегов, собранные со всех земель дружины и ополчения сошлись с врагом под Киевом... Где вся оппозиция заработала себе вечную славу и память, оставшись на поле боя. Новгород усвоил урок хорошо, и из большой политики город исчезает на несколько поколений.

А вот дальше Ярослав стяжал себе известность не только как грамотный политик и неплохой главнокомандующий, но и великий государственный деятель. Именно с него начинается золотой век Киевской Руси, когда на карте Евразии появилась могучая сверхдержава, славная своими воинами и мастерами, которых звали на службу даже в золотой град Константинополь. Почти на полтора столетия Русь заспорила и с ромеями за гегемонию на Чёрном море, и со всей Восточной Европой за безграничную власть на Балтике. С великими князьями мечтали породниться правители от Тёплого моря, как на Руси называли Средиземноморье, до суровых норвежских фиордов. Соответственно и к иноземцам на Руси относились чуть покровительственно и снисходительно, хотя принимать и не отказывались: трудовые мигранты были известны уже в ту эпоху. Славянские купцы не боялись ездить в дальние путешествия, ведь за ними стояла сила могучего государства. Именно тогда активно началась колонизация Русского севера, русы заселили Биармию и Поморье (нынешние Карелия и Архангельский край), продвигались к сегодняшней Перми и делали первые попытки закрепиться вдоль Уральского хребта. Для защиты Киева с юга

Ярослав велел рубить по реке Рось цепь крепостей – Юрьев, Торческ, Корсунь, Треполь и многие другие. Именно Ярослав заложил новую систему образования, многочисленные школы при церквях и монастырях. Уровень грамотности как в Киевской Руси его наследник Московское царство повторно достигнет лишь в эпоху книгопечатания. Именно Ярославу принадлежит честь создания первой в Киеве настоящей княжеской библиотеки. Именно Ярослав, хоть и насаждал христианство, фактически отделился в церковном плане от Константинополя, впервые продавив митрополитом славянина-монаха Иллариона. Ну и конечно именно Ярославу I Мудрому принадлежит следующий шаг от родового союза племён к устойчивому государству. Судебная реформа.

Титул правителя – князь – происходит от слов «кон» (закон) и «аз» (я). То есть князь является хранителем родовых обычаев и главным их толкователем... Де-факто, судебная система того времени зиждилась на прецеденте: предки поступали так, и нам следует так же. Это далеко не всегда соответствовало новым требованиям жизни (место в вертикали общественных отношений в первую очередь определялось близостью к князю, а уже потом родом), и это фактически ограничивало власть князя.

Созданный новый свод законов «Русская Правда» окончательно повернул государство в сторону римско-византийской системы законодательства, когда главным считался писанный закон. И этот закон в ряде случаев был даже выше церковных требований. К тому же, новый судебник делил всё население не по племенной принадлежности, а по общественному положению. Он же ограничивал кровную месть, заменив её денежной заповедью – то есть штрафами и вирами.

Итоги правления Ярослава Мудрого огромны. Разрозненные племена окончательно слились, почти стёрлись племенные границы. Даже в эпоху раздробленности и распада Киевской Руси не потерялась общность всех восточных славян, объединённых единой верой и единым законом. Сохранилась память о великих деяниях мужей той эпохи. И пусть самой Киевской Руси давно нет, память и гордость за наших предков не угасла и поддерживает нас до сих пор. Ведь именно благодаря успехам Ярослава годы лихолетий не уничтожили славян, как случилось со многими народами. Родилась новая нация, мы – русские.

Часть четвёртая

Последний шаг по превращению Руси в современное государство сделал Владимир Мономах (1053–1125, великий князь Киевский с 1113 года). Человек безусловно во всех отношениях выдающийся. Разносторонний гений, который подобно универсалу-

Ломоносову изменил страну и общество. Только Владимир Мономах силы вложил в военное дело, политику и управление. Из 82 сражений полководец Мономах проиграл всего одно. Оставил после себя ряд изречений, ставших девизами правителей много веков спустя. «Что умеете хорошего – не забывайте, а чего не умеете – учитесь. Пусть не застанет солнце вас в постели. Упорством власть берётся». По преданию, эти слова будущий Великий князь произнёс тринадцати лет от роду, сев княжить в Ростове. Тогда были живы и старшие братья отца, и их дети. А согласно завещанию Ярослава Мудрого порядок престолонаследия на Руси шёл по лествичному закону. Это означало, что трон наследуется не прямым порядком от отца к старшему сыну, а переходит к старшему в роду, чаще всего от брата к брату – и шансов у Владимира Мономаха сесть на Киевский стол не было никаких.

Эпоха была сложная. После завоевания Багдада сельджуками в 1055 году и утверждения династии Сельджукидов, единый мусульманский халифат фактически рухнул. Пусть династия Аббасидов формально и оставалась во главе ислама, символизируя духовное единство с новой властью. Окраины халифата такого не признали и не смирились, единая некогда территория сотрясается мятежами и волнениями, хотя внешне шло и хорошо: турки-сельджуки нанесли ряд чувствительных поражений базилевсам. Вскоре на ослабленные государства мусульман накинута крестоносцы. Едва поймут, что Византия хоть и потерпела поражение в Европе, но ещё долго будет рыцарям не по зубам. В конце XI века Византия понемногу выходит из системного кризиса, к власти приходят блистательная династия Комнинов. Но до периода спокойствия в империи ещё далеко, Алексей I Комнин ведёт непрерывные войны за существование страны, и всё подчинено исключительно цели выживания. Печенеги вырезаны полностью и перестали существовать как народ. Степь заселяют кыпчаки, прозванные на Руси половцами от древнерусского слова «полова» – свежескошенная солома – за необычный для тюрок светлый цвет волос. С 1068 г. Русь под непрерывными ударами. С другой стороны Великого Шёлкового пути ситуация была не лучше. В Китае экономические реформы императорского министра Ван Ань-ши в 1068-1073 годах провалились. По-прежнему царил произвол знати и всё ускоряющееся обнищание крестьян и ремесленников. Династия Сун и страна на краю гибели, от голода вымирали целые уезды – и никого это уже не удивляло. Схожая ситуация в Японии, где правившая страной аристократия окончательно деградировала. Императорский двор был декадентским, утончённым до женственности, щеголи даже ходили в женских одеждах, красили брови и чернили зубы, подобно женщинам. Изысканность чувств и слезливость

переживаний стали законом, ухищрения придворного этикета доведены до сложнейшей игры, нарушить правила которой считалось святотатством. Зато на севере и северо-востоке страны, где ещё шло покорение новых земель – их отвоёвывали у гор и лесов, у айнов (реликтовый осколок протоевропейской расы, населявший Японские острова до появления пришельцев с континента; смешавшись на южных островах с пришлым корейским населением, айны дали начало современным японцам, на севере племена отказались ассимилироваться и были истреблены и вытеснены на остров Хоккайдо) – вырабатывался особый характер воина и свободного землепашца. Самурая. Неудивительно, что наступил день, когда эти люди захотели взять власть в свои руки... Итогом стало заметное снижение к началу XII века торговли через Шёлковый путь. Не только меньше товаров стали производить, но и меньше потреблять: воинам в походе мало интересны шёлковые рубашки, золочёные кубки и прочая роскошь. Меньше пошло караванов и налогов с торговли (да и опаснее стало возить, что тоже негативно влияло на торговлю). Без следа исчезла морская держава Шривиджайя, пришло в упадок и выпало из мировой политики Паганское царство (сегодняшняя Бирма). Начались трудности у держав, немалую часть бюджета которых составляли налоги с торговли. В том числе проблемы возникли и у Киевской Руси. На рубеже XI-XII веков страна столкнулась с острым управленческим и финансовым кризисом. Завещанная Ярославом I система правления оказалась нежизнеспособна в ухудшившихся условиях.

Именно тогда и выходит на политическую сцену Владимир Мономах (прозвище взял в честь деда, византийского императора Константина Мономаха). По отзывам современников, Владимир собрал лучшие черты обоих великих дедов. Физически очень силен как Ярослав, харизматичен. Учёностью выделялся даже среди соплеменников, а русы тогда по уровню грамотности были самой образованной страной континента. Любой, кто хоть чего-то хотел добиться на службе, должен был уметь читать и писать. Мономах уже к тринадцати годам свободно говорил, читал и писал на пяти языках. Став князем ростовским, прославился как умелый охотник: от простого загонщика до распорядителя облавы. А это почёт и уважение войска, ведь охота в те времена служила не для развлечения: заготовный промысел и тренировка дружины «в условиях близких к боевым».

Русь преследовали неудачи. Половцы, в отличие от диких печенегов, были намного выше по культуре и организованности. Брели не свирепостью и численностью, а выучкой, грамотной логистикой и тактикой. В 1068 году половцы наносят русам сокрушительное поражение. Хорошо работавшие против ромеев и печенегов способы войны оказались

бессильны против равного по выучке и вооружению противника. Южные земли в полном разорении, половцы угрожают даже Киеву. К тому же, в 1073 г. великим князем стал слабавольный, но амбициозный Святослав Ярославич.

По «Завещанию» Ярослава Мудрого киевский трон могли наследовать лишь те, чей отец тоже был великим киевским князем. Святослав опасался, что старший брат Изяслав переживет его, и тогда дети «покинут очередь». По наущению Всеволода (отца Мономаха) Святослав вынудил брата спасать жизнь в Польше у родственников жены. До своей смерти в 1076 г. Святослав просидел в Киеве. Не прогадал и тихий книжник Всеволод. Он получил от великого князя в награду Чернигов, при этом остался князем Переяславля и через сына правил Ростово-Суздальской землёй. Семейство Всеволода стало самым «многоземельным» в роду Рюриковичей, самым богатым золотом и воинами. Кроме того, благодаря дипломатическому искусству Владимира Мономаха (возглавившего посольство в Польшу «о прощении обид и вечном мире»), ветвь Всеволодовичей и сам Мономах принимают статус независимого и честного судьи в различных тяжбах и спорах. Неудивительно, что именно Мономах возглавил экспедиционный корпус русов в помощь полякам против чехов. А когда король после окончания войны отказался за помощь платить – «вы собрали много добычи» – Мономах вытряс из поляков «компенсацию» в 100 кг серебра угрозой сжечь дотла Восточную Польшу.

В 1076 умер Святослав, и на его место было въехал отец Мономаха – Всеволод, но Изяслав на этот раз решил постоять за свои права. Во главе польского войска он двинулся на Русь. Армию отца возглавил Владимир Мономах. До битвы русских дружин с польскими рыцарями не дошло, репутация у молодого полководца была грозная. Но и Всеволод не хотел терять войско, потому противники оценили силы друг друга и договорились. Всеволод уступал Киев брату своему Изяславу. Очевидно, он представил Изяславу переворот 1073 г., как исключительную инициативу Святослава. Изяслав в благодарность за возвращенный Киев, разрешил Всеволоду оставить за собой и Чернигов, где должен был сидеть сам Всеволод, и Переяславль с Ростово-Суздальской землей и Новгородом Великим, где находились дети и внук Всеволода. Таким образом, Всеволод окончательно превращался в самого могучего и реального правителя Руси. Позже дети Святослава попытаются это оспорить, захватив Чернигов, но сработала политическая дальновидность отца и сына. Зависящий от них Великий князь встал на стороне Владимира, своим словом «узаконил» обширные права младшего брата, пусть и против традиций. Святославичи тем самым становились смутьянами, лишённые поддержки, они проиграли в 1078 г. битву на

Нежатиной Ниве, и почти все остались там. Удачно тогда пал в сражении и Великий князь, так что теперь Всеволод занял престол «по закону и обычаю».

Следующие десять лет Владимир Мономах провёл в походах против «ослушников», реальных и мнимых. Всеволод и Мономах – как много позже произойдёт в Европе, как через несколько столетий будут делать Василий Тёмный и Иван Великий в Москве – собирали разрозненные земель под руку семьи. Нередко происходили весьма темные истории. Например, при странных обстоятельствах погиб один из сыновей Изяслава – Ярополк. Молва возложила ответственность на одного союзников Владимира Мономаха, поэтому «дабы избежать кривотолков и раздоров» имущество покойного забрал себе Владимир Мономах. Он же привез в Киев мать Ярополка, объяснив это желанием её утешить. С политической же точки зрения, нахождение вдовы Изяслава в столице у великого князя Всеволода сделало женщину заложницей в политической игре с Изяславичами.

Конец княжения Всеволода оказался неудачным. Неурожаи в течение нескольких лет вызвали голод, болезни и мор. Половцы нападали непрестанно. А поскольку все успехи и неудачи было принято связывать с князьями, умерший в 1093 г. Всеволод оставил в этом смысле крайне плохое наследство. Бывший фактически соправителем Владимир Мономах не стал утверждать своё право княжить силой, вместо этого в Киев позвали «следующего по лествичному закону» Святополка Изяславича Туровского. Мономах уехал в Чернигов «принимать жестокий удар судьбы»... Впрочем, можно быть уверенным, что сделано было всё согласно воле и планам Мономаха. Святополк был слабым управленцем и бездарным политиком. Не имел в Киеве ни войска, ни связей, а в условиях финансового упадка Шёлкового пути и тощей Великокняжеской казны не мог рассчитывать на найм варягов. Полностью зависел от Мономаха. Лучше быть «серым кардиналом» и подождать несколько лет, пока забудутся неудачи отца. А потом... Можно и вспомнить о невезучей судьбе того же Ярополка Изяславича. Неудачная попытка в 1093 г. воевать против половцев (тогда Святополк настоял на личном руководстве сражением, и это обернулось катастрофой, сам Мономах спасся лишь благодаря выучке телохранителей) репутацию Великого князя похоронила окончательно. На фоне этого успехи самого Мономаха, который раз за разом отражал набеги половцев и даже несколько волн вторжения истребил подчистую, выглядели просто ошеломляющими.

В 1096 году гибнет один из сыновей Мономаха от руки Олега Святославича (как бы сейчас сказали – беспредельщика, Олег постоянно претендовал на земли соседей, грабил,

водил на Русь половцев, расплачиваясь с ними грабежом земель). Родовой обычай и сила на стороне Мономаха... Но поддержки он кровную месть, с идеей заменить старый закон новым можно забыть (а заменить надо так, чтобы Мономах стал единоличным наследственным правителем по образцу базилевсов). Мономах вместо мести обратился к Олегу с письмом. Он звал Олега на переговоры о Чернигове, предлагал Олегу прекратить «дружбу» с кочевниками и присоединиться к его борьбе с половцами. «Письмо к Олегу» произвело настолько огромное впечатление на современников, что оно дошло до нас в многочисленных списках. В 1097 году на съезде князей в Любече состоялся долгий разговор Мономаха и Олега. Можно предположить, что Мономах поставил родственнику выбор: или отныне тот становится цепным псом, союзником и исполнителем грязных дел при Мономахе, или его отдадут на съедение остальным. Слишком многие имели зуб на Олега. Олег принимает предложение и становится «вернейшим из сподвижников». Ведь именно на Любеческом съезде князья принимают реформу Мономаха. Вводилось вертикальное наследование от отца к сыну: «каждый сидит на своей земле и за неё отвечает». То есть князья и бояре перестали переезжать с места на место и из города в город «на кормление», а стали классом феодалов, заинтересованных в процветании своей личной вотчины. Многие в этой реформе увидели великодушие Владимира Мономаха – он был в шаге от Киевского престола, но отказался навеки по новому закону. Ведь сам он числился князем переяславским. Мономах умел ждать...

В 1003 и 1007 годах Мономах наносит ряд поражений половцам, придумав и подготовив новую тактику. Она станет основной для войска русов до изобретения огнестрельного оружия. Войска теперь строятся не в одну линию, ополчение в центре, дружина на флангах. Теперь за первым строем пехоты стоит вторая линия из профессионалов, готовая выделить отряды на «цементирование» пробойн первой линии. Вторая же линия защищает тылы от возможного обхода. А когда враг измотан, именно вторая свежая линия наносит контрудар, вместе с конницей смыкая окружение. Противостоять половцы не смогли, тем более что Мономах придерживался тактики «пленных не брать даже за выкуп». В 1111 г., потеряв армию, ощутив на своей шкуре прелести встречных набегов и выжженной земли, после чего оставались только пепел и пустыня (пала даже столица кыпчаков Шарукань), половцы запросили мира. До самого нашествия Батыя половцы станут типичными феодальными соседями. В отличие от хазар и печенегов, с ними не только воевали, но и мирились, даже роднились. На Калке против монгольских войск русы оказались «в помощь родне».

В 1113 г. свершилась заветная мечта Мономаха. Он, наконец, стал великим князем Киевским. Стал фактически в обход тех самых законов Любеческого съезда, при этом сохранив его уложение. Пытаясь поправить своё финансовое положение, Святополк покровительствовал ростовщикам-иудеям, получая часть прибыли. Взамен он узаконил грабительские проценты и выбивал долги. Сразу после смерти Святополка в Киеве началась смута (уверен, что без агентов Мономаха не обошлось). Ростовщиков перебили, волнение черни угрожало перекинуться на дома состоятельных бояр и купцов. К Мономаху приехала делегация именитых людей с просьбой править в Киеве. Сначала Мономах вроде бы отказался, но «поддавшись уговорам», в конце концов согласился... Возразить не посмел никто из родственников (жить хотелось всем).

Утвердившись на престоле, Мономах сразу провёл финансовую и законодательную реформу (судя по всему, она уже была разработана заранее). Впервые в истории появилось государство не унитарного или феодального типа, а некий аналог федеративного союза. Мономах окончательно утвердил новую христианскую мораль и закон, построенный без языческих элементов, окончательно стёр из общественного сознания племенные границы. Оставил потомкам «Поучение», труд, ставший учебником и пособием по управлению для многих поколений правителей. Оставил после себя единое государство с чётким порядком наследования «от старшего сына к старшему». Слово Мономаха имело вес в политике от Англии до Константинополя. Никогда ни до, ни после него государство древних славян не достигало такой мощи.

Уже через два поколения после Владимира Мономаха начался стремительный закат. Законы природы неумолимы, любое явление имеет начало и конец, культуры и народы рождаются и умирают. Если пик могущества Киевской Руси пришёлся на период «золотой осени» восточнославянского этноса, то дальше исторический виток завершился. К XII веку настала старость Киевской Руси, началась фаза распада. Скрепляющая сила любого общества – это идейные люди, у которых есть внутреннее стремление объединиться ради достижения какой-либо цели. И не важно, осознанное это стремление или нет, реальна цель или призрачна. Что идущие на Царь-град или воевать степняков храбрые витязи Олега Вещего и Игоря Старого, что испанские конкистадоры в Америке – все они были готовы терпеть трудности и лишения, подчиняться суровым и жестоким командирам... Лишь бы достичь этой самой цели, лишь бы прославить себя и Родину. Но в фазе распада доминируют «жизнелюбы». Всё меньше становится людей деятельных, готовых с великими трудностями открывать никому не ведомые земли или «не жалети живота за други своя».

Всё чаще интерес замыкается своим ближним окружением и сиюминутными желаниями. Лозунгом эпохи распада становится: «Бери от жизни всё, один раз живём». Выпить – непременно сейчас, пожрать, найти женщину в своё удовольствие, избить того, кто не понравился. А уж подчиниться кому-то – да никогда! Ведь все равны, так почему командиром должен стать мой сосед, а не такой удалой парень, как я? И неважно, насколько по отдельности умелые и способные люди составляют в такой момент общество – образовавшееся сборище индивидуалистов и эгоистов всё равно обречено, как бы ни старался севший на престол следующим Мстислав и его дети. Им просто не хватило для поддержания структуры людей с «государственным», а не «хуторским» мышлением. Показателен пример битвы при Калке всего через сто лет после смерти Мономаха. Сражение с монголами начиналось при численном перевесе русичей в несколько раз... Но отряды славянских князей вступали в бой только тогда, когда была истреблена дружина соседа-соперника. Ведь после победы это давало возможность захватить земли соседнего правителя, оставшиеся без защиты.

Киевская Русь стремительно деградировала. Держава распалась, так как для существования государства нужен кругозор чуть дальше собственного носа. Политическая общность городов быстро забылась. К эпохе монгольских завоеваний Киевское государство существовало лишь на карте, а его осколки отчаянно воевали между собой. Не зря во времена Батыя штурмовать Рязань и Владимир монголам с энтузиазмом помогали нижегородские князья. Поселения на востоке и юго-востоке страны повторили участь скандинавов в Гренландии и Америке – без притока свежей крови и поддержки государства, колонисты вымерли или растворились среди местного населения. Тем временем войны и завоеватели стремительно прореживали жителей наиболее густонаселённых областей... До нашего времени от огромной державы уцелел лишь небольшой народ русинов, обитающий в Карпатах и на территории современной Молдавии.

В новом культурном витке, начавшемся в XIII-XIV веках, московским князьям пришлось заново создавать государство на... пустом месте? Нет. Московские князья опирались на идеи и государственные принципы, заложенные Мономахом. Именно благодаря его правлению даже в фазе распада сохранилась духовная, финансовая и законодательная общность: мы православные русы, а не вятичи, древляне, каничи и илвичи каждый со своим богом. Только поэтому русы не исчезли среди чужих народов, как это произошло с теми же булгарами – а ведь тоже славяне. Повторяя путь к единому государству последующие правители от Ивана Калиты до Ивана Великого образцом для

подражания считали Мономаха, видели – один раз цель достигнута, значит, этот путь можно повторить. Именно Мономах преподавал урок всем последующим поколениям, вплоть до нашего времени. Мы сила, пока мы единый народ. Правитель силен, пока действует во благо государства, а не ради личной выгоды и кармана своего. «Что умеете хорошего – не забывайте, а чего не умеете – учитесь. Пусть не застанет солнце вас в постели. Упорством власть берётся».